Воспоминанія стараго педагога [1]).

„Въ жизни отдѣльныхъ лицъ, какъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ, встрѣчаются извѣстные предѣлы, при достиженіи которыхъ принято съ благодарностью обращаться къ пройденному пути и въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ искать новыхъ силъ, новаго возбужденія къ новымъ трудамъ".

(Рѣчь московскаго профессора Н. А. Попова на юбилеѣ Погодина).

I.

Автобіографическія свѣдѣнія. — Мое рожденіе и происхожденіе. — Смерть отца.—Жизнь у дѣда: зимою и лѣтомъ.—Холера 1831 г.—Смерть няньки.— Учитель полякъ.—Мои пчеловодные подвиги.—Болѣзнь.—Начало ученія.

Родился я 17-го февраля 1826 года, въ двухъ верстахъ, возлѣ селенія Лѣпляваго, Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ хуторѣ Германивщинѣ, въ домѣ, окруженномъ лѣсомъ. Мой родъ производятъ отъ жившаго во время Петра В. малороссійскаго полковника Андріяша, богатаго человѣка, имѣвшаго въ нынѣшнемъ Лохвицкомъ уѣздѣ цѣлое селеніе Андріяшевку. Я, однако, достовѣрно знаю, что бли-

---

[1]) Алексѣй Ѳомичъ Андріяшевъ былъ директоромъ 1-й Кіевской гимназіи 28 лѣтъ, былъ сотрудникомъ извѣстнаго Николая Ивановича Пирогова, какъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Пироговымъ же за статьи о воспитаніи былъ выдвинутъ и отличенъ. Для юго-западнаго края Ал. Ѳом. сыгралъ очень важную роль, какъ распространитель русскихъ началъ и просвѣтитель русскаго народа, въ краѣ, который въ 60-хъ годахъ былъ совершенно ополяченъ. Для просвѣщенія народа А. Ѳ. издалъ и составилъ массу народныхъ книгъ и предпринялъ изданіе „Кіевскаго Народнаго Календаря", кот. насчитываетъ 47 лѣтъ своего существованія. Онъ вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ К. К. Гротомъ первымъ въ Россіи явился дѣятелемъ на пользу слѣпыхъ, основавъ въ г. Кіевѣ сначала попечительство и убѣжище слѣпыхъ, а затѣмъ училище слѣпыхъ. Въ послѣдніе годы жизни, увлекшись пчеловодствомъ, А. Ѳ. Андріяшевъ устроилъ на свои средства единственную въ Россіи *школу* практическаго пчеловодства. *Ред.*

жайшій мой родоначальникъ былъ простой, но зажиточный казакъ с. Лѣпляваго. Дѣдъ мой, Петръ Андріяшъ, имѣлъ двухъ сыновей Карпо и Ѳому. Старшій Карпо остался на хозяйствѣ и сохранилъ свою родовую фамилію Андріяша. Отецъ мой Ѳома во время присоединенія Каменецъ-Подольской губерніи къ Россіи отправился на службу въ г. Каменецъ-Подольскъ и для большей важности къ своей фамиліи прибавилъ по тогдашней модѣ *въ* и такимъ образомъ, вмѣсто Андріяша, началъ называться Андріяшевымъ. Лишился я отца на четвертомъ году жизни и знаю его только по разсказамъ людей, что онъ любилъ очень пчелъ и кормилъ подъ осень медомъ своихъ работниковъ, за что̀ послѣдніе его очень хвалили; а отъ матери слышалъ, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ на ея попеченіи пятерыхъ дѣтей: четырехъ сыновей, изъ которыхъ я самый младшій, и одну дочь—мою сестру, Марью, не имѣвшую и году во время кончины отца.

Первые годы дѣтства провелъ я внѣ родительскаго дома; такъ какъ, похоронивъ мужа, мать отправила меня на жительство къ своему отцу, а моему дѣду, помѣщику Алексѣю Максимовичу Анисимову. Здѣсь, однако, ожидали меня не большія радости. Дѣдъ мой былъ дѣлецъ, адвокатъ стараго закала и великій юристъ; онъ поглощенъ былъ своими бумагами, требуя полнѣйшей тишины въ комнатѣ. Бабушка была постоянно больна и почти не оставляла постели. „А бидне дитя“, какъ она выражалась неоднократно, т. е. я, долженъ былъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ бабушкиной комнатѣ, не смѣя выйти; потому что приходилось переходить чрезъ комнату, въ которой дѣдушка писалъ. Иногда, впрочемъ, добрая бабушка позволяла выйти на дворъ. Я тогда былъ въ восторгѣ и старался тихонько прокрасться чрезъ дѣдушкину комнату и убѣжать въ кухню, гдѣ сидѣла обыкновенно на печи старая баба Наталка, родоначальница почти половины дѣдушкиныхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Гордовыхъ. Баба Наталка живо помнила времена еще не давней въ то время свободы и горько жаловалась на закрѣпощеніе малороссійскими панами подсусидковъ. Она постоянно упрекала своего отца, что сдѣлался подсусидкомъ у стараго пана, какъ она говорила, разумѣя въ этомъ случаѣ моего прадѣда сотеннаго лѣплявскаго писаря Максима Писаренка, или по-книжному Анисимова. Разсказывала баба Наталка, какъ мой дѣдъ Алексѣй Максимовичъ подсусидковъ, нехотѣвшихъ идти въ неволю, держалъ въ колодкахъ въ ямѣ и какъ послѣ заставилъ ихъ копать ставокъ или прудъ. Съ чувствомъ соболѣзнованія я выслушивалъ длинные разсказы, или лучше печальныя воспоминанія бѣдной старухи. Еще болѣе меня занимали сказки бабы Наталки: про жаръ-птицу, про

разбойника Гаркушу и проч. Бывало, сидишь на печи, около бабы Наталки, слушаешь и млѣешь отъ страха. Жутко и страшно, а все-таки хочется слушать....

Къ сожалѣнію, мое пребываніе въ кухнѣ не могло быть продолжительнымъ. Бабушка, боясь вѣроятно, чтобы дѣдушка не былъ въ претензіи, что я провожу время въ кухнѣ, посылала горничную Явдоху привести паныча въ горницы. Меня уводили въ комнаты, и я долженъ былъ опять принять свою неподвижную позу. Такъ проходили скучные зимніе дни. Нѣсколько веселѣе проводилось лѣто въ саду, въ которомъ я любилъ играть по цѣлымъ днямъ, по возможности, въ укромныхъ уголкахъ сада, чтобы не попадаться на глаза старикамъ. Вообще говоря, жизнь у дѣдушки мнѣ не совсѣмъ нравилась, такъ какъ припоминаю, что въ каждый пріѣздъ матери я просился домой, а разъ для убѣжденія моей весьма брезгливой матери придумалъ даже такой аргументъ, что у меня завелись въ головѣ вши. Жалоба моя не подтвердилась, ибо Явдоха чуть не каждую недѣлю мыла исправно мою голову. Тѣмъ не менѣе мать, разсмѣявшись, взяла меня домой.

Это было лѣтомъ 1831 г., а подъ осень посѣтила Россію страшная гостья — холера. Помню я изъ этой смутной эпохи не много. Знаю только, что около этого времени умерла наша няня баба Марьяна; но кажется не отъ холеры, а больше отъ старости. Добрая была женщина эта старушка. Она вѣчно возилась съ нами, какъ курица съ цыплятами. Живо представляю себѣ эту худенькую, маленькую, сгорбленную женщину, которая сопровождала насъ во время прогулокъ въ окружавшемъ нашъ домъ лѣсу, съ немалымъ каждый разъ запасомъ пшенички (кукурузы), или коржиковъ съ макомъ и другихъ не менѣе прелестныхъ вещей, которыми она любила обдѣлять дѣтей во время прогулки. Послѣ холеры мать начала поговаривать объ ученіи моихъ старшихъ братьевъ: Василія и Николая. Сначала для обученія ихъ приглашенъ былъ изъ Лѣпляваго дьякъ по фамиліи Муссіяха. Чему онъ училъ братьевъ, я, разумѣется, не понималъ; но, вѣроятно, мать убѣдилась, что съ дьячковской науки не будетъ проку, потому что скоро начала хлопотать о наймѣ учителя. Вскорѣ изъ Канева привезли учителя-поляка Бенькевича. Вступилъ онъ, какъ кажется, въ свою должность лѣтомъ. По крайней мѣрѣ мнѣ живо припоминается такая картина: мать постоянно отлучалась изъ дому, то къ косарямъ, то къ жнецамъ, то въ пасѣку, которая лѣтомъ всегда вывозилась подъ гречки верстъ за десять отъ дому, то наконецъ отправлялась на ярмарки въ Каневѣ или въ ближайшихъ мѣстечкахъ. Старшіе братья, должно быть, не слишкомъ слушались своего юнаго учителя, да и самъ

учитель не слишкомъ хлопоталъ объ обученіи *прежлѣтныхъ* маленькихъ москалей. Жизнь въ отсутствіе матери складывалась такъ, что дѣти гуляли сами по себѣ, а учитель сидѣлъ за книгой. Сколько помнится, онъ любилъ читать какія-то книги историческаго содержанія, въ которыхъ описывались пораженія русскихъ и побѣды поляковъ. Помнится также, что учитель любилъ разсказывать старшимъ братьямъ о томъ, что вычиталъ въ своихъ книжкахъ. Братья, повидимому, мало вѣрили своему учителю. По крайней мѣрѣ нерѣдко затѣвали съ нимъ споры по поводу разсказаннаго. Учитель сердился. Я въ то время былъ не болѣе семи лѣтъ, но тоже былъ на сторонѣ братьевъ и думалъ, бывало, какъ поляки могли побѣждать русскихъ, когда самъ Бенькевичъ страшный трусъ и боялся, какъ огня, моей строгой матери. Не удалась, какъ видно, наука Бенькевича. Мать разсчитала учителя и отдала старшихъ братьевъ въ Каневское училище, а для насъ меньшихъ взяла учительницу, которая, впрочемъ, скоро уѣхала къ роднымъ. Мы съ братомъ Михаиломъ остались на свободѣ, едва успѣвши познакомиться съ буквами и дойти до складовъ. Все время мы проводили въ пасѣкѣ и за отсутствіемъ пасѣчника нерѣдко оставались одни. Припоминаю одинъ случай, который доказываетъ, какъ хорошо мы съ братомъ хозяйничали. Мы замѣтили возлѣ пасѣки кучи муравьиныя и рѣшились извести со свѣта негодныхъ наѣздниковъ, которые, пробираясь въ ульи, безпокоили пчелъ. Рѣшили выжечь муравьевъ, наложили на муравьиныя кучи сухихъ листьевъ и вѣтокъ, выкресали огонь и зажгли. Пламя быстро охватило сухой листъ и, за тѣмъ гонимое вѣтромъ, направилось прямо къ ульямъ. Напрасно мы съ братомъ старались потушить пожаръ. Огонь уже охватывалъ огорожу возлѣ пасѣки, когда на нашъ крикъ сбѣжались люди, работавшіе недалеко на гумнѣ.

Дѣло было возлѣ хутора дѣдушкина, называвшагося Краснымъ Кутомъ. Молотники прибѣжали съ метлами и лопатами и скоро успѣли потушить пожаръ; но, повидимому, не очень распространялись о случившемся несчастіи. Вѣроятно, такъ и не донесли старому пану, т. е. нашему дѣду, о происшествіи; такъ что благодаря такой скромности, намъ удалось избавиться отъ достойнаго возмездія. Въ тотъ же день вечеромъ мать забрала насъ домой. Мы со страхомъ ждали наказанія; но мать, хотя и знала о нашей шалости, но, поглощенная, вѣроятно, другими болѣе важными дѣлами, оставила насъ въ покоѣ; все обошлось благополучно, и наши страхи разсѣялись.

Другое несчастіе обрушилось на меня лично. Было дѣло лѣтомъ на вакаціяхъ, когда и старшіе мои братья были дома. Мать при-

везла насъ въ пасѣку, а сама отправилась куда-то по дѣламъ на довольно продолжительное время. Мы поснимали сапоги и начали гулять на зеленой лужайкѣ возлѣ пасѣки. Въ это время что-то ужасное укусило меня за ногу. Говорили тарантулъ. Я, однако, даже не почувствовалъ особой боли или, быть можетъ, гуляя въ азартѣ, боли не замѣтилъ. Но ночью нога страшно распухла и покрылась длинными и торчащими черными волосами. Малѣйшее прикосновеніе къ опухоли производило невыносимую боль. Я залегъ въ постель на цѣлые мѣсяцы и едва поднялся на ноги зимой. Живо припоминаю это печальное для меня время. Бывало, лежишь въ комнатѣ одинъ одинешенекъ. Кругомъ мертвая тишина, только изрѣдка раздается жужжаніе мухи. Тоска страшная. Такъ прошло лѣто и наступила осень. Болѣзнь моя наконецъ разрѣшилась катастрофой. Нарывъ, долго мучившій меня, прорвался, пошла сильно кровь; ничѣмъ не могли остановить ее. Лѣкаря далеко было искать, привезли фельдшера, ничего не помогъ. Пришлось обратиться къ знахарю, который, какъ говорили, умѣлъ заговаривать кровь. Знахарь что-то пошепталъ надъ тряпочкой у печки, приложилъ къ больному мѣсту эту тряпку, и кровь сразу остановилась.

Страшная и мучительная болѣзнь, приковавшая меня къ постели на цѣлые мѣсяцы, служитъ какъ бы гранью моей беззаботной дѣтской жизни. Мнѣ купили букварь Кіево-Печерской лавры на славянскомъ языкѣ, но пока учили урывками. Помню, однако, что азбуку я выучилъ безъ труда, прошелъ и склады. Но стали камнемъ преткновенія титла и словотитла. Некому было объяснить, а самъ я никакъ не могъ взять въ толкъ, почему напечатано Аплъ, а нужно читать апостолъ, или стый, а надо читать святый, или напечатано снъ, а надо читать сынъ, а не сонъ и проч. Долго оставалось мое ученіе въ нерѣшительномъ положеніи, пока мать не отправилась въ Переяславъ и не привезла богослова, который долженъ былъ окончательно приготовить меня и брата Михаила къ поступленію въ школу. Не разсуждая долго, мой учитель не сталъ заниматься съ нами по букварю, а прямо посадилъ насъ за псалтирь. Началось ученіе въ высшей степени для меня тягостное, такъ какъ я не успѣлъ еще одолѣть букваря и долженъ былъ взяться за псалтирь. Тѣмъ не менѣе учитель не унывалъ и къ концу вакацій объявилъ матери, что намъ нечего будетъ дѣлать въ фарѣ или въ самомъ низшемъ классѣ духовнаго училища, но что мы приготовлены къ поступленію прямо въ инфиму или во второй классъ.

II.

Моя школьная жизнь въ духовныхъ училищахъ.—Опредѣленіе въ инфиму.—Мои невзгоды.—Школьные порядки.—Ученіе мое въ 3 классѣ—„грамматикѣ“ и въ 4-мъ классѣ—въ „синтаксисѣ“.—Переходъ въ „риторику“ и въ „философію“.

Въ началѣ сентября 1836 г. насъ повезли въ Переяславъ. Мать рѣшила отдать насъ въ духовное училище, такъ какъ на старшихъ братьяхъ убѣдилась, что въ свѣтскихъ уѣздныхъ училищахъ нѣтъ за дѣтьми никакого надзора; вслѣдствіе чего дѣти балуются, а воспитывать въ гимназіи, вдали отъ дому, она не имѣла никакой возможности. И вотъ отправились мы съ матерью къ смотрителю училищъ, которымъ въ то время былъ священникъ или быть можетъ протоіерей Діомидовъ. Смотритель велѣлъ прочитать какой-то псаломъ. Братъ выдержалъ экзаменъ, а я споткнулся на тѣхъ же титлахъ и словотитлахъ. Къ счастію или къ несчастію, кадушка масла, которую за нами принесъ къ смотрителю кучеръ, послужила, повидимому, сильнымъ аргументомъ для убѣжденія въ моей способности проходить курсъ инфимы.

Мы были приняты въ училище. Мать оставила насъ на квартирѣ вмѣстѣ съ учителемъ нашего класса, прикомандировали бабу Оксану малу, названную такъ въ отличіе отъ Оксаны великой, молодой дѣвушки, состоявшей кухаркой у дѣдушки. Баба Оксана по плану, предначертанному матерью, должна была отводить дѣтей въ училище и варить обѣдъ изъ продукта, который доставлялся изъ дому, за исключеніемъ мяса, которое покупалось каждый день. Фунтъ мяса платился всего $1^1/_2$ коп. или три гроша. Учитель нашъ оказался, по нашему понятію, очень добрымъ; потому что любилъ больше спать да бесѣдовать съ дочерьми хозяйки, а на насъ мало обращалъ вниманія. Тяжелой мнѣ, однако, на первое время показалась школа. Во-первыхъ, выдалась въ 1836 г. страшная зима, морозы были такъ сильны, что стекла трескались. Квартира холодная, а классы, въ которыхъ мы обучались, и совершенно не топились. Пришлось не мало страдать отъ холода. Не долюбливали насъ дворянъ и наши духовные сверстники, дразнившіе насъ *голопузыми дворянами*. Не легко приходилось, наконецъ, и ученіе наизусть свящ. исторіи въ особенности для меня, едва умѣвшаго читать по складамъ. Къ счастію классный учитель оказался добрый, никогда не спрашивалъ, да и трудно было ему заниматься съ дворянами, допускавшимися въ училище изъ милости, когда у него было въ классѣ до 200 учениковъ духовнаго званія. Бывало, однако, что

домашній мой учитель надумается спросить, знаешь ли урокъ, и тогда приходилось, какъ говорилось на тогдашнемъ школьномъ языкѣ, попробовать березовой каши. Не знаю, какими судьбами, но меня перевели безъ экзамена въ третій классъ, гдѣ я на первый годъ чуть не остался, да и вѣрно бы остался, если бы мать не догадалась поднести учителю 3-го класса головы сахару. Только благодаря такой находчивости матери мнѣ не пришлось оставаться на повторительный курсъ третьяго класса вмѣстѣ съ *новичками*, которые, при двухъгодичномъ курсѣ 3-го класса, попавши не въ курсъ, почти понапрасну сидѣли въ классѣ цѣлый годъ, такъ какъ учителю, при многолюдствѣ класса коренныхъ учениковъ, не было возможности заняться съ этими несчастными новичками.

Современные педагоги, привыкшіе имѣть въ классѣ не болѣе 40 человѣкъ, пришли бы въ ужасъ, если бы имъ пришлось работать въ классѣ, въ которомъ мнѣ приходилось учиться. Въ огромной комнатѣ, никогда не отапливаемой, собиралось болѣе двухсотъ учащихся. Раннимъ утромъ едва начинаетъ разсвѣтать, при 20-ти градусахъ мороза, сбѣгаются дѣти въ классъ и прежде всего начинаютъ бѣгать, бороться и играть въ *тѣсной бабы*, чтобъ согрѣться. Между тѣмъ приближается время прихода учителя. Авдиторы спрашиваютъ уроки у своихъ учениковъ. Получившіе отмѣтку не знаетъ (nescit) вызывались цензоромъ (старшимъ ученикомъ) еще до прихода учителя и по заведенному порядку должны были стать на колѣни. Крикъ, шумъ, толкотня! Получившіе неудовлетворительныя отмѣтки плачутъ, другіе бранятъ авдитора, а нѣкоторые грозятъ, что будутъ жаловаться на несправедливость. Наконецъ входитъ учитель. Шумъ утихаетъ. Начинается повѣрка авдиторскихъ отмѣтокъ. Господинъ учитель! взываетъ кто-нибудь изъ обиженныхъ, „я знаю урокъ, а мнѣ записали: не знаетъ“. Начинается спрашиваніе; ученикъ сбивается и сейчасъ получаетъ должное возмездіе въ видѣ десяти или двадцати розогъ; но бывало и наоборотъ. Жалоба оказывалась справедливою, и тогда кара постигала несправедливаго авдитора. Еще замѣчательнѣе диспуты о мѣстѣ въ классѣ. Сидѣвшій на одной изъ заднихъ скамеекъ объявлялъ, что лучше знаетъ все пройденное, чѣмъ какой-нибудь изъ учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамейкахъ.

И такимъ заявленіямъ учитель давалъ значеніе и не рѣдко устраивалъ диспутъ о мѣстѣ, въ видѣ экзамена обоимъ споривщимъ. При этомъ случались курьезы, что сидѣвшій на передней скамейкѣ ничего не зналъ, а аттестовался знающимъ, потому что умѣлъ задобрить репетитора. Тогда въ наказаніе назначалась учителемъ пересадка не выдержавшаго испытанія на заднюю скамейку.

Я бы могъ еще не мало сообщить курьезовъ о школьной жизни въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ тридцатыхъ годовъ, но ограничусь описаніемъ положенія несчастныхъ дворянъ, попавшихъ въ школу духовную того времени. Это были какіе-то паріи, надъ которыми потѣшались ихъ сотоварищи; а начальство или ихъ совершенно игнорировало, или если и замѣчало ихъ пребываніе въ классѣ, то не затруднялось третировать ихъ, какъ людей лишнихъ. Были случаи и проскрипціи. Выгоняли изъ училища третьяго или пятаго по списку дворянина. Греческій языкъ то приказывали дворянамъ учить, то запрещали. Еще печальнѣе было положеніе дворянъ на урокѣ географіи. Объ атласахъ мы не имѣли и понятія, а имѣли на огромный классъ одну карту, возлѣ которой предъ урокомъ собиралось до 50 человѣкъ. Только шустрый ученикъ. бывало, проберется къ самой картѣ, а мнѣ, по скромности моей, приходилось по большей части поднявшись на цыпочкахъ смотрѣть, что показываютъ изъ-за стѣны десятки счастливцевъ, успѣвшихъ захватить мѣста у карты.

Такъ шло мое образованіе въ третьемъ классѣ. Въ четвертомъ классѣ нѣсколько успѣшнѣе пошло мое ученіе, но здѣсь приходилось много работать по совершенному недостатку книгъ. Такъ, напримѣръ, приходилось переписывать латинскихъ классиковъ; потому что не было никакой возможности достать книгъ, такъ какъ книжной лавки ни въ городѣ, ни при семинаріи не было. Одно было хорошо. Въ пятомъ и шестомъ классахъ, т. е. въ риторикѣ и философіи хорошо учили писать, т. е. сочинять сначала небольшія произведенія въ родѣ хрій и маленькихъ разсужденій, а затѣмъ въ шестомъ классѣ перешли къ большимъ сочиненіямъ и цѣлымъ проповѣдямъ. Помню одну такую проповѣдь на „Господи воззвахъ“, съ которою я никакъ не могъ справиться, несмотря на то, что уединялся въ пещеркѣ, вырытой въ крѣпостномъ валу, который входилъ въ огородъ моего хозяина-оружейника. Въ этой же землянкѣ я изучалъ логику и философію или, лучше сказать, психологію; послѣдняя мнѣ давалась однако не безъ труда. Хорошъ былъ нашъ учитель-философъ съ орлинымъ носомъ и быстрымъ взглядомъ, низкаго роста, но довольно толстый. Это былъ профессоръ Бобинъ. Припомню одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ нему. Однажды я на урокѣ по логикѣ, которая мнѣ вообще давалась легко, сидѣлъ и переписывалъ латинскій текстъ Цицерона. Бобинъ орлинымъ взглядомъ замѣтилъ, что я занимаюсь постороннимъ дѣломъ, и велѣлъ мнѣ, 18-лѣтнему философу, стать на колѣна. Я исполнилъ приказаніе, но долго проклиналъ въ душѣ вспыльчиваго педагога. При всемъ томъ, мало-по-малу я примирился съ нимъ въ душѣ и, главнымъ образомъ, благодаря его превосходнымъ разборамъ учени-

ческихъ сочиненій, а еще болѣе за его превосходныя лекціи. Бывало, сядетъ этотъ дивный ораторъ на каѳедру и начнетъ свою лекцію звучнымъ и мелодическимъ басомъ, сидишь, слушаешь, боишься упустить нить его строгихъ логическихъ разсужденій. Еще не могу не вспомнить съ благодарностью другого учителя, протоіерея той самой церкви, гдѣ присягнулъ на подданство Богданъ Хмѣльницкій, церкви Пречистой, по фамиліи Андреевскаго. Этотъ превосходный преподаватель русской словесности первый положилъ основу моего развитія и научилъ владѣть перомъ. И что это былъ за добрый старикъ съ нѣжными розовыми щеками и совершенно бѣлой бородой, старикъ, способный увлекать своею рѣчью то спокойною, то живою и пламенною.

III.

Увольненіе изъ семинаріи.—Приготовленіе къ экзамену на должность учителя.—Поступленіе въ Лицей князя Безбородко.—Пребываніе въ Лицеѣ.

Наступилъ, однако, 18-ый годъ моей жизни въ 1844 г. На вакаціяхъ пріѣхали братья одинъ изъ Вильны Василій и другой Михаилъ, учившійся въ Москвѣ у дяди Тимоѳея Анисимова.—Насмѣшки старшаго брата и разсказы про свѣтскія заведенія брата Михаила заставили меня подумать о будущемъ. Я не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ духовному званію, въ которое меня приняли бы съ удовольствіемъ, если бы только я заявилъ желаніе. Но въ то же время я видѣлъ бѣдственное положеніе матери, вошедшей въ долги для содержанія брата Николая въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. Я составилъ планъ, какимъ образомъ поскорѣе выйти на свой хлѣбъ. Однимъ словомъ, рѣшился держать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя. Я много мечталъ объ этомъ, какъ мнѣ казалось тогда, самостоятельномъ поприщѣ. Я полагалъ, что, получая 200 р. въ годъ, тогдашнее жалованье учителя уѣзднаго училища, я буду имѣть возможность прожить въ свое удовольствіе. И не удивительно! Я платилъ за квартиру 25 руб. ассигнаціями въ годъ, да на приварокъ 25 р. ассигнаціями и былъ сытъ, всего въ годъ до 50-ти руб. ассигнаціями, а между тѣмъ 200 руб. составляли 700 руб. на ассигнаціи по тогдашнему счету. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, я убѣдилъ мать, что мнѣ въ семинаріи нечего больше дѣлать и послѣ вакаціи 1844 г. подалъ ректору семинаріи прошеніе объ увольненіи.

Уволившись, я началъ готовиться къ учительскому экзамену по исторіи и географіи, по наукамъ, которыя болѣе всего любилъ и которыми съ давнихъ поръ усердно занимался. Приготовленіе мое,

къ учительскому экзамену, шло, однако, весьма медленно. Главною причиною служило то, что я былъ приглашенъ на кондицію въ 20-ти верстахъ отъ дому, къ г-жѣ Гудиминой въ громадную семью, состоявшую изъ дѣтей отъ двухъ братьевъ покойнаго мужа Гудиминой. Мнѣ пришлось учить двухъ дѣвочекъ: одну около 15-ти лѣтъ, другую 12-ти лѣтъ и четырехъ мальчиковъ отъ 8—14 лѣтъ. Отъ меня потребовали, чтобъ я и училъ дѣтей, и гулялъ съ ними въ качествѣ дядьки или гувернера. Къ тому же во флигелѣ, гдѣ отвели для меня квартиру, помѣстили вмѣстѣ со мною четырехъ мальчиковъ: двухъ шалуновъ изъ моихъ учениковъ и двухъ малютокъ, которые хотя и не учились, но умѣли изрядно кричать и поднимать шумъ. Хозяйка моя помѣщица отъ 300 душъ, женщина еще не старая и довольно красивая собою, любила держать дѣтей и прислугу въ большомъ респектѣ, а на меня—наставника ея дѣтей, смотрѣла, какъ на платнаго лакея, который по ея словамъ „долженъ былъ отдаться своему дѣлу всею душою и сердцемъ“. И за всѣ эти труды съ 6-ю дѣтьми, ежедневно съ утра до вечера, положено было вознагражденіе всего двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ, или въ переводѣ на серебро въ тогдашнее время около 57 р. въ годъ.—Промучился я не мало, пока подготовилъ дѣтей такой щедрой хозяйки въ учебныя заведенія. Лѣтомъ она рѣшила отдать дѣтей въ учебныя заведенія въ Полтаву, куда она съѣздила и успѣла заручиться обѣщаніями. Мнѣ безъ церемоніи отказали отъ мѣста и даже не дали лошадей для возвращенія домой. Приходилось идти пѣшкомъ, если бы не подвезъ домашній докторъ хозяйки, военный врачъ Ланкевичъ, квартировавшій съ полкомъ въ г. Золотоношѣ, котораго сына я училъ безмездно, вмѣстѣ съ дѣтьми Гудиминой.

Возвратившись домой, я оставилъ планъ учительства, а рѣшился поступить въ Нѣжинскій Лицей кн. Безбородно, гдѣ уже три года обучался старшій братъ мой Николай, подъ конецъ страшно заболѣвшій ревматизмомъ. Едва началъ онъ оправляться отъ болѣзни, мы отправились въ Нѣжинъ. Экзаменъ мой для поступленія въ Лицей окончился благополучно, хотя и не безъ нѣкоторой задержки по математикѣ, въ которой я былъ слабѣе другихъ предметовъ. Я нашелъ кондицію у генеральши Хорошкевичевой, у которой за столъ и квартиру занимался съ однимъ мальчикомъ, ученикомъ 3-го класса гимназіи, и имѣлъ достаточно времени работать и на себя. Въ это время Лицей представлялъ заведеніе смѣшанное: не то словесное, не то юридическое. На первомъ курсѣ я слушалъ два юридическіе предметы: энциклопедію законовѣдѣнія и государственные законы. Остальные предметы было словесные: словесность, русская исторія и новые языки. На послѣдніе я обратилъ все вниманіе такъ какъ

въ семинаріи, хотя и пробовалъ ихъ изучать, по слушая ихъ отъ учителей семинаріи, которые сами знали не много, я едва умѣлъ читать. Я началъ сильно работать по языкамъ, задавшись сознаніемъ необходимости заучивать какъ можно больше словъ. Я вставалъ въ четыре часа, до 8-ми час. могъ свободно трудиться надъ усвоеніемъ словъ и скоро сравнялся съ моими товарищами, учившимися новымъ языкамъ въ теченіе всего гимназическаго курса, т. е. не менѣе семи лѣтъ, а во время курсовыхъ экзаменовъ успѣлъ даже послужить хорошей рекомендаціей для лектора Лицея Клернета, дѣйствительно превосходнаго учителя нѣмецкаго языка.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога [1]).

IV.

Увольненіе изъ Лицея. Переходъ въ Кіевскій университетъ. Поступленіе въ университетъ. Первый годъ пребыванія въ университетѣ. Арестъ Костомарова. Поступленіе на профессорское содержаніе.

Мой курсовый экзаменъ прошелъ блистательно. Мнѣ объявили, что я признанъ эминентомъ или кандидатомъ на 12-ый классъ при окончаніи курса Лицея. Несмотря на это, тогдашнее лицейское образованіе меня не удовлетворяло; я жаждалъ высшей науки. Тѣмъ не менѣе я отправился послѣ вакацій 1846 г. въ Нѣжинъ, надѣясь, что буду принятъ на казенное содержаніе, какъ обѣщалъ мнѣ директоръ Экебладъ. Но надежды мои не оправдались. По пріѣздѣ въ Нѣжинъ я явился къ директору и получилъ категорическій отказъ по неимѣнію вакансій. Тогда я рѣшился во что бы то ни стало перебраться въ Кіевъ, въ университетъ. Трудная однако была эта задача. Деньги, какія мы привезли съ братомъ, были по уплатѣ за квартиру брата израсходованы. У меня въ карманѣ не было ни гроша. Тогда братъ придумалъ что-то заложить изъ одежи и досталъ всего два рубля. Съ этими деньгами я рѣшился пѣшкомъ отправиться въ Кіевъ и оттуда домой, т. е. сдѣлать всего около 300 в., такъ какъ лекціи въ университетѣ должны были начаться не раньше, какъ чрезъ три недѣли. Собравши въ Нѣжинѣ справки о времени начатія университетскихъ лекцій, я составилъ планъ, прибывъ въ

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1911 года.

Кіевъ, подать прошеніе о принятіи меня въ университетъ, а затѣмъ отправиться домой въ Золотоношу, запастись средствами по крайней мѣрѣ на первое время. Въ концѣ іюля я подалъ прошеніе объ увольненіи меня изъ Лицея. Напрасно Экебладъ чрезъ профессора исторіи Паевскаго старался убѣдить меня остаться въ Лицеѣ, я устоялъ на своемъ и на третій день послѣ подачи прошенія получилъ свидѣтельство и свои бумаги на руки. 30 іюля я двинулся въ путь, взявши извощика до ближайшаго села—Дѣвицы. Такъ желалъ братъ, чтобъ не посрамить своего дворянскаго достоинства; и я, далеко не раздѣлявшій его убѣжденій въ этомъ отношеніи, подчинился его желанію единственно для того, чтобы не желалъ огорчать брата, любившаго почваниться своимъ помѣщичьимъ званіемъ. Выѣхавъ изъ города, я однако отпустилъ извощика и, надѣвши котомку на плеча, отправился по образу пѣшаго хожденія. Погода стояла прекрасная; весело я шелъ по столбовой дорогѣ и скоро миновалъ большое мѣстечко Носовку. Между тѣмъ насталъ вечеръ, начало темнѣть, вдали чернѣлся лѣсъ, а возлѣ него засверкалъ огонекъ, не вдали отъ дороги. Я свернулъ съ дороги, пошелъ прямо по полю на огонь и нашелъ возлѣ него цѣлую артель рабочихъ мужчинъ и женщинъ, возлѣ которыхъ и устроился на ночлегъ, положивши котомку подъ голову. На другой день чуть свѣтъ я отправился въ дальнѣйшій путь. Не буду описывать всѣхъ подробностей моего путешествія, ни того страшнаго утомленія, которое я почувствовалъ къ вечеру второго дня вслѣдствіе непривычки къ ходьбѣ. Скажу только, что на третій день, и то благодаря крестьянину, подвезшему меня отъ с. Семиполокъ по сыпучимъ пескамъ тогдашней еще не шоссированной дороги, я прибылъ въ Кіевъ по наводному мосту и остановился въ дешевомъ трактирчикѣ на Печерскѣ. Печерскъ въ то время еще кипѣлъ жизнію. По всему направленію Никольскихъ лавокъ двигались толпы людей, куда-то спѣшившихъ и сновавшихъ то взадъ, то впередъ, точь въ точь какъ теперь на Крещатикѣ. Кое-какъ я пробрался въ Липки и оттуда спустился на Крещатикъ, тогда еще окруженный плохими домишками, построенными въ дворахъ и отгороженными отъ улицы штакетами.

На воротахъ и на штакетахъ красовались вывѣски. Только не много домовъ каменныхъ были выдвинуты на улицу и составляли, можно сказать, зачатки нынѣшняго великолѣпія этого кіевскаго проспекта. Здѣсь я встрѣтился съ двумя студентами университета, которые, какъ оказалось, были казеннокоштными и жили въ самомъ университетѣ. Они пригласили меня въ свою камеру, дали бумаги, и я написалъ прошеніе попечителю округа о принятіи меня въ

университетъ. На другой день я явился попечителю, возлѣ дома котораго на Крещатикѣ встрѣтился со студентами наканунѣ. Попечитель генералъ Траскинъ довольно внушительнаго вида и еще болѣе внушительной тучности, величественно принялъ отъ меня прошеніе и сказалъ: „хорошо, будете приняты“. Я понялъ эти слова такъ, что я буду принятъ безъ экзамена, и рѣшился поскорѣе отправиться домой, пока не начнутся университетскія лекціи. Къ этому меня побуждала и совершенная пустота въ карманѣ. Изъ взятыхъ мною изъ Нѣжина 2 руб. оставалась самая малость. Я разсчитался съ хозяевами, пошелъ на базаръ, купилъ хлѣба и большую селедку, приговорилъ мужичка, возвращавшагося съ торгу, чтобъ онъ подвезъ меня до Дарницы, чрезъ сыпучіе пески около 7-ми верстъ отъ Кіева. Съ нимъ подъѣхалъ я къ квартирѣ, забралъ свою котомку и отправился въ путь. Мой попутчикъ оказался весьма добрымъ человѣкомъ. Онъ за 20 коп. подвезъ мою котомку не только до Дарницы, но чрезъ весь боръ. Мы съ нимъ однако шли по большей части пѣшкомъ возлѣ воза, который тащила медленно пара воловъ. И какое было пріятное путешествіе. Лѣтнее солнце едва показалось изъ-за горизонта, бальзамическій запахъ сосны, пріятная прохлада среди вѣковыхъ деревьевъ, добрая и искренняя рѣчь крестьянина, разсказывавшаго про свое житье-бытье у богатаго помѣщика. Все это производило на душу пріятное впечатлѣніе. Въ Дарницѣ мы съ моимъ возницей подкрѣпились пищей. Попивая воду изъ баклажки, мы, наконецъ, проѣхали боръ. Но тутъ, къ сожалѣнію, я долженъ былъ разстаться съ своимъ попутчикомъ, свернувшимъ въ сторону, въ свою деревню. Я, взваливши на плечи свою котомку, поплелся дальше своей дорогой на Барисполь, дошелъ до Барисполя, прошелъ это мѣстечко и вышелъ опять на столбовую почтовую дорогу къ Рогозову. Но, пройдя верстъ пять, шесть, почувствовалъ страшную усталость. Выбившись изъ силъ, я усѣлся подъ вербою и уныло смотрѣлъ на заходящее солнце. Долго я думалъ тяжелую думу и рѣшилъ заночевать подъ вербою. Положеніе мое было отчаянное: въ карманѣ ни гроша, хлѣба ни куска, а между тѣмъ предстояло еще пройти болѣе ста верстъ до дому. Я долго обдумывалъ свое положеніе и рѣшительно не зналъ, какъ выйти изъ него. Приходилось такъ, что хоть протягивай руку за милостыней. Вдругъ раздалось гиканье балагульщика еврея, возвращавшагося, какъ оказалось послѣ, изъ Кіева порожнякомъ. Я вскочилъ на ноги и выбѣжалъ на средину дороги, прося еврея остановиться. Скоро мы сторговались съ нимъ. Онъ согласился довезти меня домой за четыре рубля, съ условіемъ получить деньги на мѣстѣ.

Я влѣзъ въ балагулу, положилъ котомку подъ голову и заснулъ

сномъ праведника, убаюкиваемый стукомъ колесъ и гиканьемъ моего возницы. Тройка коней шла крупной рысцой налегкѣ въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру едва взошло солнце, мы уже подъѣзжали къ мѣсту моего первоначальнаго ученія, къ г. Переяславу. Еврей объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ Переяславѣ, что три недѣли онъ уже въ разъѣздѣ и не перемѣнялъ бѣлья.

Онъ просилъ меня остановиться въ городѣ на полдня. Я согласился не безъ тайнаго удовольствія: авось, евреи помогутъ мнѣ, думалъ я, утолить страшно мучившій меня голодъ. И дѣйствительно, я не ошибся. Добрые евреи усадили меня за обѣдъ, и я въ первый разъ въ жизни попробовалъ еврейской стряпни. Помню, что обѣдъ состоялъ изъ щуки, сваренной съ картофелемъ, съ достаточнымъ количествомъ перцу. Подкрѣпившись обѣдомъ, мы отправились дальше. Прошло много лѣтъ, а и теперь я живо вспоминаю добраго еврея, своего возницу, и его миловидную и еще очень молодую жену, радушно угостившую меня своей рыбой. А вѣдь и евреи тоже люди—человѣки, и они имѣютъ сердце, несмотря на то, что ихъ презираютъ и гонятъ. Но всю жизнь я сохранилъ гуманный взглядъ на этотъ народъ, хотя, признаюсь, всегда побаивался ихъ недостатковъ.

Въ концѣ августа 1846 г. я съ двумя завѣтными червонцами, которые покойница мать моя успѣла приберечь, отправился въ Кіевъ на своихъ лошадяхъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, который въ томъ году окончилъ Минскую гимназію и пріѣхалъ также для поступленія въ университетъ; но долженъ былъ ожидать своихъ документовъ, которые его директоромъ были отправлены въ Казань, по случаю заявленнаго братомъ желанія поступить на казенное содержаніе въ Казанскій университетъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы съ братомъ остановились на Подолѣ, на постояломъ дворѣ, а вечеромъ отправились гулять на Крещатикъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день съ утра отправиться на поиски для найма квартиры. На Крещатикѣ случайно мы встрѣтили университетскаго педеля, который разыскивалъ меня для предъявленія повѣстки, что я долженъ явиться на экзаменъ. Это неожиданное извѣстіе привело меня въ большое смущеніе. Цѣлый годъ не занимался я гимназическими предметами и успѣлъ все порядочно перезабыть. Промучившись всю ночь, я на другой день отправился рано утромъ въ университетъ. По пути я встрѣтилъ студента Горыгорецкаго Института, знакомаго по Нѣжину. Онъ хотѣлъ перейти въ университетъ, но не выдержалъ экзамена и наговорилъ мнѣ немало ужасовъ про строгости экзаменаторовъ, которыми въ то время были профессора университета. Напу-

ганный и совершенно обезкураженный, я въ отчаяніи явился въ университетъ съ цѣлію взять свои документы обратно. Въ университетѣ меня направили къ секретарю тогдашняго синдика Глушановскаго. Отправляюсь, меня принялъ юный секретарь, едва только окончившій университетъ и еще даже не снявшій студентской формы — нѣкто Витковскій. Я объяснилъ ему мое горе и просилъ возвратить документы. Витковскій сказалъ, что мои документы переданы въ экзаменаціонную комиссію, сталъ уговаривать меня не бояться экзамена и идти смѣло экзаменоваться. Я послушался. Прихожу въ экзаменаціонную комнату. Профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій задалъ тему: „О вліяніи Монгольскаго ига“. Въ полчаса я прямо на-чисто написалъ отвѣтъ; онъ началъ разсматривать его и показывать прочимъ членамъ коммиссіи мое лицейское свидѣтельство. Меня подозвали къ столу и объявили, что мой экзаменъ одна формальность, и, дѣйствительно, экзаменъ мой сошелъ весьма благополучно.

Въ первыхъ числахъ сентября меня позвали къ инспектору студентовъ, которымъ въ то время былъ полковникъ Сычуговъ, впослѣдствіи кіевскій старшій полицеймейстеръ. Мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ юридическаго факультета, и выдали матрикулъ. Между тѣмъ я успѣлъ найти за 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ квартиру со столомъ на такъ-называемыхъ въ шутку студентами „хуторахъ отчаянія“, гдѣ нынѣ Златоустовская улица, а въ то время мѣстность эта носила названіе Солдатской слободки. Она отдѣлялась громаднымъ пустыремъ отъ университета. Далеко приходилось ходить на лекціи. Ходилъ я обыкновенно, не держась дороги изъ Кіева на Борщаговку, крайне узкой и неудобной, а по большей части отправлялся небольшой тропинкой, проложенной чрезъ овраги, которая значительно сокращала путь. Приходилось, выйдя изъ зданія университета, прежде всего пройти большую площадь, гдѣ нынѣ построенъ Владимірскій соборъ, и проходятъ улицы: Гимназическая, Нестеровская, Пироговская и Тимоѳѣевская. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь анатомическій театръ, приходилось спускаться въ оврагъ, посрединѣ котораго протекалъ довольно глубокій ручей, гдѣ нынѣ Мало-Владимірская улица; такъ что въ весеннее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было по колѣна попасть въ воду. Бредешь, бывало, пока не взберешься на взгорье, гдѣ нынѣ Ивановская и Бульварно-Кудрявская улицы. И на этомъ-то самомъ мѣстѣ, гдѣ приходилось становиться отдыхать послѣ трудной переправы чрезъ канаву, пришлось мнѣ теперь доживать свой вѣкъ, но не въ своей хатѣ, а въ хатѣ зятя...

Но я забѣжалъ впередъ. Недаромъ я стремился въ универси-

тетъ; не даромъ я смотрѣлъ на него, какъ на обѣтованную землю, гдѣ въ потѣ лица могъ трудиться и неустаннымъ трудомъ, въ которомъ находилъ величайшее удовольствіе, пробивать себѣ дорогу въ жизни. Съ поступленіемъ въ университетъ открылось мнѣ широкое научное поприще. Я посѣщалъ лекціи не только юридическія, которыхъ на первомъ году было не болѣе 12-ти въ недѣлю, но и лекціи лучшихъ профессоровъ другихъ факультетовъ. Съ особенною любовью я слушалъ лекціи по исторіи всеобщей—Шульгина, по философіи — Новицкаго, по химіи — публичныя лекціи Фонберга, по физикѣ—лекціи Кнора, по анатоміи—публичныя лекціи Вальтера. Посѣщалъ даже анатомическій театръ, который тогда находился на Тарасовской улицѣ въ небольшомъ домѣ, вовсе не приспособленномъ для этой цѣли. Въ восемь часовъ утра я отправлялся изъ своей квартиры по совершенно пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ кипитъ жизнь и тянутся ряды трехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ. До трехъ часовъ я оставался въ университетѣ, переходя съ лекціи на лекцію. Собственно юридическихъ лекцій было не болѣе трехъ часовъ въ день, а иногда даже не болѣе двухъ часовъ: а именно: профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій читалъ римское право и гражданскіе законы. Профессоръ Богородскій—государственные законы. Адъюнктъ, профессоръ Цвѣтковъ—энциклопедію законовѣдѣнія. Независимо отъ того, для студентовъ юридическаго факультета, вмѣстѣ съ словесниками, преподавались: Законъ Божій — протоіереемъ Скворцовымъ, русская словесность — профессоромъ Солинымъ и русская исторія — профессоромъ Костомаровымъ. Въ особенности посѣщались и происходили въ самой большой первой аудиторіи лекціи Солина, который славился своимъ краснорѣчіемъ. Краснорѣчіемъ этимъ восхищались въ особенности студенты-поляки. Но замѣчательны были въ особенности лекціи профессора Костомарова, чуждыя всякой мишуры и блестковъ краснорѣчія, но простыя и весьма содержательныя. Число слушателей его было громадно. Бывало биткомъ набита громадная аудиторія. Ходили уже слухи, что начальство не довѣряетъ Костомарову; но это только больше подзадоривало насъ, и мы недоумѣвали, чѣмъ могъ возбудить недовѣріе человѣкъ науки, которую онъ, можно сказать, исповѣдывалъ предъ своею аудиторіею. И дѣйствительно, начальство, въ лицѣ помощника попечителя Юзефовича, по-временамъ появлялось въ аудиторіи. Это, повидимому, крайне смущало Костомарова. По крайней мѣрѣ, онъ краснѣлъ, часто поправлялъ очки и, видимо, волновался. Въ это время онъ все вниманіе свое обращалъ на тетрадь, наклонившись къ каѳедрѣ, и излагалъ обыкновенно лекцію крайне сухо и монотонно. Должно быть уже что-то

недоброе приготовлялось въ жизни нашего любимаго наставника. И дѣйствительно, въ концѣ свѣтлаго праздника Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 г., разразилась надъ его бѣдною головою гроза. Костомаровъ и преподаватель рисованья въ университетѣ Шевченко внезапно были арестованы и внезапно отправлены въ С.-Петербургъ. Увезены также и нѣкоторые студенты словеснаго факультета, въ томъ числѣ изъ болѣе извѣстныхъ въ послѣдующее время студенты 4-го курса Посяда и Маркевичъ. Никто изъ насъ не зналъ, какая причина такого ужаснаго несчастія съ любимымъ нашимъ профессоромъ, у котораго мы собирались присутствовать на вѣнчаніи, такъ какъ въ городѣ ходилъ уже слухъ о его женитьбѣ. Разсказывали всякія небылицы, но никто не зналъ настоящей правды. Переполохъ былъ общій и постоянно поддерживался обысками у студентовъ. Усердіе тогдашнихъ субъ-инспекторовъ не знало мѣры, а одинъ даже дотого отличился, что отобралъ при обыскѣ у одного студента всѣ его книги и въ томъ числѣ лексиконы; и все это представилъ на благоусмотрѣніе начальства. Говорили однако, что начальство не похвалило такого усердія не по разуму и велѣло возвратить книги по принадлежности.

Между тѣмъ приближалось время полугодичныхъ экзаменовъ, производившихся для казенпокоштныхъ студентовъ и для тѣхъ, которые желали поступить на казенное содержаніе. Я еще предъ Рождествомъ выдержалъ такое испытаніе; но результатовъ никакъ не могъ добиться. Надѣясь поступить на казенное содержавіе, я не хотѣлъ просить денегъ у матери и искать уроковъ, а между тѣмъ мои червонцы давно уже испарились. Успѣлъ уже прожить и еще сорокъ рублей, присланныхъ матерью. Безденежье ужасное; такъ что хозяинъ уже не разъ приходилъ объявлять мнѣ и товарищамъ, что обѣда не будетъ. Только благодаря великодушной хозяйкѣ, мы кое-какъ питались и въ эти злосчастные дни. Тайкомъ отъ мужа она покупала для насъ булки. Такъ мы перебивались, пока не находилась у кого-нибудь сумма денегъ, чтобы уплатить хозяину малую толику. Тогда опять появлялась у насъ на столѣ горячая пища. Великое дѣло молодость! Въ критическія минуты мы были веселы и не мало хохотали и дурачились. Разъ однако эти шутки дошли между двумя литвинами до драки или лучше до взаимнаго оскорбленія. Одинъ студентъ изъ пановъ, т. е. изъ шляхты, назвалъ другого—изъ крестьянъ „хлопомъ“ и такъ этого послѣдняго разобидѣлъ, что тотъ отвѣчалъ пощечиной. Дошло дѣло до дуэли. Два пѣтуха начали готовиться къ смертельному бою; все затрудненіе въ недостаткѣ оружія. Но мы употребили всѣ усилія, чтобы угововорить товарищей помириться. Живо помню наше вол-

неніе и безпокойство, а затѣмъ и всю комическую сцену примиренія. Мы, свидѣтели всей этой сцены, вмѣстѣ напрягали всѣ усилія, чтобы не разсмѣяться, а главное какимъ-либо неосторожнымъ словомъ или жестомъ не подать новаго повода къ вспышкѣ.

Но среди хлопотъ по приготовленію къ экзамену и въ веселой компаніи товарищей я серьезно началъ подумывать о томъ, какъ я могу дожить до конца учебнаго года. Оставалось еще два мѣсяца. Мои костюмы поизносились, а главное, сапоги настоятельно требовали починки.

Въ это время вдругъ приходитъ педель и объявляетъ, что я принятъ на профессорское содержаніе и могу перебираться на безплатную квартиру въ заведеніе несостоятельныхъ студентовъ, которое молодежь въ шутку прозвала штраухгаузомъ, т. е. домомъ наказанія; прокутится кто, жить не на что; онъ подаетъ прошеніе и до поправленія обстоятельствъ перебирается на жительство въ штраухгаузъ какъ бы ввидѣ наказанія. Но что для людей состоятельныхъ было наказаніемъ, для меня показалось раемъ. Вблизи университета былъ нанятъ прекрасный каменный двухъэтажный домъ, принадлежавшій тогда Петрову, въ которомъ на одномъ этажѣ помѣщались спальни и столовыя, а вверху комнаты для занятій, прекрасныя свѣтлыя комнаты. Какое приволье послѣ тѣсной полумрачной квартирки изъ одной маленькой комнаты, въ которой приходилось ютиться вмѣстѣ съ товарищемъ. Я занялъ рубль, кое-какъ ремонтировался и перешелъ въ домъ наказанія съ удовольствіемъ. Благополучно я выдержалъ экзаменъ на казенное содержаніе. Мои профессора, принимавшіе во мнѣ живое участіе, обѣщали принять всѣ мѣры къ замѣщенію меня на казенное содержаніе.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія стараго педагога [1]).

V.

Поступленіе на казенное содержаніе. Холера 1847 г. Вакаціи. Холера 1848 г. Перемѣны въ университетѣ. Генералъ-губернаторъ попечитель округа. Его управленіе округомъ. Окончаніе курса университета.

Слѣдующій 1847—48 учебный годъ я уже началъ на казенномъ содержаніи въ стѣнахъ университета, въ зданіи котораго помѣщался и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ съ его большими комнатами или камерами, для восьми и болѣе студентовъ каждая, и особыми довольно впрочемъ вонючими въ ночное время большими спальнями. При институтѣ состояла особая библіотека, большая, но безпорядочная. До какой степени безпорядочно и до какой степени широко мы пользовались свободою въ чтеніи книгъ изъ этой библіотеки, можно видѣть изъ того, что въ нашей (юридической) камерѣ собрано было чуть не все Полное Собраніе законовъ, и что на немъ и изъ него нѣкоторые студенты устраивали постели, такъ какъ спальни въ теченіе дня были заперты.

Печально закончился 1847 г. Кіевъ посѣтила страшная гостья—холера. Смертность была ужасная. Многіе изъ застигнутыхъ болѣзнью въ нѣсколько часовъ кончали дни своей жизни. Каждый день приносилъ новыя тысячи жертвъ. Разсказывали, что по Васильковской улицѣ почти безпрерывно тянулись погребальныя процессіи. Студенты и всѣ учащіеся въ учебныхъ

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1911.

заведеніяхъ были отпущены по домамъ. Мы однако казенно-коштные почти всѣ остались въ Кіевѣ и, можно сказать, несмотря на страхи, которые доносились до насъ въ видѣ слуховъ изъ города, мы не унывали. Удивительное дѣло молодость. Сидя въ своихъ камерахъ, мы проводили время довольно весело, въ шуткахъ и въ диспутахъ, словно не случилось ничего особеннаго. Выходили въ городъ мы очень рѣдко, а по ночамъ даже не рѣшались путешествовать; такъ какъ въ простомъ народѣ распространялись нелѣпые слухи, что студенты разносятъ изъ обсерваторіи холеру. Эти вздорные слухи, вышедшіе, по всей вѣроятности, изъ какого-либо кабака, до того распространились, что по тропинкѣ изъ обсерваторіи, шедшей по широкому валу, гдѣ нынѣ Подвальная улица, было не совсѣмъ безопасно проходить ночью, не рискуя подвергнуться нападенію какихъ-нибудь гулякъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ все утихло, и кіевская жизнь вошла въ обычную колею, а мы, прогулявши почти два мѣсяца, приступили къ полугодичному экзамену.

Такъ закончился 1847-й годъ. Мы лишились одного или двухъ товарищей, умершихъ, впрочемъ, не отъ холеры, а отъ чахотки. Но не успѣли успокоиться и отдохнуть послѣ случившейся катастрофы, какъ съ наступленіемъ теплаго времени опять появилась холера. Смертность въ Кіевѣ опять усилилась, вслѣдствіе чего мы съ братомъ Николаемъ, окончившимъ Лицей Нѣжинскій и искавшимъ службы въ Кіевѣ, поспѣшили убраться домой. Вакаціи я провелъ дома и все-таки не спрятался отъ холеры. По пріѣздѣ домой мать просила меня заняться хозяйствомъ. Какъ теперь помню, я взялся ретиво за исполненіе принятыхъ на себя обязанностей. Но первый блинъ пришелся комомъ. Въ началѣ іюля, какъ помнится, въ воскресеніе, я послалъ старика, бывшаго нашего крестьянина, котораго пригласилъ въ родѣ прикащика, въ ближайшее селеніе Коробовку, нанять рабочихъ на жнива. Селеніе Коробовка всего въ восьми верстахъ отъ нашего хутора, а потому я просилъ прикащика возвратиться того же дня вечеромъ, чтобъ знать, какъ распорядиться работами на слѣдующій день. Но прошелъ вечеръ, настало и утро слѣдующаго дня; посланный не являлся. Наконецъ часу въ десятомъ дали мнѣ знать, что, нанявъ рабочихъ, посланный мой заболѣлъ на возвратномъ пути холерой и что лежитъ въ трехъ верстахъ отъ нашего хутора въ лѣсу, возлѣ деревни Ольховъ. Я велѣлъ запречь лошадь и поѣхалъ разыскивать больного. И дѣйствительно, нашелъ его въ послѣднемъ градусѣ холеры. Я съ кучеромъ уложилъ его на повозку и привезъ домой. Къ вечеру мой прикащикъ скончался. За нимъ послѣдовали: жена, сынъ его, дочь, невѣстка. Отъ всей семьи осталась одна дѣвочка лѣтъ шести, которую моя мать взяла

на свое попеченіе и послѣ выдала замужъ, на правахъ воспитанницы за вольнаго человѣка. Мы всѣ три брата не мало перетрусили холеры и дѣйствительно трудно было и храбриться въ виду страшной смертности въ нашемъ крестьянствѣ.

Послѣ вакацій я съ братомъ Михаиломъ, уже успѣвшимъ поступить въ университетъ, отправились въ Кіевъ и, еще подъѣзжая къ городу, узнали, что тамъ послѣ сильнаго проливного дождя, затопившаго весь Крещатикъ, сдѣлалось совершенно благополучно, и холера прекратилась. Я перешелъ на третій курсъ университета. Мое рвеніе къ слушанію постороннихъ лекцій прошло; да и своего дѣла было достаточно. Пришлось слушать новые курсы: уголовнаго и международнаго права, политическую экономію, сельское хозяйство, финансы. Благоустройство, каноническое право, по всѣмъ почти предметамъ необходимо было составлять записки; такъ какъ никакихъ учебниковъ кромѣ „Гражданскихъ законовъ“ Кранихфельда, въ то время еще не существовало, а студенты еще не додумались до литографированія записокъ профессорскихъ. Я, не имѣя понятія о стенографіи, придумалъ разныя сокращеніи словъ и, благодаря своей выдумкѣ, могъ записывать вчернѣ лекціи профессоровъ и затѣмъ на другой день утромъ, вставъ въ четыре часа, до 8-ми часовъ, когда всѣ спали, успѣвалъ изложить лекціи начисто. Другіе товарищи не считали нужнымъ такъ трудиться и предпочитали поспать до начала лекцій. Мало по малу, благодаря аккуратному составленію лекцій, я сдѣлался для многихъ необходимымъ человѣкомъ, раздавая для переписки свои записки, а для студентовъ барычей, не желавшихъ утруждать себя перепиской, меня начали приглашать въ качествѣ тутора. Сверхъ всякаго ожиданія я за свои труды, впрочемъ очень тяжелые, началъ въ видѣ гонорара получать деньги, и признаюсь на свою бѣду. Я началъ курить дорогой табакъ, а что хуже всего: не знавши до 23 лѣтъ никакихъ увлеченій, началъ принимать участіе въ веселыхъ студентскихъ пирушкахъ и во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ. Къ счастію я не могъ войти во вкусъ ни выпивки, ни знакомства съ женскимъ поламъ, разумѣется, худшаго сорта. Первые опыты кутежа возбудили во мнѣ отвращеніе къ хмѣльнымъ напиткамъ, а продажная любовь производила просто омерзѣніе. Я сталъ уклоняться отъ удовольствій, которыя тогда между студентами въ особенности первыхъ курсовъ были въ модѣ. Случай, давшій другое лучшее направленіе моей волѣ, была студенческая вечеринка на масляной 1849 г. у одного знакомаго малороссійскаго патріота. На этой вечеринкѣ, тянувшейся чуть не до утра, я такъ усердно попробовалъ „варенухи“, что послѣ этого долго страдалъ болью головы и совершеннымъ разстройствомъ пи-

щеваренія, а потому разъ навсегда далъ себѣ слово отказаться отъ напитковъ, гибельно подѣйствовавшихъ на мое здоровье.

Въ это время въ жизни Кіевскаго университета начинается радикальный переворотъ. Нашъ попечитель Траскинъ переведенъ губернаторомъ въ Харьковъ, а на его мѣсто назначенъ кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ Бибиковъ — гроза того времени. Онъ облеченъ званіемъ попечителя, оставаясь въ то же время генералъ-губернаторомъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность попечителя, Бибиковъ собралъ насъ въ парадной университетской залѣ и объявилъ, что переполненіе университета людьми „разныхъ сословіевъ“ вредно, и что правительство рѣшило сократить число студентовъ. Съ этою цѣлію назначенъ былъ комплектъ для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, всего въ 300 человѣкъ. Повидимому, распоряженіе это было слѣдствіемъ тогдашняго броженія въ Европѣ. Боялись, чтобы русскіе студенты не послѣдовали примѣру заграничныхъ революціонеровъ, несмотря на то, что мы были далеки отъ всякаго свободомыслія и если о чемъ и толковали тихонько въ интимныхъ бесѣдахъ, то возмущались крѣпостнымъ правомъ и толковали объ освобожденіи крестьянъ, но чисто съ теоретической стороны. Тѣмъ не менѣе управленіе округомъ Бибикова ознаменовалось драконовскою строгостью. Для того, чтобы привести университетъ, состоявшій тогда всего изъ 600 студентовъ, въ комплектъ, намъ объявили, что въ университетѣ могутъ оставаться тѣ только, которые въ точности и безпрекословно подчинятся правиламъ. Начались исключенія изъ университета за незастегнутую пуговицу и за всякое несоблюденіе формы. Десятки студентовъ, преимущественно фуксовъ (новичковъ), были удалены изъ университета. Процессъ увольненія былъ крайне простъ. Стоило только Бибикову, гуляя на Крещатикѣ, встрѣтить студента не въ порядкѣ, и дѣло было кончено. Попечитель спрашивалъ какъ фамплія и велѣлъ идти къ инспектору получить свои документы. Встрѣчались и курьезы въ родѣ слѣдующаго: Бибиковъ, гуляя въ Царскомъ саду, замѣтилъ издали двухъ студентовъ, разстегнутыхъ, и началъ звать ихъ къ себѣ; но студенты предпочли обратиться въ бѣгство. Садъ былъ окруженъ городовыми. Несмотря на то, студенты, переодѣвшись въ костюмъ рабочихъ, жившихъ въ саду, благополучно выбрались изъ засады. Такъ и не розыскали преступниковъ.

Строгость на улицахъ отразилась и во внутренней жизни университета. Деканы обязаны были посѣщать лекціи, производить переклички студентовъ и наблюдать, не замѣчается ли вольнаго духа въ лекціяхъ ихъ товарищей. Признаюсь, насъ коробило по-

явленіе непрошенныхъ гостей на лекціяхъ, и мы никакъ не могли понять, какъ могъ контролировать одинъ профессоръ другихъ профессоровъ—своихъ товарищей. Въ то же время изгнано изъ университета преподаваніе философіи, по всей вѣроятности, въ видахъ предупрежденія свободомыслія. Для усиленія надзора за студентами число субъ-инспекторовъ увеличено съ шести до 12-ти. Субъ-инспекторы являлись и въ театръ, и по квартирамъ, и на улицахъ. И всѣ главнымъ образомъ добивались одного и того же, чего добивался главный начальникъ—соблюденія формы. — Замѣчательно, что при всей этой строгости мало обращалось вниманія на нравственность студентовъ. Самъ генералъ-губернаторъ въ циничной бесѣдѣ со студентами намекалъ на терпимость въ этомъ отношеніи. Это не могло не отражаться на направленія молодости. Въ особенности отличались фуксы, которые не рѣдко были не прочь порисоваться своими похожденіями.

Трудно было объяснить, почему понадобились всѣ строгости, когда въ университетѣ во все время моего пребыванія не было ни одной крупной исторіи не только съ политическимъ оттѣнкомъ, но даже обыкновеннаго буршескаго характера. Злобой дня и то только для насъ, казенно-коштныхъ, былъ вопросъ о питаніи, которое все болѣе и болѣе ухудшалось, можетъ быть, благодаря строгостямъ. Болѣе смѣлые студенты жаловались, но жаловались не на всю систему хозяйства, а на какой-либо дурной обѣдъ. Въ такомъ случаѣ являлся помощникъ попечителя Юзефовичъ и умиротворялъ молодежь какимъ-нибудь ужиномъ, который приказывалъ изготовить въ замѣнъ дурного обѣда. Разъ, однако, явился самъ грозный Бибиковъ и такъ разнесъ нашихъ кормителей, что у нихъ на долго пропала охота наживаться на счетъ нашихъ желудковъ. Другое явленіе послѣднихъ годовъ моего пребыванія въ университетѣ — это развитіе антагонизма между аристократами - студентами и нами—плебеями. Для примѣра приведу одинъ случай. Въ 1849 г. въ Кіевѣ большое вниманіе кіевскаго бомонда обратила на себя танцовщица, нѣкая Богданова. Наши товарищи-аристократы, отличавшіеся шитыми чистымъ золотомъ петлицами на мундирахъ, позолоченными шпагами и пуговицами и узкими донышками на шапкахъ, вздумали сдѣлать своей дивѣ большую овацію. Купили до 50-ти билетовъ въ театръ и поручили своимъ прихлебателямъ роздать эти билеты казенно-коштнымъ студентамъ, въ надеждѣ, что мы поддержимъ задуманную ими овацію. Это вызвало общее наше неудовольствіе. Мы отказались отъ предлагаемыхъ даровыхъ билетовъ, и аристократы со стыдомъ должны были отказаться отъ своего плана; такъ какъ мы категорически заявили, что устроимъ

контръ-ованію, если хотѣвшіе подкупить насъ барычи не оставитъ своего намѣренія. Были и личныя столкновенія студентовъ другъ съ другомъ между казенно-коштными студентами, столкновенія, доходившія до дракъ; но начальство въ такихъ случаяхъ поступало энергически. Оно виновныхъ отправляло на должности приходскихъ учителей. Такія наказанія, впрочемъ, были только временной опалой. Виновные по истеченіи нѣкотораго времени опять возвращались въ университетъ и благополучно оканчивали курсъ. Временная опала ничуть не вредила ихъ карьерѣ.

Вообще, при всей строгости Бибикова, нельзя не замѣтить, что въ немъ нерѣдко проявлялись и симпатичныя черты. Такъ, при столкновеніи студентовъ съ полиціею онъ нерѣдко становился на сторонѣ студентовъ и защищалъ ихъ противъ произвола. Его боялись полицейскіе, какъ огня, и потому званіе студента пользовалось нѣкоторымъ почетомъ. Были также случаи, что Бибиковъ, узнавши о несчастіи какого-либо студента, принималъ въ немъ живое участіе. Въ такихъ случаяхъ вниманіе грознаго начальника мирило насъ съ нимъ, и имя его сдѣлалось легендарнымъ между студентами.

Нельзя, однако, оправдать дѣйствій Бибикова, или его подчиненныхъ, при приведеніи въ исполненіе распоряженія о комплектѣ студентовъ. Приступили къ исполненію этого распоряженія въ 1848—49 учебномъ году. Еще до каникулъ объявлено было по гимназіямъ, что пріема въ университетъ не будетъ, такъ какъ въ университетѣ, кромѣ медиковъ и казенно-коштныхъ студентовъ, состояло болѣе 300 человѣкъ. И дѣйствительно пріема не было; но только для тѣхъ, которые не имѣли протекціи. По протекціи же принято до 20 студентовъ, и при томъ всѣ только на казенное содержаніе. Такое, собственно говоря, незаконное распоряженіе было вдвойнѣ неправильно. Новые студенты приняты на казенное содержаніе безъ экзамена, а съ другой—приняты по большей части люди состоятельные, вовсе ненуждавшіеся въ казенномъ содержаніи. Подобное распоряженіе о комплектѣ могло только оказаться выгоднымъ для нашихъ кормителей, которые и безъ того не обижали себя, а въ данномъ случаѣ они еще болѣе попользовались на счетъ порцій богачей, которые не интересовались нашимъ мизернымъ столомъ и предпочитали кушать дома.

На четвертомъ курсѣ я, въ виду скораго выхода изъ университета, началъ мало интересоваться университетскими дѣлами и все вниманіе обратилъ на приготовленіе къ окончательному экзамену. Не мало у меня времени заняло и составленіе послѣдняго полугодичнаго сочиненія, которое я разработалъ въ формѣ обширной

диссертаціи на тему: „О войнѣ и мирѣ по Гуго Гроцію“. Въ усиленныхъ занятіяхъ я не замѣтилъ, какъ прошелъ годъ. Начались окончательные экзамены. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г. я окончилъ эти экзамены благополучно. Меня удостоили ученой степени кандидата юридическихъ наукъ. Мое сочиненіе „О войнѣ и мирѣ“ признано за кандидатскую диссертацію, и 9 іюня я утвержденъ Совѣтомъ университета въ степени кандидата.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія стараго педагога [1].

VI.

Назначеніе на должность старшаго учителя Законовѣдѣнія Черниговской гимназіи.—Первые педагогическіе шаги.—Персоналъ Черниговской гимназіи.—Порядки гимназическіе.—Отношенія начальства гимназіи, учащихъ и учащихся.—Система наказаній.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1850 г. я, проведя вакаціи дома, пріѣхалъ въ Кіевъ узнать свою судьбу. Какъ казеннокоштный студентъ я обязанъ былъ отслужить за казенное содержаніе въ теченіе шести лѣтъ, и потому я ждалъ отъ начальства своего назначенія. По пріѣздѣ въ Кіевъ явился я въ Канцелярію Попечителя, гдѣ господствовалъ знаменитый по своему вліянію въ округѣ въ тогдашнее время правитель канцеляріи Попечителя А. А. Лазовъ. Мнѣ объявили, что я назначенъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ Черниговскую гимназію и буду получать въ мѣсяцъ по 112 руб. и единовременно 500 руб. Это было объявлено съ большимъ апломбомъ, словно я удостоенъ великихъ милостей. На повѣрку оказалось, что для пущей важности принявшій меня съ юпитеровскимъ величіемъ правитель канцеляріи перевелъ серебро на ассигнацію, повидимому не безъ цѣли поразить бѣднаго человѣка громадностію цифры предстоящаго полученія. Въ переводѣ на нынѣшнія деньги громадная эта цифра сводилась однако въ 32 руб. 8 коп. ежемѣсячнаго жалованья и въ 125 руб. единовременныхъ подъемныхъ. Тѣмъ не менѣе я остался доволенъ своимъ назначеніемъ. Получивши изъ Кіевскаго казначейства подъ-

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1911 года.

емныя деньги и подорожную по казенной надобности, я на почтовыхъ выѣхалъ въ Черниговъ. На другой день въ полдень я прибылъ въ этотъ городъ, показавшійся мнѣ крайне невзрачнымъ послѣ Кіева. Меня поразило безлюдье черниговскихъ улицъ, сѣрыя постройки и патріархальная простота и мизерность построекъ, приличествовавшихъ болѣе какому-либо уѣздному или заштатному, а не губернскому городу.

Пріѣхавши въ Черниговъ, я остановился временно на квартирѣ у знакомаго еще по Кіеву учителя, моего будущаго товарища Сцисловскаго, но поспѣшилъ отыскать квартиру, что впрочемъ и не составляло особаго труда, такъ какъ хозяева свободныхъ квартиръ въ Черниговѣ имѣли похвальное обыкновеніе закрывать ставни въ такихъ квартирахъ. Нанялъ я двѣ скромныя комнаты за базаромъ, довольно далеко отъ гимназіи. Устроившись на квартирѣ и побывавши въ первый же день у директора, которымъ состоялъ тогда человѣкъ очень образованный и много путешествовавшій за границею Януарій Михайловичъ Невѣровъ, я началъ готовиться къ урокамъ. Спустя одинъ или два дня я въ присутствіи директора и инспектора прочелъ свой первый урокъ, который, признаюсь, былъ скорѣе похожъ на плохую университетскую лекцію, чѣмъ на гимназическій урокъ. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка, только что вышедшаго изъ-за скамьи, когда при томъ ни въ университетѣ, ни въ гимназіи никто даже не потрудился объяснить разницу между университетскимъ и школьнымъ преподаваніемъ. Только черезъ полгода я выяснилъ самъ себѣ мою безполезную дѣятельность. Только горькимъ опытомъ я убѣдился, что принятый мною методъ преподаванія никуда не годился, и что въ концѣ концовъ ученики мои ничего не будутъ знать, если я не откажусь отъ профессорскихъ замашекъ. Я рѣшился снизойти съ высоты своего величія, стать поближе къ ученикамъ и радикально измѣнить свое преподаваніе. Тогдашній длинный урокъ, въ часъ съ четвертью, я распредѣлилъ такъ, что только одну часть урока назначилъ на объясненіе, а остальную же—на спрашиваніе учениковъ, которыхъ у меня было не слишкомъ много; такъ что я успѣвалъ ихъ переспросить чуть не на каждомъ урокѣ. Тогда дѣло начало понемногу поправляться. Ученики, зная, что ихъ спросятъ непремѣнно, начали готовить уроки и мало по малу, благодаря частымъ повтореніямъ, наверстали потерянное время. Мои отношенія къ учащимся сложились удовлетворительно. Я принялъ за правило ни на кого не жаловаться, а главное никого не преслѣдовать, никому не вредить, входя въ положеніе каждаго. Второе основное правило моей учительской дѣятельности—полнѣйшее безпристрастіе и спра-

ведливость. Дѣти скоро поняли меня и стали въ самыя искреннія отношенія. Не обошлось однако и безъ столкновеній. Причиною было устройство классовъ въ Черниговской гимназіи. Всѣ они были проходными. Мнѣ приходилось въ свой классъ ходить черезъ шестой классъ и преимущественно на урокахъ латинскаго языка. Шалуны начали называть меня именами римскихъ юристовъ. Я долго не обращалъ вниманія на раздававшіеся за мною крики. Но однажды какой-то шалунъ чуть не передъ самымъ моимъ носомъ выкрикнулъ мое прозвище. Я остановился и поблагодарилъ за такое переименованіе меня. Шалунъ сконфузился, и съ этого времени я уже не слышалъ никакихъ прозвищъ. Къ начальству установились у меня чисто формальныя отношенія. Я былъ крайне пунктуаленъ и аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Только по временамъ приходилось выслушивать замѣчанія, что не записываю отмѣтокъ въ журналъ. И совершенно напрасно, такъ какъ я отлично зналъ своихъ учениковъ, степень ихъ познаній и и ихъ успѣхи. Инспекторъ Н. И. Савинъ, игравшій роль строгаго блюстителя порядка, тѣмъ не менѣе доложилъ о моей неисправности самому директору, который подтвердилъ распоряженіе инспектора о запискѣ отмѣтокъ въ журналъ. Персоналъ учителей состоялъ изъ старыхъ преподавателей, уже втянувшихся въ черниговскія привычки, мало заботившихся о своей педагогической дѣятельности. Игра въ карты, составлявшая общую слабость тогдашняго черниговскаго чиновничества, по преимуществу занимала и умы педагоговъ, какъ и всего черниговскаго чиновничества. У всѣхъ чиновниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя мѣста, были устроены журфиксы съ непремѣнною карточною игрою. Педагогамъ это было и на руку. Почти ежедневно они проводили вечера за картами, а на завтра являлись на уроки полусонными. Играли тогда преимущественно въ преферансъ. Но случалось, затѣвали штосъ и даже дьябелка. Странное дѣло! Кіевскія строгости какъ бы не доходили до Чернигова, который благодушествовалъ на зеленомъ полѣ, въ полнѣйшей халатности въ отношеніи къ исполненію обязанностей.

Къ большему сожалѣнію и Невѣровъ, пользовавшійся уваженіемъ служащихъ, перемѣщенъ въ Ставропольскую гимназію и скоро оставилъ Черниговъ. На его мѣсто назначенъ помѣщикъ Александръ Михайловичъ Богаевскій, большой библіоманъ, но за то плохой директоръ, почти не принимавшій участія въ дѣлахъ гимназіи. Возложивъ всѣ заботы по управленію гимназіею и дирекціею училищъ на инспектора и письмоводителя, онъ постоянно отлучался въ свое имѣніе и не появлялся въ Черниговѣ иногда

цѣлые мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе онъ исправно получалъ изъ казначейства суммы, слѣдовавшія на содержаніе гимназіи, получалъ и расходовалъ по своему усмотрѣнію. По званію старшаго учителя и секретаря совѣта я долженъ былъ наблюдать въ числѣ прочихъ членовъ совѣта, старшихъ учителей, за правильностію расходовъ и подписывать кассовыя книги. Но по заведенному порядку мы подписывали, не смѣя вникать въ дѣло. Всякое поползновеніе на такое вниканіе, по установившемуся тогда взгляду, считалось актомъ невѣжливости въ отношеніи къ лицу директора и всегда разсматривалось, какъ явный признакъ строптивости подчиненнаго и неуживчиваго его характера.

Мы не знаемъ, какая выгода получалась отъ такого порядка вещей для казны; но твердо убѣждены, что ненормальное положеніе гимназическаго хозяйства не могло не имѣть вліянія на степень уваженія подчиненныхъ къ начальству и съ другой стороны не могло не сдерживать начальства въ желаніи преслѣдовать грѣхи подчиненныхъ. Главный грѣхъ тогдашней педагогіи въ Черниговской гимназіи—это манкировки учителей; онѣ были въ то время обычнымъ явленіемъ, и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Правда, инспекторъ исправно записывалъ не только часы, но даже минуты пропусковъ, но обыкновенно такая записка не имѣла серьезныхъ послѣдствій.

Отношенія къ ученикамъ какъ начальства гимназіи, такъ и учителей были чисто формальныя. Наблюдали, чтобъ ученикъ пришелъ въ классъ, выучилъ урокъ, сидѣлъ въ классѣ спокойно, соблюдалъ надлежащую форму въ одеждѣ. Но дальше никто не шелъ. Учители оправдывали себя тѣмъ, что они устранены отъ дѣлъ гимназіи и словно какіе-то поденники: „отзвонилъ свой урокъ, обыкновенно говорилось тогда, и съ колокольни прочь“. Все дѣло со стороны учителей ограничивалось задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ и выставкою отмѣтокъ въ журналахъ, а со стороны инспектора—въ наказаніи получившихъ дурныя отмѣтки. Въ основаніи всѣхъ отношеній лежало взаимное недовѣріе: недовѣріе дѣтей къ наставникамъ и наставниковъ къ дѣтямъ. Скрытность учениковъ и духъ товарищества, господствовавшій тогда между ними, не мало затрудняли надзоръ гимназическій, или, лучше сказать, инспекторскій. По необходимости надзоръ за учащимися ограничивался однимъ поверхностнымъ наблюденіемъ и носилъ по преимуществу полицейскій характеръ. О воспитательномъ вліяніи гимназіи на учащихся никто и не думалъ, да и едва-ли оно было возможнымъ при господствовавшемъ въ то время порядкѣ.

Главную заботу инспектора составляло наблюденіе за журналами.

Каждый день надзиратель долженъ былъ выписать изъ журналовъ получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки учениковъ, преимущественно первыхъ четырехъ классовъ; такъ какъ старшихъ учениковъ не полагалось сѣчь, то выписка ихъ отмѣтокъ не имѣла цѣли и потому обыкновенно не дѣлалась. По окончаніи уроковъ самъ инспекторъ или надзиратель приказывали провинившимся остаться въ классѣ для полученія должнаго возмездія. Возмездіе же состояло по большей части, при полученіи ученикомъ отмѣтки единицы въ успѣхахъ, или въ поведеніи, въ тѣлесномъ наказаніи. Давали отъ 5-ти до 25-ти розогъ. Нѣкоторые изъ учениковъ, не испытавшіе еще, какъ говорилось тогда, „березовой каши", плакали и молили о пощадѣ. Другіе угрюмо выносили тѣлесную боль, съ чувствомъ какого-то молодечества и озлобленія. А были и такіе отчаянные субъекты, которые, испытавъ много разъ тѣлесную боль, входили во вкусъ сильныхъ ощущеній, какъ пьяницы входятъ во вкусъ полынной водки. Для такихъ субъектовъ тѣлесное наказаніе составляло нѣкотораго рода спортъ и совсѣмъ ихъ не смущало. Мой классъ былъ по сосѣдству съ комнатою, въ которой производились экзекуціи. Съ болью сердца невольно я былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ прелестей. До какой степени тѣлесныя наказанія входили въ привычки учениковъ, въ этомъ легко было убѣдиться изъ того, что обреченные наказанію ложились подъ наказаніе и вставали съ улыбкой на устахъ, а нѣкоторые просили даже поскорѣе ихъ посѣчь, чтобы не прозѣвать горячаго обѣда.

Не менѣе плодотворно было и второе наказаніе учащихся, практиковавшееся за двойки—это лишеніе свободы. Ученики запирались на два, на три часа въ классѣ, или въ карцерѣ и сидѣли тамъ, по большей части томясь бездѣйствіемъ и голодомъ. Къ шести часамъ вечера являлись они домой совершенно изможденными и, покушавши на голодный желудокъ сытно, способны были только спать вечеромъ, но совершенно не годились для приготовленія уроковъ. На другой день имъ было также не до уроковъ. Нужно было спѣшить въ классъ, чтобъ пошумѣть; да къ тому же уроки начинались рано—въ восемь часовъ; такъ что по краткости времени нечего было и думать утромъ приготовить уроки. И вотъ мало по малу начинали накопляться недоимки изъ дня въ день, пока ученикъ не приходилъ въ отчаяніе; не видя никакой возможности справиться съ своимъ дѣломъ, онъ по неволѣ долженъ былъ махнуть рукой на все свое учебное дѣло и поступить въ разрядъ отчаянныхъ.

Третій родъ наказаній, практиковавшійся преимущественно въ пансіонѣ, было лишеніе пищи. Это наказаніе, возмутительное по

самому существу своему, приносило пользу только экономy пансіона, который смѣло могъ не готовить десяти порцій ежедневно, въ надеждѣ на такое же число оставленныхъ безъ обѣда. Въ штрафной журналъ ежедневно записывались, кто оставался безъ обѣда, и по этимъ записямъ я составилъ пропорцію для полученія барышей экономомъ.

Описанный нами порядокъ исправленія учениковъ не былъ субъективнымъ изобрѣтеніемъ какого-либо инспектора. Нѣтъ! Онъ составлялъ господствующій въ то время во всѣхъ гимназіяхъ режимъ. Въ бытность мою въ Черниговской гимназіи, съ 1850 г. по 1860 годъ, перемѣнилось три инспектора, и всѣ они дѣйствовали совершенно одинаково, только съ разными оттѣнками. Одинъ сѣкъ, нѣсколько улыбаясь; другой съ крикомъ и грозой. Одинъ въ пылу гнѣва способенъ было ударить ученика собственною благородною рукой, или сорвать съ него знакъ отличія—петлички и учинить всякія безобразія. Другой не способенъ былъ на такія энергическія мѣры, но зато былъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ ученика. И все это такъ вошло въ нравы и обычаи, что всѣ смотрѣли на такіе порядки спокойно, а высшее начальство считало такого инспектора распорядительнымъ человѣкомъ и даже имѣло его на хорошемъ счету. Nomina sunt odiosa! Не стану называть такихъ отличныхъ инспекторовъ, которые, стремясь къ отличіямъ, въ особенности налегали на систему наказаній и доводили число высѣченныхъ ежедневно до 30-ти, на 180 учащихся въ гимназіи; такъ что, значитъ, шестая часть гимназіи должна была ежедневно попробовать „березовой каши“. Такимъ усердіемъ отличался одинъ изъ корифеевъ-инспекторовъ, быстро за свои подвиги попавшій въ директора гимназіи и закончившій свою службу въ Царствѣ Польскомъ съ пансіономъ въ три тысячи рублей.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія стараго педагога.

VII [1]).

Вступленіе на престолъ Императора Александра II.—Новыя вѣянія.—Вліяніе ихъ на мое настроеніе.—Мысли о назначеніи человѣка, о воспитаніи, объ умственномъ развитіи, о предметахъ обученія.—Различные взгляды на жизнь.

Такъ процвѣтали гимназическіе порядки до 1855 г. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года, а именно 18 февраля, въ Черниговѣ получено извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича. На престолъ вступилъ Императоръ Александръ II. Уже съ первыхъ годовъ его царствованія повѣяли новые вѣтры. Безчисленныя милости, дарованныя манифестомъ по случаю коронаціи, а затѣмъ и возбужденіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ сразу измѣнили настроеніе умовъ. Всѣ начали чего-то ждать, о чемъ-то волноваться. Началось такъ называемое переходное время, время, которое тянулось безъ конца и наконецъ перешло въ болѣзненные потуги, въ игру въ либерализмъ только для вида, которые хорошо извѣстны по своимъ послѣдствіямъ. Общее настроеніе умовъ отразилось и въ нашей скромной гимназіи.

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ замѣчательную эпоху въ исторіи нашего отечества. Послѣ севастопольской кампаніи всѣ какъ будто пробудились послѣ

---

[1]) См. „Рус. Стар.“ май 1911 г.

вѣковѣчнаго сна, всѣ начали сознавать неудовлетворительность положенія дѣлъ и стремились и желали чего-то лучшаго, не будучи въ состояніи выяснить себѣ, что именно необходимо. Тѣмъ не менѣе громили все прошлое, или, какъ тогда говорилось въ ироническомъ смыслѣ: „доброе старое время“, видя въ немъ источникъ всѣхъ бѣдъ на Руси. Прежній строгій правительственный режимъ сталъ казаться всѣмъ невыносимымъ гнетомъ, задерживающимъ и подавляющимъ развитіе народной жизни; начали раздаваться голоса о свободѣ, зародился такъ называемый либерализмъ. Стремленіе скинуть съ себя прежній гнетъ, избавиться отъ всякаго ограниченія свободы составляло почти общій лозунгъ тогдашняго направленія. Но подъ именемъ свободы по большей части понималась не столько нравственная свобода, свобода дѣйствія, сколько свобода говоренія. Новый цензурный уставъ, свобода печати стали вопросомъ дня. Выступило на сцену много новыхъ литературныхъ дѣятелей, готовыхъ поучать и пропагандировать новыя идеи, а иногда и просто охотниковъ поболтать и погаерствовать передъ публикою. Но среди праздныхъ толковъ раздались и трезвые голоса, явились солидные органы печати, которые имѣли самое благотворное вліяніе на русское общество того времени. Они пробудили въ немъ и укрѣпили добрыя начала, разъяснили многіе общественные вопросы, воспитали любовь къ самоусовершенствованію и благородному движенію впередъ. Я имѣлъ привычку въ это время дѣлать замѣтки о своихъ впечатлѣніяхъ по поводу прочитаннаго. По нимъ теперь, спустя болѣе 30 лѣтъ, я составляю понятіе о томъ, что занимало насъ въ то время.

Прежде всего не мало волновала всѣхъ севастопольская война, или, лучше, неудачи русскаго оружія. Почти всѣ наши неудачи объяснялись недостатками правительственной машины, нашими отечественными неурядицами. Говорилось, что подъ Севастополемъ насъ побили не французы и не англичане, а побили мы сами себя своими милыми порядками. Такой пессимистическій взглядъ, имѣвшій, быть можетъ, и нѣкоторое основаніе, но, тѣмъ не менѣе, въ существѣ дѣла односторонній и потому несправедливый, породилъ не мало разсказовъ и анекдотовъ о бѣдствіяхъ подъ Севастополемъ. Разсказывали о злоупотребленіяхъ интендантовъ, препровождавшихъ будто бы воловъ и муку только на бумагѣ и обогащавшихся на счетъ солдатскаго желудка. Не мало было толковъ и объ отсутствіи въ Россіи сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія. Во всѣхъ бѣдахъ винили доброе старое время и доказывали необходимость реформъ. Духъ реформъ обуялъ всѣхъ, но главнымъ образомъ поддерживался самимъ правительствомъ, выдвигавшимъ на сцену во-

просы за вопросами. Правительство какъ-бы шло навстрѣчу желаніямъ общества. Въ это время званіе либерала дѣлалось предметомъ нѣкотораго почета, а названіе консерватора чуть не обратилось въ ругательное слово. Всѣ жаждали новаго и въ немъ искали спасенія отъ всѣхъ бѣдъ. При такихъ обстоятельствахъ поднятъ державной волей Государя великій вопросъ объ освобожденіи 20-ти милліоновъ рабовъ. Пошли адресы отъ дворянъ, сразу проникнувшихся горячимъ желаніемъ благодѣтельствовать крестьянъ. За адресами послѣдовали комитеты и комиссіи, занявшіеся разработкой вопроса и подготовкою къ изданію закона объ освобожденіи крестьянъ. Дѣятельно готовилась великая реформа, которая дѣйствительно легла въ основу обновленія Россіи. Я не стану подробно описывать, на сколько волновали насъ и не могли не волновать эти захватывающіе душу обще-государственные вопросы, постараюсь ограничиться болѣе скромною сферою, сферою педагогическою. Ограничусь однако извлеченіемъ изъ замѣтокъ, сохранившихся въ бумагахъ.

Какое назначеніе человѣка, я спрашивалъ себя не однократно и обыкновенно утверждался въ томъ убѣжденіи, что назначеніе человѣка въ самоусовершенствованіи. Самоусовершенствованіе возможно только при безпрерывномъ упражненіи силъ духовныхъ и физическихъ. Трудъ—назначеніе человѣка.

Только рабство было причиною, что исторически образовался взглядъ на трудъ физическій, какъ на занятіе, унижающее достоинство человѣка. Трудъ есть источникъ бодрости силъ и самодовольства, одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ воспитанію въ себѣ добрыхъ началъ. Борьба человѣка за существованіе, борьба съ природою и съ внѣшними препятствіями составляетъ силу и величіе человѣка. Міръ, въ которомъ все заранѣе было бы приготовлено, гдѣ не существовало бы потребностей и нуждъ, произвелъ бы самую презрѣнную породу людей. Безъ борьбы, безъ усилій воли и напряженія своихъ силъ, безъ энергіи—человѣкъ ничтожество. Трудъ великая школа, въ которой вырабатывается и возвышается характеръ человѣка. Конечно, трудовая жизнь съ нуждой за плечами воспитатель строгій, но благодѣтельный.

Трудъ не есть только орудіе, оплодотворяющее нашу прекрасную землю, покоряющее моря, порабощающее грубую матерію, служащую для удовлетворенія нашихъ нуждъ, но вмѣстѣ и источникъ нашей силы, нашего здоровья, школа мужества, терпѣнія, упорства въ достиженіи своей цѣли. Горе тому, кто не научился работать! Самыя

наслажденія покоемъ такого несчастливца обратятся во вредъ ему. Не зная удовольствія, получаемаго отъ достиженія цѣли трудомъ, онъ не будетъ въ состояніи понять удовольствія, испытываемаго труженикомъ во время отдыха. Недаромъ говоритъ Чаннингъ, что нѣтъ усталости утомительнѣе той, которая овладѣваетъ человѣкомъ, преданнымъ праздности!

Такимъ образомъ, если человѣкъ хочетъ и можетъ возвыситься, то не презрѣніемъ къ труду, не желаніемъ вырваться изъ своего званія и положенія, не желаніемъ занять высшее мѣсто въ общественной лѣстницѣ, а усовершенствованіемъ своихъ способностей, возвышеніемъ внутренняго своего достоинства. Счастіе не внѣ насъ, а въ насъ самихъ. Не положилъ Богъ для человѣка счастія въ однѣхъ только внѣшнихъ вещахъ: въ богатствѣ, въ почестяхъ. Истинное счастіе человѣкъ можетъ отыскать только въ своемъ самообразованіи и усовершенствованіи, въ твердости и постоянствѣ воли, въ исполненіи своего долга.

Одно изъ самыхъ гибельныхъ ученій нашего времени это мнѣніе, что обязанность нравственнаго воспитанія какъ личности человѣка, такъ и цѣлаго общества должна лежать на государствѣ. Налагая на государство тяготу, которой оно не въ состояніи понести, мнѣніе это только вноситъ личное раздраженіе и недовѣріе къ правительству. Государство существуетъ главнымъ образомъ для охраненія общей безопасности. Оно должно главнымъ образомъ заботиться, чтобы люди могли спокойно и безпрепятственно направлять свои силы для общественнаго и частнаго блага. Истинный прогрессъ или движеніе впередъ зависитъ не столько отъ внѣшнихъ причинъ, или, лучше сказать, не столько отъ внѣшнихъ мѣръ, сколько отъ той силы и энергіи, которая живетъ въ сердцѣ каждаго гражданина, направляющаго свои силы къ своему личному и къ общему благу. Каждой личности должна быть дана полная возможность свободнаго и самостоятельнаго развитія. Жизнь общества тѣсно связана съ неприкосновенностію правъ личности. Общество, ограничивая индивидуальную свободу, совершаетъ преступленіе, слѣдствія котораго пагубны для него самого и для государства. Но полная свобода возможна въ томъ только случаѣ, когда чувство долга въ сердцѣ каждаго человѣка дѣлается исходною точкою всей его дѣятельности. Огражденіе правъ личности съ одной стороны и развитіе чувства законности съ другой составляютъ лучшее достояніе всякой страны. Только огражденіе правъ личности и свободы развитія дало голландцамъ и англичанамъ столько даровитыхъ и ученыхъ людей. Напро-

тивъ, недостатокъ этой свободы притупилъ проницательный разумъ итальянцевъ и погасилъ свѣтлый умъ испанцевъ.

О воспитаніи я также думалъ не мало; но, признаюсь, смотрѣлъ на него преимущественно съ отрицательной стороны. Я прежде всего не могъ не видѣть всѣхъ недостатковъ тогдашней системы чисто формальнаго воспитанія, основаннаго главнымъ образомъ на безусловномъ подчиненіи воли ребенка волѣ воспитателя. Я находилъ, что безусловное повиновеніе воспитанника вещь только хорошая для воспитателя, облегчая его трудъ, но въ то же время плохое средство для воспитанія воли воспитанника. Здравая педагогика требуетъ, чтобы по мѣрѣ развитія разсудка дитяти ему давалась и большая степень свободы въ дѣйствіяхъ. Система запрещеній и наказаній, всякое принужденіе и насиліе—плохія орудія воспитанія. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ дѣтяхъ, какъ и у взрослыхъ, всегда таится въ сердцѣ искра добра и чувство долга. Нужно только умѣть пріобрѣсть довѣріе ребенка, открыть путь къ его сердцу, и всегда можно надѣяться на пробужденіе въ немъ сознанія долга. Совѣсть этотъ внутренній законъ, который долженъ владычествовать и управлять дѣятельностію дѣтей, какъ и дѣятельностію взрослыхъ.

Въ исторіи развитія умственныхъ силъ есть бездна неуловимыхъ тайнъ, много личныхъ, субъективныхъ деталей, которыя нельзя подвести подъ какія-либо общія правила. Напрасно поэтому думаютъ, что одни предметы имѣютъ образовательную силу, другіе напротивъ не имѣютъ никакого образовательнаго значенія. Всѣ предметы въ рукахъ дѣльнаго преподавателя могутъ расширять умственный кругозоръ дитяти, а потому всѣ равно пригодны для его умственнаго развитія.

Умственное развитіе есть воспитаніе тѣхъ началъ, которыя положены въ зародышѣ на днѣ души дитяти, воспитаніе чувства добра, правды, чувства прекраснаго. Умственное развитіе есть возведеніе этихъ началъ въ сознательный принципъ и въ убѣжденіе, проникающее во всю массу знанія, пріобрѣтаемаго наукою и сообщаемаго окружающею ребенка дѣйствительною жизнію. Правильнымъ развитіемъ называется постепенный, ни кѣмъ не стѣсняемый и не искажаемый ходъ внутренней работы, ходъ гармоническаго

развитія всѣхъ умственныхъ способностей ребенка, расширеніе путемъ знанія его умственнаго горизонта. Правильное развитіе идетъ осторожно и медленно; всякая форсировка его такъ же вредна и опасна, какъ замедленіе его. Опасенъ застой въ развитіи, но не менѣе вредно и слишкомъ раннее, преждевременное пріобрѣтеніе знаній, которыхъ молодой разумъ не въ состояніи ни переварить, ни усвоить. Оно въ результатѣ даетъ только скороспѣлокъ и резонеровъ, однимъ словомъ, поверхностныхъ людей.

Усвоеніе предметовъ обученія не должно быть дѣломъ одной памяти, но должно имѣть въ виду развитіе и другихъ способностей и силъ разума, развитіе способности мышленія. Независимо отъ того ученіе не должно быть абстрактнымъ, чуждымъ жизни, не должно имѣть цѣлью одно накопленіе теоретическихъ знаній безъ органическаго отношенія ихъ къ живой дѣйствительности. Ученіе должно дѣйствовать воспитательно на ученика, знакомя его съ окружающимъ міромъ, со всѣми условіями той среды, въ которой учащемуся, какъ будущему гражданину, придется жить и дѣйствовать.

Изучая людей, всматриваясь въ ихъ характеръ, направленіе и образъ мыслей, мы замѣчаемъ слѣдующіе взгляды на жизнь:

1. Первый взглядъ совершеннаго равнодушія ко всему окружающему. Нечего много думать и стараться разъяснить то, что необъяснимо или что до насъ не касается и не доставляетъ намъ прямой выгоды. Думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ, а сонъ нуженъ для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастья.

2. Второй взглядъ старообрядческій. Ничего новаго нѣтъ подъ луной. Живите по старинѣ, соблюдайте всѣ обряды и не мудрствуйте лукаво. Живите, какъ живется, какъ жили ваши дѣды и отцы.

3. Третій взглядъ чисто практическій. Трудясь для себя и для своего семейства, аккуратно исполняйте ваши обязанности, собирая копейку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе, или по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, каждому предоставьте спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ точно такъ же, какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

4. Четвертый взглядъ также практическій. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ угодно, а говорите и дѣлайте такъ, какъ для васъ выгодно, а главное, умѣйте съ людьми уживаться. Про нужныхъ вамъ людей худо не отзывайтесь и ни въ какомъ случаѣ имъ не противорѣчьте, умѣйте и сказать и помолчать, или лучше говорите такъ, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите быть ослами для другихъ, то сами умѣйте на другихъ ѣздить; только, молча, въ кулакъ себѣ смѣйтесь.

5. Пятый взглядъ пессимистическій. Не хлопочите объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ; лучшаго ничего не придумаете. Всѣ ваши усилія напрасны. Что будетъ, то будетъ. Червякъ, на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству. Зритель и комедіантъ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная зачѣмъ жили.

6. Шестой взглядъ самоувѣренный. Каждый человѣкъ составляетъ звено въ цѣпи мірозданія, каждый есть членъ организма общественнаго; каждый поэтому долженъ жить не столько для себя, сколько для общества. Счастье и благосостояніе общества есть его благосостояніе и счастье. Вся жизнь человѣка должна быть направлена къ добру и къ усовершенствованію, а также и къ искорененію зла на землѣ. Препятствія не должны останавливать; внутреннее сознаніе долга должно ставить человѣка выше всякой преграды.

7. Седьмой взглядъ очень благоразумный. Умѣйте отдѣлять теорію отъ практики. Можете принимать какую угодно теорію для своего развлеченія, но на практикѣ старайтесь узнать, какую роль вамъ выгоднѣе играть, узнавъ, выдержите ее до конца, не стараясь выставлять ее какъ бы напоказъ. Счастье есть искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь и не хвалитесь; сдѣлавъ промахъ, никого не пеняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите. Всякому человѣку не являй сердца твоего, чтобы онъ дурно не отблагодарилъ тебя (Премудр. сына Сирахова гл. 2 ст. 22).

Предаваясь всѣмъ этимъ размышленіямъ, я въ то же время много думалъ, какъ устроить свою жизнь. Прежде всего я искалъ сверхъ своихъ учительскихъ занятій серьезнаго дѣла. Я началъ изучать исторію учебныхъ заведеній, копался въ архивахъ, собиралъ матеріалы и мало-по-малу въ теченіе 1858 и 1859 года со-

ставилъ исторію учебныхъ заведеній Черниговской губерніи. Работы эти поглотили все мое вниманіе и лежатъ, такъ сказать, на рубежѣ моей десятилѣтней черниговской жизни. Онѣ для меня имѣли весьма важное значеніе, служа какъ бы подготовкой къ болѣе широкой административной дѣятельности, начавшейся съ переѣздомъ моимъ въ Кіевъ, въ должности инспектора, а затѣмъ въ скорости и директора Кіевской 1-й гимназіи.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

VIII [1]).

Моя личная жизнь.—Скудость средствъ.—Дешевизна.—Ученическая квартира.—Экзаменъ на магистра.—Перемѣны въ гимназіи.—Мои отношенія къ товарищамъ.—Вторая половина пятидесятыхъ годовъ.—Назначеніе попечителя округа Ребиндера.—Увольненіе директора Богаевскаго и назначеніе попечителемъ Пирогова.—Новыя вѣянія.

Но прежде чѣмъ перейду къ воспоминаніямъ шестидесятыхъ годовъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своей личной жизни. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1850 г. я нашелъ свою забазарную квартиру крайне неудобною. Въ то время Черниговъ еще не имѣлъ мостовыхъ. Приходилось, идя въ гимназію, переправляться черезъ базаръ, утопая чуть не по колѣна въ грязи. Я узналъ отъ учителей, что есть свободная квартира не далеко отъ гимназіи возлѣ бульвара. Это былъ домъ будущаго моего тестя Григорія Ѳомича Терещенка. Я перебрался на новую квартиру чуть ли не въ началѣ ноября, а уже къ концу декабря былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ своего хозяина, а 28 января 1851 года вступилъ въ законный бракъ съ дочерью его Стефаніею и зажилъ семейною жизнью, о которой много мечталъ и къ которой сильно стремился. Прошли годы, появились дѣти и дѣти при томъ почти погодныя, одно за другимъ. Приходилось мнѣ на свои 32 руб. въ мѣсяцъ содержать семью, съ неизбѣжнымъ штатомъ нянь и прислуги. Мы жили на наши маленькія средства, не входя въ долги, главнымъ образомъ благодаря тому

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1911 г.

обстоятельству, что имѣли квартиру въ домѣ тестя безплатно. Кромѣ того въ началѣ пятидесятыхъ годовъ до Севастопольской войны цѣны на жизненные припасы въ Черниговѣ были чрезвычайно дешевы. Такъ десятокъ яицъ покупался за 5 к., фунтъ масла 10 к., сала 7½ к., курица 7½ к., гусь 12½ к., пудъ печенаго хлѣба 25 к., мясо 2 и недороже 3 коп. за фунтъ и так. дал. Деньги на базарахъ считались на монету, то есть четвертакъ за рубль, ассигнаціями или на монету, а рубль серебромъ за четыре рубля ассигнаціями.— Не смотря однако на дешевизну, 32 руб. въ мѣсяцъ было весьма мало для содержанія семьи въ теченіе мѣсяца. По необходимости пришлось подумать о другихъ средствахъ добыванія денегъ. Я открылъ у себя ученическую квартиру, которая мало по малу начала давать до тысячи рублей въ годъ. Деньги эти однако всецѣло употреблялись на расходы по содержанію учениковъ. Мы только выигрывали въ томъ отношеніи, что меньше нуждались, меньше стѣснялись въ своемъ продовольствіи, такъ какъ первымъ долгомъ считали кормить хорошо чужихъ дѣтей. Съ своей стороны время содержанія ученической квартиры я считалъ лучшей эпохой своей жизни, а потому любилъ своихъ питомцевъ и проводилъ съ ними большую часть своего времени, уча ихъ и самъ учась. Дѣти также относились ко мнѣ весьма искренно и сердечно. Въ лѣтнее время, по воскресеніямъ, мы часто отправлялись на прогулки, которыя еще болѣе насъ сближали другъ съ другомъ. Въ матеріальномъ отношеніи я впрочемъ мало выигралъ. За все время содержанія учениковъ, въ теченіе пяти лѣтъ, я сберегъ всего двѣсти рублей и то благодаря брату Михаилу, который жилъ у меня на квартирѣ и по временамъ удѣлялъ понемногу денегъ отъ своего избытка. Изъ этихъ-то денегъ мы и успѣли съ женою сдѣлать маленькое сбереженіе.

Между тѣмъ при всемъ улучшеніи моего матеріальнаго положенія, я не чувствовалъ твердой почвы подъ ногами. На продолженіе преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ я, правду сказать, сталъ мало надѣяться. Готовъ былъ перейти на другой предметъ, но все какъ-то не случалось вакансіи, да и просить не хотѣлось: боялся отказа: такъ какъ не былъ спеціалистомъ по другимъ предметамъ гимназическаго курса, хотя съ перваго же года своей службы постоянно безмездно преподавалъ въ параллельныхъ классахъ и другіе предметы сверхъ 12-ти обязательныхъ уроковъ по законовѣдѣнію. Случалось преподавать и географію, и исторію, и славянскій языкъ.—Чтобы выйти изъ неопредѣленнаго положенія, я держалъ въ 1855 г. экзаменъ на магистра гражданскаго права и выдержалъ его; но получивши степень, засѣлъ безвыѣздно въ Чер-

ниговѣ. Долго я ждалъ, что мнѣ предложатъ каѳедру, но такъ и не дождался. Просить же кого-либо, ѣздить въ Кіевъ я не рѣшался и такъ дотянулъ до конца пятидесятыхъ годовъ, когда юридическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ сразу укомплектовался новыми профессорами. Я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ надеждъ на профессорство и посвятилъ себя педагогіи.

Много перемѣнъ произошло въ Черниговской гимназіи съ 1851 г. Старики педагоги—герои на зеленомъ полѣ—почти всѣ выбыли изъ Чернигова. Понаѣхали новые молодые люди, съ которыми я скоро сошелся. Мы зажили дружно, сходясь одинъ у другого по очереди почти каждую недѣлю и при томъ съ болѣе серьезными цѣлями: то для изученія англійскаго языка, то для литературныхъ бесѣдъ, то просто, чтобы побесѣдовать о разныхъ интересовавшихъ насъ текущихъ вопросахъ. Случалось по временамъ, что мы садились поиграть и въ преферансъ по десятой. Но эта игра была однимъ препровожденіемъ времени и не возбуждала ни пристрастія, ни страстей. Все дѣло оканчивалось пустяками.

Скоро однако это мирное теченіе нашей жизни быстро измѣнилось. Подули новые болѣе теплые сѣверные вѣтры, начались новыя теченія. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II начались реформы, которыя сразу оживили русское общество. Всѣ чего-то ждали, чего-то надѣялись, къ чему-то стремились. Оживленіе сдѣлалось замѣтнымъ даже въ нашей скромной средѣ, чуждой политики. Первое отрадное явленіе, возбудившее горячее сочувствіе съ нашей стороны, было назначеніе на постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа особаго лица, вмѣстѣ генералъ-губернатора. Попечителемъ назначенъ дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ. Изъ Петербурга онъ ѣхалъ на должность въ Кіевъ лѣтомъ 1856 г. черезъ Черниговъ. Прибывши на почтовую станцію, Ребиндеръ немедленно отправился въ гимназію и зашелъ въ пансіонъ. Былъ воскресный день. Директоръ уѣхалъ въ свое имѣніе, а исправлявшій его должность инспекторъ Ю. И. Герасименко отправился за городъ въ Бобровицу къ бывшему инспектору Савину поиграть въ карты. Надзиратель дежурный также ушелъ въ городъ. Ученики оставались одни и встрѣтили попечителя, какъ постороннее лицо, не прекращая шалостей. Къ счастью одинъ изъ надзирателей, хотя и не дежурный, явился въ пансіонъ и кое-какъ выручилъ попечителя изъ затруднительнаго положенія. Дали знать инспектору. Прилетѣлъ бѣдняга домой, быстро облачился въ мундиръ и явился начальнику на почтовой станціи. Ребиндеръ первымъ дѣломъ заявилъ, что не въ формѣ сущность обязанностей педагога, а главное въ добросовѣстномъ служеніи дѣлу. Слухъ о такомъ пріемѣ и сло-

вахъ новаго попечителя насъ немало порадовалъ и не потому, что мы злорадствовали инспектору, а главнымъ образомъ потому, что въ словахъ попечителя мы усматривали зарю новыхъ порядковъ. И дѣйствительно! Не прошло и мѣсяца, нашъ библіоманъ директоръ, смотрѣвшій на гимназію, какъ на аренду, подалъ въ отставку и вскорѣ былъ замѣненъ новымъ директоромъ. Второе отрадное послѣдствіе вступленія Ребиндера въ должность попечителя было паденіе власти канцеляріи управленія округомъ, такъ какъ Ребиндеръ взялъ все дѣло въ свои руки. Всесильный правитель дѣлъ А. А. Лазовъ долженъ былъ сойти со сцены. Правда, въ дѣятельности новаго попечителя были и свои недостатки: это какая-то нервность, подозрительность, скрытность и вообще качества, которыя могли быть хороши для градоначальника Кяхты, но не совсѣмъ гармонировали съ педагогическимъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе появленіе Ребиндера представляетъ отрадный фактъ въ исторіи учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа.

Назначенный директоромъ на мѣсто Богаевскаго Егоръ Васильевичъ Гудима, родомъ малороссъ, но служившій въ Петербургѣ. Онъ оказался человѣкомъ, повидимому, простымъ и доступнымъ, но довольно однако хитрымъ. Строго говоря, его управленіе гимназіи въ общемъ не измѣнило старыхъ порядковъ; но Гудима умѣлъ все скрасить своею наружною покладливостью и нѣкоторымъ оттѣнкомъ либерализма. Къ тому же Гудима засѣлъ въ Черниговѣ постоянно и сталъ къ гимназіи ближе прежняго начальства. Имѣя самъ дѣтей въ гимназіи, онъ сталъ въ болѣе гуманныя отношенія и къ прочимъ учащимся, что немало повліяло на смягченіе стараго режима, становившагося, благодаря новымъ вѣяніямъ, анахронизмомъ. Начали меньше сѣчь учениковъ. Это ни чуть не имѣло послѣдствіемъ ухудшенія поведенія учениковъ, какъ предсказывали наши консерваторы, и въ числѣ ихъ инспекторъ Герасименко. Директоръ Гудима любилъ приглашать къ себѣ учителей и угощалъ то разговорами, то картами. Однако несмотря на всю любезность его, мы все-таки держали себя въ сторонѣ. Главною причиною было недовѣріе, происходившее вслѣдствіе того, что Гудима окружилъ себя любимцами, не пользовавшимися нашими симпатіями, а еще болѣе то, что эти послѣдніе, чувствуя свою силу, позволяли себѣ чваниться своею близостью къ начальству и смотрѣли на товарищей свысока. Немало смущало насъ также и то, что и новый директоръ остался вѣрнымъ привычкамъ стараго директора-помѣщика въ отношеніи гимназическаго хозяйства. Онъ также всѣ суммы получалъ на руки и, расходуя ихъ по своему усмотрѣнію, косился на членовъ совѣта, которые хотѣли быть блюстителями законности;

не любилъ, когда учители не подписывали кассовыхъ книгъ, не читая. Но ясно было, что времена и нравы измѣнились. Между нами появились храбрецы, которые по повременамъ уклонялись отъ подписи книгъ подъ разными предлогами. Я съ своей стороны считалъ возможнымъ довѣрять дирекціи. Правда, ходили между нами рызные толки и слухи, наприм., что директоръ ѣздитъ на казенныхъ лошадяхъ и проч., но все-таки только темныя подозрѣнія. А какъ я всегда держался правила основывать свои заключенія только на фактахъ, то, при всемъ омерзеніи ко всякой противозаконной наживѣ, укоренившемся во мнѣ по случаю дурного кормленія въ университетѣ, я никакъ не могъ заставить себя начать борьбу изъ-за дрязговъ, а тѣмъ менѣе былъ способенъ возбуждать товарищей къ оппозиціи противъ власти.

Знаменіемъ новаго направленія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и въ русскомъ обществѣ было поднятіе значенія гимназическихъ совѣтовъ. Начались правильныя засѣданія этихъ учрежденій, долго существовавшихъ почти номинально. На засѣданіяхъ совѣта Черниговской гимназіи начали возбуждаться частію самостоятельно, а частію по иниціативѣ округа разные педагогическіе вопросы. Прежде всего и болѣе всего заинтересовалъ педагоговъ вопросъ чисто личнаго свойства—это вопросъ объ увеличеніи содержанія служащихъ въ гимназіи. Результатомъ общихъ жалобъ на недостатокъ жалованья и отвѣтомъ на наши горячія желанія былъ штатъ гимназій 1857 г., по которому жалованье старшихъ учителей возвышено съ 32 до 49-ти рублей въ мѣсяцъ.

Между тѣмъ Ребиндеръ перемѣщенъ въ Петербургъ на должность директора департамента народнаго просвѣщенія, а на его мѣсто назначенъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Вступленіе въ должность Пирогова ознаменовалось новымъ оживленіемъ дѣятельности совѣтовъ. Изъ множества вопросовъ, предлагавшихся въ то время на обсужденіе совѣта Черниговскій гимназіи, самое важное мѣсто занимали: 1) вопросъ объ экзаменахъ; 2) о наказаніяхъ учащихся и 3) разсмотрѣніе проекта устава гимназій.

1. По прежнимъ правиламъ объ экзаменахъ преподаватели обязаны были ежемѣсячно подавать вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Съ мая по 22 іюня производились экзамены окончательные и переводные. Затѣмъ изъ годичныхъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ дѣлались средніе ариѳметическіе выводы. При чемъ получившіе въ среднемъ выводѣ отмѣтку 2½, т. е. другими словами имѣющіе половину отмѣтокъ неудовлетворительныхъ (2) удостоивались въ 7-мъ классѣ аттестата, а въ прочихъ классахъ—перевода въ высшій классъ. Важную роль играло при всѣхъ этихъ выводахъ раздѣленіе

предметовъ на главные и побочные или второстепенные. Главными предметами считались: законъ Божій, русскій языкъ, латинскій языкъ, русская географія, русская исторія, ариѳметика, геометрія, законовѣдѣніе и естествовѣдѣніе; остальные предметы и новые языки были второстепенными. По первымъ предметамъ въ общемъ выводѣ для аттестата и для перевода требовалось 3, по остальнымъ—2. Такимъ образомъ можно было удостоиться аттестата при цѣлой полдюжинѣ двоекъ, т. е. при успѣхахъ, строго говоря, весьма посредственныхъ. Другой недостатокъ прежняго порядка заключался въ томъ, что рѣшающее значеніе при переводѣ учениковъ и удостоеніи аттестатовъ имѣлъ ариѳметическій выводъ, выводимый чисто механически изъ цифръ, нерѣдко имѣвшихъ случайный характеръ. Это въ особенности можно было сказать о ежемѣсячныхъ отмѣткахъ, ставившихся нерѣдко наобумъ; такъ какъ при краткости времени трудно было составить болѣе или менѣе основательное мнѣніе о познаніяхъ ученика, въ особенности по предметамъ, по которымъ назначалось не болѣе двухъ уроковъ въ недѣлю. Пироговъ въ особенности указывалъ на то, что экзамены отнимали много учебнаго времени совершенно непроизводительно. Совѣтъ Черниговской гимназіи потратилъ на обсужденіе вопроса объ экзаменахъ не мало времени. Происходили большіе дебаты, но согласились наконецъ всѣ, что ежемѣсячная подача вѣдомостей невозможна и что ее слѣдуетъ замѣнить вѣдомостями по третямъ года. Во-вторыхъ, признали необходимымъ отмѣнить раздѣленіе предметовъ на главные и неглавные и рѣшили по всѣмъ предметамъ требовать равно удовлетворительныхъ свѣдѣній. Нельзя сказать, чтобы такое мнѣніе было самостоятельнымъ. Оно, такъ сказать, носилось въ воздухѣ, такъ какъ до Чернигова уже дошли слухи, что Пироговъ выражалъ подобныя же мнѣнія. При томъ проектированный порядокъ былъ крайне простъ и для учителей необременителенъ; а это тоже не послѣднее дѣло. При всемъ либерализмѣ мы прежде всего себя не забывали и хорошо умѣли маскировать личный интересъ соображеніями объ общей пользѣ.

2. Второй вопросъ о взысканіяхъ съ учащихся поручено было совѣтомъ мнѣ лично разработать и, признаюсь, я не мало потрудился сначала надъ выработкой предварительныхъ соображеній или основаній для правилъ о взысканіяхъ, а за тѣмъ и самихъ правилъ. Счастливое было то время! Изъ воспоминаній дѣтства собственнаго и изъ наблюденій тѣхъ милыхъ порядковъ, какіе существовали въ Черниговской гимназіи, я достаточно могъ убѣдиться, что въ школѣ не признается личность человѣческая. Крѣпостническій взглядъ со стороны учителей и начальства на учениковъ, какъ

на безусловное орудіе нашей воли, а иногда и просто нашего самодурства, всегда меня странно возмущалъ. Принимаясь за составленіе новыхъ основаній для отношеній въ школѣ, я радовался прежде всего, что мнѣ быть можетъ суждено и съ своей стороны принести извѣстную долю труда для огражденія права личности человѣческой въ дѣтяхъ. Болѣе всего огорчало меня то, что ученикъ, отданный родителями на попеченіе гимназіи, поступивъ въ заведеніе, былъ совершенно беззащитнымъ отъ произвола начальства и учителей. Такое положеніе его было тѣмъ болѣе несправедливо, что ни начальство, ни учители не трудились стать близко къ дѣтямъ, узнать ихъ нужды и потребности, а по большей части относились поверхностно, свысока, чисто формальнымъ образомъ. При томъ по большей части учители никакъ не могли себѣ уяснить того простого положенія, что не дѣти для школы, а школа для дѣтей. Какъ помѣщики смотрѣли на крестьянъ, такъ по большой части педагоги смотрѣли на дѣтей, имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ ихъ ферулу. Въ своей запискѣ при обсужденіи предварительныхъ основаній для правилъ о взысканіяхъ я рѣшился стать на сторонѣ учениковъ и выдвинулъ вопросъ о личности, о нравственной свободѣ ученика, о вмѣняемости и о законной защитѣ ученика. Много было написано жалкихъ словъ въ защиту учащихся и въ обличеніе учащихъ и власть имущихъ. Но благодаря новымъ вѣяніямъ доводы мои не встрѣтили оппозиціи ни въ учителяхъ, ни въ начальствѣ. Рѣшено всѣ мои соображенія и составленный мною проектъ правилъ взысканій представить на благоусмотрѣніе попечителя округа. Пирогову мой трудъ, повидимому, пришелся по душѣ. По крайней мѣрѣ, публикуя новыя правила о взысканіяхъ въ циркулярѣ по округу, онъ предпослалъ правиламъ мою записку, помѣстивъ ее цѣликомъ въ циркулярѣ.

3. Не мало мы потрудились и надъ обсужденіемъ новаго проекта уставъ гимназій, значительно пріумноживъ тотъ сырой матеріалъ, который по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ собранъ и напечатанъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ названіемъ: „Сборника замѣчаній на проекты устава“. Мы главнымъ образомъ въ своихъ запискахъ старались доказать всю несостоятельность бифуркаціи гимназіи или проще: говорили противъ двойственности направленія образованія въ тогдашней гимназіи, въ которой дѣти 13-ти лѣтъ должны были рѣшать весьма важный для нихъ въ будущемъ вопросъ: слушать ли законовѣдѣніе и отказаться отъ университета, или напротивъ готовиться къ поступленію въ университетъ, гдѣ въ то время отмѣненъ былъ комплектъ, и двери для всѣхъ желающихъ были раскрыты широко. Мы доказывали, что при

такомъ положеніи воспрещеніе нѣкоторымъ окончившимъ курсъ по законовѣдѣнію поступать въ университетъ въ высшей степени несправедливо. Досталось выслушать при этомъ не мало упрековъ противъ самаго существованія законовѣдѣнія въ курсѣ гимназическомъ. Признаюсь, я не только не защищалъ своего предмета, но старался доказать всю неумѣстность своего преподаванія въ системѣ общаго образованія, несмотря на то, что не могъ не сознавать, что съ принятіемъ моихъ доводовъ мнѣ грозитъ лишеніе службы и что я, оставшись за штатомъ, долженъ буду немало пострадать вмѣстѣ съ моей семьей. Но такова уже сила вещей: съ нею ничего не подѣлаешь!

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

Движеніе впередъ, обуявшее всѣхъ педагоговъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, не могло не отразиться и на самомъ ходѣ дѣлъ въ гимназіи. Директоръ сталъ почти въ дружескія отношенія къ учителямъ. Инспекторъ пересталъ сѣчь учениковъ, а сами учителя, въ особенности молодые, начали популярничать въ средѣ учениковъ, нерѣдко изъ одного пустого желанія пококетничать предъ дѣтьми своимъ либерализмомъ. Всѣ махнуло рукою на прошлое, не выключая и своихъ обязанностей, строгое исполненіе которыхъ чуть не начали считать ретроградствомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали чего-то новаго и главное извнѣ отъ начальства и правительства. Ученики чуть не съ пятаго класса начали воображать себя студентами и, не окончивъ курса гимназіи, спѣшили въ Кіевъ для поступленія въ университетъ, гдѣ благодаря новымъ вѣяніямъ вступительные экзамены производились крайне слабо. Число моихъ учениковъ начало быстро уменьшаться и, наконецъ, въ 1860 г. осталось всего три ученика, желавшихъ слушать законовѣдѣніе. Имъ посовѣтовалъ я обратиться къ изученію латинскаго языка, а моя каѳедра упразднилась de facto.

Такъ разрѣшилось общее стремленіе учащихся въ университетъ на мнѣ лично. Нельзя сказать, чтобы оно имѣло благотворное вліяніе и на общій ходъ обученія и воспитанія въ гимназіи. Благодаря необыкновенной снисходительности пріема въ университетъ и въ Нѣжинскій лицей случались такіе курьезы, что ученики отпѣтые,

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1911 г.

не захотѣвшіе учиться въ гимназіи, успѣвшіе вырости, но не достигшіе 7-го и даже 6-го класса, успѣвали безъ большого труда проскочить въ высшее учебное заведеніе и появиться въ средѣ своихъ товарищей, продолжающихъ трудиться въ гимназіи, и возбуждать и зависть, и желаніе подражать имъ. Сознаніе необходимости систематическаго и законченнаго образованія совершенно ослабѣвало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и падалъ уровень успѣховъ учащихся, въ особенности въ высшихъ классахъ. Учились по большей части только ученики болѣе посредственныхъ способностей, которые боялись, такъ сказать, потерять почву подъ ногами, т. е. и гимназію бросить, и университета не достигнуть. Ученики болѣе даровитые кропотливое приготовленіе ежедневныхъ уроковъ считали ниже своего достоинства и нерѣдко прямо заявляли, что они не желаютъ готовить уроковъ, такъ какъ они готовятся въ университетъ. Между тѣмъ воздѣйствіе со стороны инспекціи было крайне слабо. Инспекторъ какъ бы любовался и шутилъ надъ паденіемъ дисциплины. „Погодите, будетъ еще и не то“, говаривалъ онъ иногда, какъ бы обиженнымъ тономъ, намекая по всей вѣроятности на какія-то бѣдствія, угрожающія гимназіи вслѣдствіе вынужденнаго начальствомъ отсутствія „спасительной розги“. Старые порядки въ гимназіи были похоронены и отошли въ область исторіи, а новые еще не были созданы. Мы очутились въ положеніи неопредѣленномъ, между двухъ стульевъ. Началось въ гимназіи броженіе умовъ, которое впрочемъ было только отраженіемъ общаго умственнаго броженія и въ средѣ тогдашняго русскаго общества, и въ тогдашней литературѣ.

IX.

Мой переѣздъ въ Кіевъ и назначеніе инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи.— Реформы по хозяйственной части.—Пріѣздъ Пирогова.—Дѣло о княжескомъ коврѣ. — Пріѣздъ въ Кіевъ семейства моего. — Состояніе Кіевской 1 гимназіи.—Моя борьба съ полонизмомъ.

Но не буду забѣгать впередъ. Въ 1860 г. я, поощряя учениковъ къ переходу на латинскій языкъ, въ видахъ устраненія препятствія къ поступленію въ университетъ, дошелъ до того, что лишился слушателей. Это случилось какъ разъ въ ту пору, когда семейство мое увеличилось, и когда финансовое мое положеніе все болѣе и болѣе разстраивалось, частію вслѣдствіе значительнаго возвышенія цѣнъ на всѣ жизненные припасы, а частію вслѣдствіе того, что братъ, немного помогавшій мнѣ, женился и зажилъ особой своей семьей. Нужно было серьезно подумать о будущемъ. Признаюсь,

въ душѣ я не разъ пожалѣлъ, что погорячился и форсировалъ упраздненіе своего преподаванія. Но дѣло было сдѣлано! Приходилось считаться съ совершившимся фактомъ. Я рѣшился отправиться въ Кіевъ и тамъ попытать счастія. Въ началѣ іюля 1860 г. я прибылъ въ Кіевъ. Пирогова въ Кіевѣ не оказалось. Онъ проводилъ вакаціи въ своемъ имѣніи въ с. Вишнѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи. Я явился къ управлявшему округомъ помощнику попечителя округа Михневичу. Михневичъ поразилъ меня новостью, о которой я и не мечталъ. Онъ объявилъ, что попечитель приказалъ пригласить меня на должность инспектора Кіевской 1 гимназіи, и что онъ, Михневичъ, приказалъ уже послать мнѣ въ Черниговъ телеграмму съ такимъ предложеніемъ. Онъ просилъ меня немедленно явиться къ директору гимназіи Александру Карловичу Деллену и приступить къ принятію имущества гимназіи и пансіона, такъ какъ предмѣстникъ мой, князь Дабижа, получилъ новое назначеніе и спѣшилъ выѣхать изъ Кіева. Я явился къ директору, по его предложенію въ тотъ же день переселился въ одинъ изъ классовъ гимназіи, такъ какъ квартира инспектора была занята, и приступилъ къ принятію имущества гимназіи.

Въ странное положеніе попалъ я, вступивши въ должность инспектора Кіевской 1 гимназіи. Во всю свою жизнь я питалъ органическое отвращеніе къ казнокрадству и ко всякой незаконной наживѣ, а сдѣлавшись инспекторомъ, долженъ былъ, такъ сказать, стать у самаго источника казнокрадства, т. е. быть распорядителемъ въ большомъ заведеніи, въ которомъ пансіонъ состоялъ изъ 150 душъ, ровно изъ такого числа душъ, какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ въ университетѣ. Директоръ гимназіи, занятый профессурой, стоялъ вдали отъ хозяйства, бывшій инспекторъ князь Дабижа держалъ себя по-княжески, не вмѣшиваясь въ дѣла. Полнымъ хозяиномъ являлся экономъ — полякъ, совершеннѣйшій типъ экономa добраго стараго времени, со всѣми привычками старыхъ моихъ кормителей въ университетѣ. Это явно обнаружилось при первомъ нашемъ знакомствѣ. Едва я успѣлъ переѣхать въ гимназію, экономъ явился ко мнѣ и любезно предложилъ свои услуги по части стола. Я его любезно поблагодарилъ и просилъ не безпокоиться, объяснивъ, что у меня есть все свое, и что я ни въ чемъ не нуждаюсь. Такое категорическое заявленіе по всей вѣроятности не порадовало экономa. По крайней мѣрѣ я не могъ не замѣтить его смущенія. Скоро открылась и причина такого смущенія. Я потребовалъ приходо-расходныя книги и нашелъ ихъ совершенно бѣлыми, а между тѣмъ по справкамъ въ дѣлахъ дирекціи оказалось, что въ распоряженіе экономa съ

января по іюль мѣсяцъ отпущено болѣе десяти тысячъ. Въ то же время я потребовалъ росписаніе кушаньевъ и нашелъ, что обѣды воспитанниковъ, несмотря на громадную затрату, состояли изъ самыхъ простыхъ блюдъ: борщу или супу и разнаго рода кашъ. Хлѣбъ давался порціями, на приготовленіе чаю употреблялся сахарный песокъ; вообще въ отношеніи питанія дѣтей скаредность была полная. Все это достаточно убѣждало меня, что даваемое экономомъ продовольствіе было крайне недостаточно для питанія молодыхъ желудковъ. Я рѣшился все это сообщить директору и съ его согласія принялъ мѣры къ прекращенію подобнаго безобразія. Я началъ вникать во всѣ статьи пансіоннаго хозяйства. Пошли открытія за открытіями. Но и экономъ не дремалъ. Первымъ дѣломъ онъ атаковалъ меня неоплаченными счетами разныхъ торговцевъ за отпущенные будто бы для пансіона продукты. Я категорически заявилъ, что за прошлое время не заплачу ни мѣднаго гроша, и что всѣ счета за продукты, купленные по день моего вступленія въ должность, должны быть оплачены изъ денегъ, уже полученныхъ экономомъ на руки. Тогда претензіи сами собою улетучились. Экономъ потерпѣлъ неудачу и началъ жаловаться своимъ прихлебателямъ (которые играли въ карты на его журфиксахъ, какъ мнѣ сдѣлалось достовѣрно извѣстно), что я хочу его пустить по міру. Самое главное обвиненіе состояло въ томъ, что я не позволилъ отпускать ему денегъ наобумъ общими цифрами, а ввелъ отпускъ по дѣйствительнымъ расходамъ, требуя лично подаваемаго торговцемъ счета. Распоряженіе это, исключавшее всякую возможность злоупотребленія суммами, привело въ ужасъ экономa. Смотритель дома, очень почтенный старикъ, пришелъ убѣждать меня, что я затѣялъ совершенно невозможный порядокъ, и что такой порядокъ окончательно свяжетъ по рукамъ и ногамъ его, смотрителя, и еще болѣе экономa. Экономъ былъ въ отчаяніи, но того и не предполагалъ, что мои первые шаги только цвѣточки, а что еще найдутся и ягодки. Для того, чтобы окончательно убить казнокрадство, я рѣшился вывести все на чистую воду. Прежде всего я считалъ необходимымъ уяснить себѣ, какой именно столъ можно дать ученикамъ за отпускавшіяся въ то время на человѣка 22 коп. въ день. Съ этою цѣлью я обратился къ помощи старшихъ учениковъ и посредствомъ ихъ дежурствъ при выдачѣ продуктовъ на кухню, а также во время приготовленія пищи и выдачи оной воспитанникамъ, съ точностію опредѣлилъ количество продуктовъ, необходимыхъ ежедневно для стола, и составилъ таблицу количествъ ихъ на каждый день и на каждое кушанье. Такъ мнѣ удалось на отпускавшіяся деньги устроить сытный и болѣе или менѣе питательный

столъ, ввести мясные завтраки, ввести двѣ говядины для обѣда, особую для борща и особую для жаркого, котлетъ, битковъ и проч. Получивъ такое расписаніе, экономъ возопилъ, что отпускаемой суммы недостаточно для такого кормленія, и что онъ не имѣетъ возможности кормить учениковъ на свой счетъ. На эти жалобы я отвѣтилъ, что все беру на свою отвѣтственность, и дѣйствительно при помощи ключника Панкова, послужившаго дѣлу вѣрою и правдою, доказалъ, что не только назначенною суммою прокормилъ учениковъ, но еще сдѣлалъ за полгода сбереженіе до тысячи руб.

Устроивши продовольствіе, я принялся за освѣщеніе. У меня въ квартирѣ горѣли собственныя мои лампы и стеариновыя свѣчи. Я практически изслѣдовалъ, сколько въ часъ сгораетъ масла и свѣчей (тогда еще не знали керосина). Результаты изслѣдованій были таковы, что при томъ же количествѣ лампъ и свѣчей оказалось возможнымъ сальныя свѣчи замѣнить стеариновыми. При всемъ томъ расходъ на освѣщеніе, назначенный по смѣтѣ въ 1.500 руб., уменьшенъ втрое; а именно: всего израсходовано 500 руб., что и внесено въ смѣту на будущій годъ.

Такъ мало-по-малу изслѣдованы были всѣ статьи расходовъ и прекращены были всѣ пути къ наживѣ. Дошло дѣло до того, что экономъ обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему брать хотя тарелку борщу изъ общаго котла; но я велѣлъ отпускать изъ того же котла не только тарелку борщу, но цѣлый обѣдъ.

Въ концѣ августа возвратился въ Кіевъ и попечитель Пироговъ, который уже зналъ отъ Михневича о моихъ подвигахъ и вполнѣ остался доволенъ. Скоро еще болѣе выяснилась необходимость принятыхъ мною мѣръ. Бывшій инспекторъ Дабижа въ письмѣ на имя Пирогова заявилъ претензію о какомъ-то коврѣ. Пироговъ это странное письмо передалъ мнѣ и поручилъ произвести подробное разслѣдованіе. По слѣдствію оказалось: въ пансіонѣ вслѣдствіе дурного продовольствія воспитанники проѣдали всѣ свои карманныя деньги, а когда ихъ не стало, прибѣгали къ займамъ и къ продажѣ своихъ вещей. Доходило дѣло даже и до воровства. Дальнѣйшія разслѣдованія открыли и виновника всей переводки, который служилъ умывальщикомъ при пансіонѣ. Онъ завелъ настоящую торговлю и, торгуя продуктами, сбывалъ всѣ заложенныя и проданныя вещи другимъ переводчикамъ. Этою же дорогою отправился и коверъ князя, такъ какъ ему прислуживалъ тотъ же умывальщикъ. Вышелъ курьезъ довольно поучительный. По порученію Пирогова я сообщилъ князю результатъ моихъ изслѣдованій и получилъ въ отвѣтъ нелюбезное письмо. Князю не понравилось, видите ли, что

по собственной винѣ онъ попалъ въ просакъ, а потому и постарался своими репримандами замаскировать свою ошибку.

Въ концѣ августа 1860 г. переѣхало въ Кіевъ и мое семейство, и мы зажили съ бѣдой пополамъ, потому что при тогдашнемъ жалованьѣ, всего 98 р. въ мѣсяцъ, при кіевской дороговизнѣ, прожить было на эти деньги довольно трудно. Приходилось жить какъ можно скромнѣе, избѣгая всякихъ излишнихъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе мы умѣли сводить концы съ концами, не входя въ долги, которыхъ я всегда боялся, какъ огня.

Но довольно! Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ всякіе денежные разговоры.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога [1]).

Обращусь лучше къ тогдашнему положенію Кіевской первой гимназіи. Эта старѣйшая въ Кіевѣ гимназія, открытая въ 1812 г., находилась въ то время въ такомъ же броженіи, какъ и Черниговская; но въ Кіевѣ дѣльцы учители—поляки успѣли русское броженіе эксплоатировать для своихъ враждебныхъ Россіи цѣлей.—Прежде всего они успѣли провести даже въ средѣ высшей учебной администраціи убѣжденіе, что русская педагогія держится на плечахъ пановъ—добродѣевъ великихъ педагоговъ. Къ распространенію такого, въ сущности неосновательнаго мнѣнія, послужило то обстоятельство, что въ единственныхъ двухъ въ то время въ Кіевѣ гимназіяхъ было дѣйствительно нѣсколько выдающихся преподавателей польскаго происхожденія. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались весьма ловкими и вкрадчивыми, умѣющими пускать пыль въ глаза начальству и втираться въ его довѣріе. Все это дѣлалось не безъ цѣли. Въ то время имъ нужно было усыпить бдительность начальства, чтобы легче было подготовить изъ молодежи послушное орудіе польской справы. Я однако, будучи хорошо знакомъ со всѣми польскими тенденціями еще въ университетѣ, скоро разобралъ въ чемъ дѣло и сталъ на сторожѣ русскихъ интересовъ. Видя это, мои антагонисты постарались сформировать сильную оппозицію противъ меня въ совѣтѣ гимназіи, привлекши и русскихъ, попавшихъ въ ихъ сѣти. Началось для меня тяжелое время. Я ясно видѣлъ, что учители поляки своимъ популярничаньемъ съ учениками съ одной стороны и ловкимъ обращеніемъ съ товарищами съ другой, стараются только усилить

[1]) См. „Русскую Старину“ Декабрь 1911 г.

свое вліяніе въ гимназіи съ тою цѣлью, чтобы разрушить всякую дисциплину и порядокъ въ заведеніи и тѣмъ подготовить почву для всякихъ безпорядковъ и, наконецъ, для самаго возстанія. Почти два года я боролся съ этими господами, умѣвшими дѣйствовать не прямо, а разными подпольными путями. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ за это время сошли со сцены два попечителя: успѣвшій не понравиться высшей мѣстной администраціи Николай Ивановичъ Пироговъ и затѣмъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, вызванный на высшій постъ товарища министра народнаго просвѣщенія. Явился изъ Петербурга новый попечитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте.

Быстрая перемѣна попечителя округа не осталась безъ вліянія на жизнь учебныхъ заведеній. Въ особенности рѣзко это вліяніе обнаружилось на Кіевской 2 гимназіи. Благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, тамъ поднялся въ полномъ значеніи бунтъ противъ директора, только что назначеннаго по представленію барона Николаи. Этотъ бунтъ, можно сказать, былъ пробнымъ шаромъ массоваго движенія молодежи противъ распоряженія правительства. Дѣло было такъ:

Въ 1860 г. Пироговъ представилъ къ увольненію директора 2 гимназіи Н. М. Гренкова, извѣстнаго дѣятеля прежней школьной системы, опиравшейся на розгу. Министерство уволило Гренкова. Но пріѣхалъ на мѣсто Пирогова главный попечитель баронъ А. П. Николаи; добрые люди увѣрили его, что Пироговъ уволилъ Гренкова несправедливо, и что этотъ старый служака, уже окончившій 25 лѣтъ службы, можетъ съ честью подвизаться снова на томъ же поприщѣ. Баронъ внялъ такимъ голосамъ, велѣлъ представить Гренкова, и министерство снова утвердило его директоромъ Кіевской 2-й гимназіи. Можно себѣ представить, какое непріятное впечатлѣніе это распоряженіе должно было произвести на учителей той гимназіи и на М. К. Чалаго, исправлявшаго должность директора почти въ теченіе года и сильно поджидавшаго получить вакантное, насиженное мѣсто. Драпируясь оскорбленною невинностью и либерализмомъ, они вопіяли и въ обществѣ, и въ гимназіи противъ появленія Гренкова въ должности директора. Вопли эти не были гласомъ въ пустынѣ и проникли и въ общество учащихся, предъ которыми педагоги не стѣснялись ругать Гренкова. Результаты оказались весьма печальные. Едва Гренковъ появился въ гимназіи, какъ со всѣхъ сторонъ раздался свистъ. Огорченный такой встрѣчей, начальникъ старался успокоить молодежь, но все напрасно. Инспекторъ Чалый и весь педагогическій персоналъ гимназіи, не сочувствуя директору, были нѣмыми зрителями буйства

молодежи, предоставивъ Гренкову самому лично справлятьсѣ съ волненіемъ. Мало того, Чалый поспѣшилъ исходатайствовать себѣ отпускъ и выѣхалъ изъ Кіева. Тогда безобразія молодежи дошли до высшей степени. Гренкова чуть не побили при появленіи въ гимназію, такъ что онъ едва убѣжалъ въ инспекторскую. Дѣло дошло до попечителя. Баронъ поручилъ М. А. Тулову произвести разслѣдованіе скандала, а въ помощь ему нарядилъ комиссію изъ учителей бунтующей гимназіи. Комиссія поставила оригинальный вопросъ: кого оскорбляли ученики своимъ поведеніемъ: директора своего начальника, или Гренкова, какъ частное лицо. Ученики, разумѣется, отвѣтили, что они ничего не имѣютъ противъ директора и признаютъ его власть, а недовольны Гренковымъ. Произведенъ милостивый, но несправедливый судъ. Гренковъ чуть не побитый признанъ виновнымъ и уволенъ, наказано и нѣсколько учениковъ. Чалый превознесенъ комиссіею до небесъ въ представленіи попечителю, но тѣмъ не менѣе все-таки не получилъ должности директора 2 гимназіи, которой тщетно ожидалъ въ теченіе года.

Вспоминая эти печальныя событія, невольно задаешь себѣ вопросъ, кто виноватъ во всей этой исторіи? Виноватъ прежде всего Гренковъ, который, не испытавши броду, покунулся въ воду. Виновато начальство, поспѣшившее назначить его на мѣсто, на которомъ онъ не былъ желателенъ и въ то время, когда тамъ уже угнѣздился Чалый. Виноваты педагоги, сторонники Чалаго, возбудившіе агитацію противъ Гренкова. Но болѣе всего виноватъ, по нашему мнѣнію, Чалый, временно управлявшій бурной ладьей—Кіевской 2 гимназіей, который, предвидя неизбѣжные безпорядки въ заведеніи, не двинулъ пальцемъ, чтобы остановить бурю и поспѣшилъ удалиться изъ Кіева. Какъ инспекторъ гимназіи, онъ обязанъ былъ употребить все свое вліяніе и на учителей, и на учениковъ, чтобы предупредить скандалъ, деморализующій заведеніе. Тѣмъ не менѣе Чалый, несмотря на двусмысленную роль, разыгранную имъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ, по ходатайству Тулова получилъ повышеніе: назначенъ директоромъ Бѣлоцерковской гимназіи. Чалый и его партія смотрѣли на это какъ на ссылку невиннаго человѣка. Но мы полагаемъ, что эта ссылка была слишкомъ почетною для такого дѣятеля, который подобно своему однофамильцу Саввѣ Чалому превосходно сыгралъ свою роль въ руку поляковъ, готовившихся въ то время къ рухавкѣ. Они были очень обрадованы рухавкой Кіевской 2 гимназіи и долго указывали на нее, какъ на доказательство несостоятельности русскихъ порядковъ.

X.

Польская смута,—Университетъ дѣлается главнымъ очагомъ смуты—Демонстраціи.—Обвиненія, направленныя противъ меня.—Назначеніе меня директоромъ Кіевской 1-й гимназіи.

Интересно прослѣдить совершенно объективно полную интригу теперь, сорокъ лѣтъ спустя, когда страсти нѣсколько уже улеглись, когда я совершенно спокойно могу припоминать всѣ перипетіи этой смутной эпохи.

Главный источникъ смуты и всѣхъ тогдашнихъ движеній было ненормальное положеніе дѣлъ или лучше броженіе въ самомъ русскомъ обществѣ и его полнѣйшій непотизмъ и неспособность дать отпоръ нелѣпымъ польскимъ претензіямъ того времени. Въ какіе-нибудь два, три года университетъ былъ неузнаваемъ. Всѣ дисциплинарныя требованія порядка признаны несовременными и отвергнуты: уничтожена форма, уничтожено всякое вліяніе какого бы то ни было начальства.—Студенты очутились свободными гражданами. Они раздѣлились на кружки и партіи, которые начинаютъ заправлять всѣми дѣлами—сначала своими студентскими, а потомъ берутъ въ руки и политическія движенія. Они дѣйствуютъ помимо всякихъ законовъ и начальства. Самый главный кружокъ польскихъ студентовъ состоялъ изъ ярыхъ польскихъ патріотовъ-революціонеровъ изъ породы красныхъ. Мало-по-малу эти красные успѣли занять господствующее положеніе въ средѣ польской молодежи. Второй кружокъ бѣлыхъ, т. е. кружокъ сторонниковъ отбудаванья Польши въ будущемъ; держался онъ въ сторонѣ, хотя при случаѣ непрочь былъ помогать краснымъ, если не самымъ дѣломъ, то полнѣйшимъ сочувствіемъ. Нѣсколько особнякомъ стоялъ польскій кружокъ, подъ названіемъ „Сичь“. Это поляки украинофилы, мечтавшіе о возстановленіи польской Украйны въ духѣ польской цивилизаціи и польскихъ вожделѣній. Кружокъ этотъ любезно протягивалъ руку украинофильскому кружку изъ малороссовъ, имѣвшему большое вліяніе на студентскія дѣла. Состоялись даже предварительныя совѣщанія о сліяніи кружка русскаго украинофильскаго съ партіею „Сичь“, но на первыхъ же порахъ делегаты поссорились изъ-за будущихъ границъ Польши и Маллороссіи, вслѣдствіе чего попытка соединенія на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско [1]).

[1]) Отношенія между польскими и русскими украинофилами обострились еще болѣе по случаю погребенія Т. Г. Шевченка, вслѣдствіе доноса поляковъ, возбудившаго подозрительность администраціи.

Дѣло окончилось оффиціальнымъ протестомъ противъ польскихъ притязаній со стороны русскихъ студентовъ, протестомъ, поданнымъ Пирогову. Удаленіе Пирогова, сопровождавшееся большими овиціями, дало впрочемъ другой оборотъ общественному настроенію молодежи. Самые ярые оппоненты поляковъ, которые, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы составить надежный противовѣсъ всѣмъ послѣдовавшимъ затѣмъ польскимъ интригамъ въ средѣ молодежи университетской, замкнулись сами въ себѣ или примкнули къ партіи „Молодой Россіи“, начавшей уже формировать свои кадры для борьбы съ правительствомъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ можно объяснить сильную оппозицію въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи противъ замѣстителя Пирогова—барона Николай и тотъ рядъ подметныхъ писемъ угрожающаго свойства, которыя обыкновенно подбиралъ утромъ швейцаръ Кіевской гимназіи и доставлялъ мнѣ. Этимъ вполнѣ разъясняется также то буйное настроеніе польской партіи, партіи ничтожнаго меньшинства, среди тысячи русскихъ студентовъ, какъ бы наложившихъ на себя печать молчанія. Нѣчто подобное представляло и русское общество, которое спокойно и безучастно смотрѣло на все окружающее. Въ средѣ педагогической всѣ такъ называемые либералы были непрочь поддерживать партію недовольныхъ, лишь бы составлять оппозицію начальству.

Въ такомъ положеніи были кіевскія дѣла, когда въ Варшавѣ начались демонстраціи, закончившіяся кровопролитіемъ и бунтомъ. Въ это время образовался въ Варшавѣ тайный жондъ польскій чуть-ли не изъ студентовъ, едва вышедшихъ изъ-за скамьи. Тѣмъ не менѣе этотъ, въ сущности ничтожный, жондъ быстро пріобрѣтаетъ громадное вліяніе во всѣхъ бывшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой: въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Орудіемъ силы тайнаго скопища является терроръ, который заставляетъ замолчать всякій голосъ благоразумія. Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, среди тысячъ русскаго православнаго населенія, нѣсколько сотъ уроженцевъ юго-западнаго края, ополяченнаго путемъ насилія, самозванно выступаютъ представителемъ польскаго общества и производятъ цѣлый рядъ демонстрацій на манеръ варшавскихъ, объявляютъ Кіевъ польскимъ городомъ, формируютъ банды и, наконецъ, выступаютъ бить русскихъ. Явленіе это въ высшей степени курьезно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и можетъ быть объяснено слабостью и ненаходчивостью высшей администраціи края. Бывшій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но по самой натурѣ своей неспособный на энергическій способъ дѣйствія. Не болѣе доблести

могъ оказать и назначенный по смерти Васильчикова старикъ уже дряхлый, Анненковъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько фактовъ, вполнѣ иллюстрировавшихъ направленіе и дѣятельность тогдашней высшей администраціи края.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію польскихъ демонстрацій и отношенія къ нимъ высшей администраціи края, скажу нѣсколько словъ о моемъ личномъ положеніи. Въ самомъ разгарѣ произведенной мною реформы пансіонскаго хозяйства экономъ-полякъ и состоящіе съ ними въ близкомъ отношеніяхъ воспитатели-поляки стали распространять превратные слухи о моей строгости, о притѣсненіи подчиненныхъ и т. п. [1]). Они не остановились даже предъ самыми грязными обвиненіями и инсинуаціями и старались распространять самые нелѣпые слухи въ такомъ направленіи. Но нелѣпость такихъ слуховъ была слишкомъ очевидна и доказывалась слишкомъ ясными фактами. Тогда мои оппоненты начали распространять слухи о моей жестокости. Выдумывали самыя безсмысленныя обвиненія, которыя могла только изобрѣсть богатая польская фантазія. Такъ разсказывали, что я запираю дѣтей въ темные подвалы, въ карцеры, въ которые не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ; велю сѣчь дѣтей, посоливши розги, затѣмъ, чтобы не видно было слѣдовъ наказанія, велю обворачивать ихъ простынями. Напрасно люди болѣе знакомые съ заведеніемъ опровергали такія нелѣпости. Паны добродзѣи внимательно и важно выслушивали возраженія и доводы; но все-таки оставались при своемъ мнѣніи.

Но скоро польская смута такъ быстро разрастается и такъ охватываетъ всю жизнь интеллигентнаго общества, что всякія личныя обвиненія теряютъ значеніе. По удаленіи Пирогова, польская агитація постаралась это увольненіе по прошенію представить въ смыслѣ враждебной обществу реакціи и всячески эксплоатировала его въ пользу польской справы. Началась подпольная агитація по всѣмъ правиламъ искусства, которымъ, нужно признаться, владѣютъ

---

[1]) Замѣчательно, что въ то время, когда въ польскихъ кружкахъ распространялись слухи о моей жестокости, въ либеральныхъ русскихъ кружкахъ толковали о моей слабости. Эти толки дошли и до М. К. Чалаго, который въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что я и директоръ А. К. Долленъ распустили гимназію, хотя и приводитъ въ доказательство факты, случившіеся въ Кіевской 1 гимназіи за годъ до моего назначенія при инспекторѣ князѣ Дабижѣ. Что обвиненіе Чалаго лишено всякаго основанія, можно убѣдиться изъ того, что со времени моего назначенія инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи во второй половинѣ 1860 г. и во все время моего инспекторства, до 1862 г. въ то время, когда во 2 гимназіи и въ университетѣ были безпорядки, въ первой гимназіи не было ни одного случая рѣзкаго нарушенія дисциплины.

поляки въ совершенствѣ. Начались сначала подметныя письма, угрозы и предостереженія и затѣмъ демонстраціи. Замѣчательное явленіе представлялъ Кіевъ въ это время. Городъ, въ которомъ болѣе 200 т. православнаго населенія, благодаря нѣсколькимъ сотнямъ польскихъ недорослей, торжественно объявляется польскимъ городомъ и дѣйствительно дѣлается позорищемъ польскаго фанатизма. Нѣсколько сотенъ университетской молодежи, руководимые воспитателями-поляками, дерзко буйствуютъ среди бѣла дня и буйствуютъ почти безнаказано. Первая и самая, можно сказать, дерзкая демонстрація состоялась въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1862 г. Польскіе студенты, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ополяченныхъ русскихъ и евреевъ, сдѣлали сходку возлѣ университета, построились въ ряды и торжественно прошли чрезъ весь городъ въ городской костелъ. Тамъ избили до полусмерти полицейскаго пристава, распоряжавшагося возлѣ костела, и, пропѣвъ въ костелѣ свои гимны, въ такомъ же порядкѣ, какъ пришли въ костелъ, возвратились въ университетскій залъ, разбили шкафъ, въ которомъ вывѣшивались объявленія отъ начальства, изорвали правила университетскія и спокойно разошлись по домамъ. Странное дѣло! При всѣхъ этихъ безобразіяхъ власти какъ бы стушевались. Трудно рѣшить вопросъ, былъ ли то страхъ предъ разъяренной толпой, или просто умышленное попущеніе, съ цѣлью выяснить себѣ все безобразіе демонстраціи. Но какъ бы то ни было, бездѣйствіе власти при первой явной дерзости польской молодежи имѣло весьма дурныя послѣдствія. Благодаря слабости русской власти начали распространяться въ городѣ слухи, что русское правительство боится поляковъ и готово на всѣ уступки. Многіе повѣрили такой нелѣпости и начали либеральничать на тему снисхожденія. Такой взглядъ преобладалъ и между членами педагогическаго совѣта Кіевской 1 гимназіи. Я однако смотрѣлъ весьма серьезно на демонстрацію, какъ на прелюдію къ возстанію, и потому рѣшился твердо вооружиться всѣми силами власти и не допустить учениковъ къ участію въ демонстраціяхъ. Въ такомъ направленіи я велъ дѣло, внушая ученикамъ, что участіе ихъ въ демонстраціяхъ будетъ имѣть для нихъ самыя серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ въ городѣ пошли слухи, что готовится вторая демонстрація, въ видѣ поминокъ по инсургентамъ, убитымъ въ Варшавѣ.

Ко мнѣ обратились ученики еще за два дня до этой демонстраціи и просили дозволить имъ отправиться въ городской костелъ. Я категорически отказалъ и строго приказалъ ученикамъ-полякамъ быть въ этотъ день въ гимназической каплицѣ. Нѣкоторые изъ учителей начали возражать противъ моего распоряженія, но я рѣ-

шительно заявилъ, что двери гимназіи будутъ заперты, что я буду у дверей, и что ученики только по мнѣ могутъ выйти изъ зданія. Не такъ разсудило высшее начальство. Посовѣтовавшись съ главными властями, оно секретно и словесно приказало отвести учениковъ въ университетскій костелъ. Эта полумѣра повела къ тому, что я долженъ былъ отмѣнить мое распоряженіе. Ученики съ надзирателями и неделями отправлены въ университетъ; но старшіе ученики, замѣшавшись въ ряды студентовъ, вопреки распоряженію, отправились въ городской костелъ, гдѣ именно готовилась демонстрація. Пришлось наказывать за ослушаніе; но либералы или лучше моя оппозиція постаралась до того обѣлить поступокъ учениковъ, что рѣшили ограничиться однимъ выговоромъ ученикамъ, мои же заявленія о серьезномъ значеніи ослушанія въ данномъ случаѣ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ послабленіе учащейся молодежи, допущенное самими властями, подало поводъ къ цѣлому ряду самыхъ строгихъ приказаній со стороны тѣхъ же властей о недопущеніи участія учащихся въ демонстраціяхъ. Но дѣло уже зашло такъ далеко, что остановить движеніе нельзя было никакими приказами; требовались мѣры рѣшительныя—это исключеніе и удаленіе молодежи изъ города, но никто не считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Между тѣмъ броженіе умовъ быстро усиливалось. Университетская молодежь, которая имѣла большое вліяніе и на младшее поколѣніе или на гимназистовъ, начала готовиться къ возстанію. Одни лили пули, другіе обучались верховой ѣздѣ, третьи занялись вербовкой повстанцевъ. Но все это дѣлалось тайно, подъ прикрытіемъ законной фирмы. Обнаружить или придраться къ подпольной дѣятельности было невозможно. Ходили только темные слухи, а по наружности все притихло.

Энергическій образъ моихъ дѣйствій во время польскихъ демонстрацій не мало способствовалъ къ тому, что я нажилъ враговъ. Они старались вредить моей репутаціи и въ особенности успѣли вооружить противъ меня человѣка мнѣ незнакомаго, но весьма вліятельнаго въ кіевскомъ образованномъ обществѣ. Это былъ инспекторъ института и профессоръ университета Виталій Яковлевичъ Шульгинъ, впослѣдствіи даже породнившійся со мною и хорошій знакомый, но во время польскаго возстанія еще мнѣ незнакомый. Послѣдствія предубѣжденія противъ меня Шульгина въ то время въ особенности обнаружились при моемъ назначеніи директоромъ Кіевской 1-й гимназіи, почти совпадающемъ съ эпохой польскаго возстанія. Дѣло въ томъ, что когда попечитель Витте обратился къ Шульгину съ предложеніемъ занять мѣсто директора 1-й гимназіи,

то онъ, не будучи еще знакомымъ мнѣ, поставилъ условіемъ принятія предложенія мое удаленіе изъ гимназіи. Витте пригласилъ меня и предложилъ мѣсто директора въ Ровенской гимназіи. Но такъ какъ въ г. Ровно не было женскаго учебнаго заведенія, и я не имѣлъ возможности тамъ воспитывать своихъ дѣвочекъ, то на третій день, явившись къ Витте, отказался принять его предложеніе. Тогда попечитель пустился въ откровенность и объяснилъ поводъ къ его предложенію; я же съ своей стороны объяснилъ, что я не имѣю чести знать г. Шульгина, и что его предубѣжденіе противъ меня могло быть только внушено моими врагами. Витте призадумался и вслѣдъ затѣмъ просилъ меня занять мѣсто директора первой гимназіи, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что ему крайне не нравится условіе, поставленное г. Шульгинымъ. Такъ я сдѣлался директоромъ Кіевской первой гимназіи въ 1862 г. въ самую смутную эпоху, за полгода до начала польскаго возстанія въ Кіевѣ, или лучше до выхода изъ Кіева банды инсургентовъ въ 1863 г.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

XI [1]).

Польская рухавка въ Кіевѣ и ея комическій характеръ.—Неудачная защита и исключеніе изъ гимназіи бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ.

Въ концѣ апрѣля 1863 г. въ темную ночь, подъ предводительствомъ бывшаго берейтора университетскаго Ольшанскаго вышло изъ Кіева сотни двѣ повстанцевъ. Изчезновеніе изъ пансіона нѣсколькихъ старшихъ воспитанниковъ я впрочемъ замѣтилъ еще съ вечера и напрасно велѣлъ ихъ въ разыскивать городѣ. На другой день скоро все объяснилось. Бибиковскій бульваръ уже съ утра оживился. Шли войска, ѣхали пушки, двигались массы народа любопытныхъ поглазѣть какъ ведутъ плѣнныхъ. Около 12 час. привезли въ городъ умирающаго солдатика, раненаго инсургентами. Остановились возлѣ клиники, со всѣхъ сторонъ сбѣжались тысячи народа. Раненый, почти умирающій, лежалъ неподвижно, а возлѣ него ветеранъ 12-го года Зуевичъ держалъ патріотическую рѣчь зажигательнаго свойства. Тысячи народа были страшно возбуждены и возмущены въ особенности тѣмъ, что инсургенты застрѣлили нашего солдата въ то время, когда войскамъ еще не разрѣшено было начинать стрѣльбу. Попечитель приказалъ немедленно привести въ извѣстность всѣхъ бѣжавшихъ въ повстанье и исключить ихъ изъ списковъ учени-

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

ковъ гимназій. Въ тотъ же день собранъ педагогическій совѣтъ и на немъ-то оказалась вся сила ловкихъ польскихъ дѣятелей, руководившихся приготовленіями къ возстанію исподтишка, но притворявшихся огорченными, что молодые люди вышли въ повстанцы. Во время засѣданія совѣта моя оппозиція и во главѣ ея русскій учитель исторіи, весьма добродушный, но недалекій господинъ, разумѣется, подъ вліяніемъ учителей-поляковъ, сидѣвшихъ въ совѣтѣ молча, выступилъ съ эффектною рѣчью въ защиту бѣжавшихъ воспитанниковъ, оправдывая ихъ тѣмъ, что они увлечены благородною любовью къ своему отечеству. Я далъ оратору окончить рѣчь и затѣмъ, вставши, съ своей стороны держалъ рѣчь, что въ Кіевѣ я знаю одно только отечество Россію и что не время говорить о любви къ польскому отечеству ополяченныхъ русскихъ, когда за стѣнами они проливаютъ кровь русскихъ. Мой оппонентъ не имѣлъ однако столько благоразумія, чтобы замолчать, и началъ снова поддерживать свое мнѣніе о снисхожденіи; тогда я прямо замѣтилъ, что я не могу допустить въ совѣтѣ его разглагольствій въ такомъ направленіи и, если онъ не замолчитъ, закрою засѣданіе совѣта. Только такимъ образомъ мнѣ удалось остановить потокъ краснорѣчія и благополучно завершить засѣданіе совѣта. Совѣтъ единогласно рѣшилъ исключить бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ. Только три голоса: оратора русскаго и двухъ поляковъ отказались отъ подачи голоса.

Однако не скоро еще окончилась моя борьба съ польскою партіею. Въ 1863 г. по распоряженію генералъ-губернатора и попечителя я командированъ былъ въ м. Немировъ для участія въ производствѣ политическаго слѣдствія о жандармахъ-отравителяхъ. Возмутительное это дѣло началось въ Немировской гимназіи съ того, что ученикъ VII класса полякъ Мисѣвичъ передалъ товарищу своему ополяченному русскому православному Баковецкому ядъ для отравленія учителя гимназіи Воронаго (яраго) весьма вліятельнаго, но яраго противника поляковъ. Ученикъ, получившій ядъ или потому, что очень любилъ учителя, или просто вслѣдствіе того, что въ немъ проснулась совѣсть, сознался во всемъ учителю. Дано знать директору, попечителю и генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ Анненковъ назначилъ подъ предсѣдательствомъ помощника командующаго войсками генерала Семякина комиссію изъ старшаго чиновника особыхъ порученій Андреевскаго и, по указанію попечителя, меня. Въ началѣ ноября мы въ одинъ день двинулись въ путь и всѣ трое встрѣтились на станціи въ Бѣлой церкви, а за тѣмъ вмѣстѣ же отправились въ Немировъ и расположились въ палацѣ Потоцкаго, въ которомъ была отведена квар-

тира для слѣдовательной комиссіи. Скоро разъяснилось все дѣло. Гимназистъ Мисѣвичъ оказался только орудіемъ другого лица, которое именовало себя капитаномъ жандармовъ. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій университетъ, нѣкто Левецкій. Мы успѣли его разыскать и арестовать. Оказался очень ловкій и, повидимому, скромный молодой человѣкъ съ бѣлокурою небольшою бородкою, со всѣми признаками хорошаго тона. Мы съ Андреевскимъ согласилась обойтись съ нимъ какъ можно вѣжливѣе и дѣйствительно своимъ спокойствіемъ довели его до раскаянія. Предъ нами раскрылась не столько со словъ Левецкаго, сколько изъ разныхъ бумагъ, захваченныхъ при арестахъ (которымъ признано необходимымъ до 40 арестовъ), вся, такъ сказать, подноготная польской интриги. Пришлось производить изслѣдованіе о такъ называемой пантофлевой почтѣ преимущественно посредствомъ евреевъ, а также разбирать всѣвозможные шифры и всякія переписки. Я заинтересовался дѣломъ и незамѣтно, помимо производства слѣдствія, перешелъ на почву изслѣдованія причинъ польскаго возстанія. Почти цѣлый мѣсяцъ [1]) я провелъ въ Немировѣ и успѣлъ изучить всѣ тайныя пружины польской интриги среди милліоновъ русскаго православнаго населенія. Оказалось, что это въ высшей степени курьезное явленіе обусловливалось въ значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находился Юго-Западный край со времени возсоединенія его съ Россіею.

По присоединеніи Кіевской, Волынской и Подольской губерній во второй половинѣ 18-го вѣка русское правительство, повидимому, мало обращало вниманія на особенности края и на предупрежденіе ополяченія края. Между тѣмъ, польское дворянство, захватившее въ свои руки обширныя помѣстья, приняло съ своей стороны самыя рѣшительныя мѣры для этой цѣли. Средствомъ къ этому служили школы, на учрежденіе которыхъ, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, не скупились паны. Послѣ возстанія 1830 г.

---

[1]) Странно, однако, распоряжалось правительство подъ конецъ производства дѣла. Сначала былъ отозванъ помощникъ командующаго войсками Семякинъ, потомъ уѣхалъ Андреевскій, и я съ огромнымъ дѣломъ и массою арестованныхъ остался одинъ въ громадномъ палацѣ Потоцкаго, имѣя помѣщенія возлѣ балкона, выходившаго въ тѣнистый садъ. Мнѣ предлагали солдатика для охраны, но я разсудилъ, что такая мѣра не защититъ меня и скорѣе вызоветъ катастрофу, а потому отказался отъ охраны и въ теченіе одной недѣли былъ одинъ, пока не пріѣхалъ новый слѣдователь. Полякамъ ничего не стоило изъ саду, черезъ балконъ, пробраться въ мою квартиру и уничтожить меня, вмѣстѣ съ дѣломъ. Но подъ вліяніемъ страха, или по другимъ причинамъ они меня оставили въ покоѣ.

польскія школы закрыты, но взамѣнъ ихъ не дано достаточнаго числа школъ русскихъ. Мало того, крестьянскому, т. е. русскому православному населенію вовсе воспрещено было поступленіе въ высшія дворянскія школы. Вся интеллигенція края, за исключеніемъ Кіева, сосредоточивалась въ средѣ польскаго дворянства, Во всемъ краѣ былъ единственный магазинъ съ русскими книгами. Въ домахъ употреблялся календарь Бердичевскій на польскомъ и русскомъ языкѣ. Независимо отъ того, въ началѣ царствованія Императора Александра II, благодаря новымъ либеральнымъ вѣяніямъ, поляки принялись просвѣщать народъ на польскихъ букваряхъ и даже устроили тайныя общества для распространенія въ краѣ польскихъ книгъ. Польскіе буквари раздавались даромъ или даже навязывались. Даже православное духовенство непрочь было пощеголять знаніемъ польскаго языка, чему я лично былъ свидѣтелемъ во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи. Неудивительно, что, благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ, значительная часть населенія быстро ополячилась.

Даже въ Кіевѣ, гдѣ въ началѣ XIX столѣтія не было ни одного учащагося въ Главномъ народномъ училищѣ поляка, даже въ Кіевѣ на каждомъ шагу слышался польскій языкъ и состояло два книжныхъ магазина съ польскими книгами.

XII.

Изданіе „Кіевскаго народнаго календаря“.—Замѣна имъ Бердичевскаго польскаго календаря. — Нападеніе на изданіе кіевскихъ украинофиловъ.— Сочувствіе изданію календаря и быстрое увеличеніе числа подписчиковъ.

Возвратившись въ Кіевъ послѣ командировки, я подробно изложилъ попечителю округа всѣ мои соображенія о мѣрахъ противодѣйствія польской интригѣ и вмѣстѣ представилъ и свое предположеніе объ изданіи въ Кіевѣ „Народнаго календаря“, который бы могъ замѣнить мало-по-малу „Бердичевскій календарь“. Попечитель принялъ очень сочувственно мои предложенія, и я немедленно взялся за дѣло, посовѣтовавшись съ помощникомъ попечителя Михневичемъ, который нѣсколько лѣтъ издавалъ „Одесскій календарь“. Я горячо взялся за изученіе календарнаго дѣла и за тѣмъ за составленіе календаря. Къ лѣту 1864 г. я уже приготовилъ Кіевскій народный календарь на 1865 годъ. Оставалось приступить къ печатанію его; но вдругъ встрѣтилось затрудненіе. Польскій календарь издавали безпрепятственно; но изданіе русскаго календаря признано подрывомъ монополіи академіи, а потому составленную мною

рукопись попечитель представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и просилъ разрѣшенія мнѣ приступить къ печатанію моего труда. По разсмотрѣніи въ министерствѣ, я, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ разрѣшеніе приступить къ изданію моей книги. Я обратился въ типографію Кіево-Печерской лавры и просилъ о скорѣйшемъ напечатаніи календаря. Въ теченіе мѣсяца типографія, снабженная въ это время новыми скоропечатными машинами, успѣла выпустить книгу въ десяти тысячахъ экземпляровъ. Первое изданіе быстро разошлось, можно сказать не болѣе, какъ въ двѣ недѣли. Я немедленно напечаталъ еще 5 тыс.; но и этихъ оказалось недостаточно. Въ концѣ декабря я еще прислалъ напечатать три съ половиною тысячи экземпляровъ. Такъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разошлось 18.500 экз. календаря. Такое быстрое распространеніе книги (въ особенности, если принять во вниманіе, что я по неопытности не сдѣлалъ объявленія о книгѣ въ газетахъ, и въ распространеніи ея пользовался только услугами единственнаго тогда кіевскаго книгопродавца Литова), несомнѣнно доказываетъ, что мною была угадана потребность въ краѣ въ русской настольной книгѣ и что слѣдовало всѣми мѣрами поддержать изданіе.

Въ этихъ видахъ бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ Александръ Павловичъ Безакъ, находя Кіевскій народный календарь удовлетворяющимъ своему назначенію, призналъ необходимымъ оказать русскому изданію свое дѣйствіе воспрещеніемъ Бердичевскаго польскаго календаря на томъ основаніи, что онъ издается на польскомъ языкѣ и не можетъ удовлетворять потребностямъ большинства населенія Юго-Западнаго края.

Тѣмъ не менѣе по усмиреніи польскаго возстанія, когда поляки совершенно затихли, выступилъ моимъ оппонентомъ и съ яростью набросился на мою скромную книжку или лучше на мой первый опытъ календарной дѣятельности кружокъ украинофиловъ, который въ то время трудился надъ изданіемъ народныхъ книжекъ на малороссійскомъ нарѣчіи и хлопоталъ о признаніи этого послѣдняго нарѣчія школьнымъ языкомъ. Появленіе моего календаря, на общерусскомъ литературномъ языкѣ, понятно разсматривалось негласно моими оппонентами, какъ подрывъ ихъ дѣятельности; и такъ какъ я по происхожденію—малороссъ, то они стали смотрѣть на меня какъ на ренегата, измѣнившаго интересамъ своей родины. Такой взглядъ высказывался, разумѣется, не печатно; но тѣмъ не менѣе меня, признаюсь, крайне огорчалъ и побудилъ меня выступить на защиту своего изданія. Началась полемика, которая, какъ я ни старался держаться на почвѣ литературнаго спора, скоро однако

перешла въ область національныхъ пререканій. Двадцать слишкомъ лѣтъ продолжался этотъ горячій споръ, который постоянно поддерживалъ меня въ напряженномъ состояніи и заставлялъ развивать въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ мою издательскую дѣятельность. Въ пылу своей горячности и увлеченія я кромѣ календаря, изданія котораго расходились съ начала въ 40 тыс., потомъ въ 50, въ 60 и даже въ 67-ми тысячахъ экземпляровъ, началъ десятками тысячъ экземпляровъ издавать букварь, книгу для чтенія и друг. книги, назначая продажную цѣну не дороже 2 к. за печатный листъ. Календарь вмѣсто четырехъ обѣщанныхъ листовъ сталъ издавать въ 12-ти. И все дальше и дальше увлекался подъ вліяніемъ патріотическихъ стремленій, которыя мои оппоненты прозвали почему-то квасными. Но это и естественно: съ ихъ точки зрѣнія, мой патріотизмъ могъ показаться даже и горькимъ для нихъ, какъ бы я ни старался подсластить его пользою дѣла. Весьма интересно припомнить всѣ перипетіи моей полемики съ крайними украинофилами, полемики, которая, нужно правду сказать, не убѣдила спорящихъ, но лично мнѣ принесла пользу въ томъ отношеніи, что я могъ выработать ясное сознаніе своей роли и окончательно утвердиться въ своихъ убѣжденіяхъ.

XIII.

Мои отношенія къ малороссійскому сепаратизму.—Кулишъ и его „Основа".—Пребываніе Кулиша въ Черниговѣ.—Кіевскій кружокъ украинофиловъ и его дѣятельность.

Еще на университетской скамьѣ, когда арестовали Костомарова и Шевченка, я при всемъ сочувствіи къ Костомарову, какъ къ профессору, и къ Шевченку, какъ народному поэту; при всемъ несочувствіи къ неумѣстной строгости правительства, не могъ не сознавать всей нелѣпости малороссійскаго сепаратизма и въ особенности не сочувствовалъ обнаруженному корифеями украинофильства стремленію обособленія языка, литературы и школы малороссійской. Мнѣ всегда казался страннымъ взглядъ на выработавшійся исторически обще-русскій литературный языкъ, какъ на иностранный, и еще страннѣе было стремленіе нѣкоторыхъ господъ помимо существующаго языка школы, для мужиковъ выдумать мужичій языкъ и учить на немъ въ такъ называемой народной школѣ, на югѣ Россіи. Вотъ почему еще въ пятидесятыхъ годахъ, по вступленіи на престолъ Александра II, когда малороссійскій сепаратизмъ высказался и началъ упорно проводиться въ нѣкото-

рыхъ органахъ печати и когда, въ бытность мою учителемъ Черниговской гимназіи, мы, учители гимназіи, и въ числѣ ихъ нѣсколько ярыхъ приверженцевъ украинофильства (такъ, напримѣръ, И. П. Дорошенко, докторъ Носъ, или какъ его мы называли по-малороссійски, Нисъ, переводчикъ басенъ Крылова на малороссійское нарѣчіе Л. И. Глѣбовъ и друг.), начали собираться другъ у друга и обсуживать текущія дѣла, я выступилъ постояннымъ антагонистомъ обособленія или сепаратизма. Но это были дружескіе споры, чисто теоретическаго характера, которые не вносили ни капли горечи въ мои товарищескія отношенія. Въ интимныхъ бесѣдахъ я не стѣснялся высказывать свои искреннія убѣжденія на свой взглядъ на отношеніи Сѣвера и Юга или великороссовъ и малороссовъ, доказывалъ, что спасеніе для Малороссіи одно и главное средство развитіе гражданственности и политической свободы ея заключается въ полномъ единеніи языка и школы. Проводя такой взглядъ, я не руководствовался политикою, ни такъ названнымъ моими оппонентами квасным патріотизмомъ, а просто стоялъ за историческую правду и потому что въ увлеченіи моихъ дорогихъ земляковъ, которыхъ очень любилъ, видѣлъ грубую ошибку, которая при неблагоріятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть обращена врагами русской народности во вредъ Россіи и въ ущербъ народныхъ интересовъ моей родины. Мнѣ толковали, что малороссы особый народъ, такъ же чуждый великороссамъ, какъ и поляки, и что какъ особый народъ или особая нація они должны имѣть свой особый литературный языкъ, свою особую школу. Но всѣ эти доводы для меня были тѣмъ менѣе убѣдительны, что мои друзья проводили ихъ не столько по собственному убѣжденію, сколько по внушенію литературныхъ органовъ, которые съ расцвѣтомъ свободы слова, совпадавшей съ возвращеніемъ изъ ссылки Костомарова и Шевченки, начали свободно защищать такія ошибочныя тенденціи. Скоро кружокъ украинофильскій въ Петербургѣ, въ главѣ съ такъ называемыми на тогдашнемъ языкѣ „мучениками за свободу“ Костомаровымъ, Шевченкомъ, Бѣлозерскимъ и Кулишемъ, открылъ свою публицистическую дѣятельность изданіемъ органа своей партіи, подъ названіемъ „Основы“. Издатель и главный поставщикъ статей для этого журнала, П. К. Кулишъ, основательно готовился къ изданію его, разъѣзжая по всей Малороссіи для собранія матеріаловъ и на мѣстѣ приглашая сотрудниковъ, что впрочемъ не предупредило рановременной смерти „Основы“, а также того, что сами же украинофилы прозвали свою „Основу“ горшкомъ съ Кулишемъ, иронически указывая, что въ послѣдній годъ существованія „Основы“ Кулишъ всецѣло дѣлаетъ ее своимъ

личнымъ журналомъ, который по недостатку сотрудниковъ преимущественно наполнялъ своими трудами.

Въ 1859 г. лѣтомъ Кулишъ прибылъ въ Черниговъ и началъ играть роль великаго литератора и вмѣстѣ малороссійскаго патріота. Я въ это время много трудился надъ исторіей учебныхъ заведеній. Объ этомъ знали мои друзья украинофилы; такъ какъ я прочитывалъ имъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ прошлаго. Вѣроятно, они сообщили о моей дѣятельности и Кулишу. По всей вѣроятности, Кулишъ, желая пріобрѣсть сотрудника, явился ко мнѣ, сколько помнится, съ докторомъ Нисомъ и учителемъ Дорошенкомъ и началъ уговаривать меня писать по-малорусски. Я, ничтоже сумняся, прямо высказалъ свои убѣжденія. Изъ этого возникъ оживленный споръ у меня съ Кулишемъ, который кончился, какъ всякіе тенденціонные споры, ничѣмъ. Финаломъ этого спора была выходка Кулиша, которая совершенно отняла у меня всякую охоту спорить. Онъ началъ съ апломбомъ доказывать, что подъ Польшею Малороссіи лучше жилось, чѣмъ по возсоединеніи съ Россіею. Доводы Кулиша такъ грѣшили противъ исторической истины, что просто казались нелѣпыми софизмами, не заслуживавшими серьезнаго вниманія. Напрасно я старался доказать всю неосновательность выводовъ Кулиша и убѣдить его, что наше обособленіе будетъ вмѣстѣ и пашпмъ ослабленіемъ. Онъ стоялъ на своемъ и зло нападалъ на мое руссофильство.

Интересно при этомъ вспомнить, какъ встрѣтило великаго патріота малороссійскаго черниговское общество или, лучше сказать, служащіе въ Черниговской гимназіи. Въ первое время они имъ восторгались, а подъ конецъ его пребыванія какъ-то охладѣли. Причиною этого было нелѣпое поведеніе Кулиша съ возлюбленною имъ украинофилкою Параскою, женою одного изъ учителей. Его игра въ чувства, возложеніе на себя публично сплетеннаго Параскою вѣнка и масса разныхъ мелочей въ такомъ родѣ охладили сочувствіе къ нему. Не лучше его приняли и черниговскіе мальчишки, уличники. Иллюстраціей ихъ отношенія къ его персонѣ можетъ служить слѣдующій случай:

Кулишъ явился ко мнѣ въ костюмѣ необыкновенномъ: въ широчайшихъ шелковыхъ красныхъ шароварахъ, въ архалукѣ, имѣвшемъ изображать крестьянскую свиту, и чуть ли не въ смушевой шапкѣ. Посидѣвши у меня часа два, онъ предложилъ прогуляться въ такъ называемый Константиновскій садъ, или, лучше, простой валъ на берегу р. Стрыжня, охраняемый двумя старыми заржавленными пушками. Едва мы вышли на площадь предъ соборомъ, какъ собралась куча мальчишекъ съ крикомъ: Турокъ! Турокъ!

Шалуны продолжали кричать, указывая на Кулиша. Такой пріемъ повидимому, смутилъ будущаго издателя „Основы“, и онъ круто повернулъ съ площади въ проулокъ по дорогѣ къ квартирѣ доктора Носа, гдѣ онъ остановился. Мы пришли къ Носу; но разговоръ не клеился, и я поспѣшилъ удалиться домой. Случай этотъ самъ по себѣ не важенъ, но онъ навелъ меня на многія размышленія, а главнымъ образомъ служилъ блистательнымъ доказательствомъ, насколько мечты о старой козачинѣ и о самобытности Малороссіи гармонировали съ дѣйствительностію.

Такъ Кулишъ съ своими шароварами потерпѣлъ фіаско въ лицѣ юныхъ отпрысковъ черниговскаго мѣщанства. Не успѣлъ онъ убѣдить и меня писать для „Основы“ по-малороссійски. Къ сожалѣнію, моя встрѣча съ украинофильствомъ не была послѣднею. Переѣхавши въ Кіевъ, я уже засталъ окрѣпшій кружокъ крайнихъ украинофиловъ при университетѣ. Кружокъ этотъ скоро, однако, изъ стѣнъ университета перешелъ на поприще общественной дѣятельности. Во главѣ этого кружка становятся люди даровитые, энергическіе, которые захватываютъ въ свои руки воскресныя школы, а по закрытіи ихъ, благодаря попустительству тогдашняго инспектора казенныхъ училищъ, а впослѣдствіи помощника попечителя М. А. Тулова, хотя отчасти пріобрѣтаютъ вліяніе на правительственныя школы, основанныя въ Юго-Западномъ краѣ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1862 г. Смѣлость и самоувѣренность украинофиловъ доходитъ до того, что въ либеральное министерство народнаго просвѣщенія Головнина оффиціально ходатайствуютъ объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ нарѣчіи и успѣли даже выхлопотать казенную субсидію на изданіе такихъ книгъ.

„Напечатано прежде всего собраніе басенъ Крылова на малорусскомъ нарѣчіи, и мнѣ, за отсутствіемъ Тулова и передачею во временное завѣдываніе школъ, пришлось платить за напечатаніе этого изданія съ громкимъ заглавіемъ „отъ громады“, но изъ казеннаго кармана. Богъ вѣсть куда бы мы дальше пошли, если бы вдругъ не грянулъ каракозовскій выстрѣлъ, который далъ совершенно другое направленіе внутренней политикѣ правительства. Въ это время министерство Головнина сходитъ, со сцены, и начинается эпоха преобразованій графа Толстого. Въ Кіевѣ попечительствуютъ одинъ за другимъ князь Ширинскій-Шихматовъ до 1867 г. и за тѣмъ генералъ Платонъ Александровичъ Антоновичъ съ 1867 по 1880 годъ.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

XIV [1]).

Народныя школы въ Юго-Западномъ краѣ.—Борьба съ духовенствомъ.—Примирительная политика князя Ширинскаго и его неудачи.—Порученіе мнѣ завѣдыванія училищами.—Народныя училища Волынской губерніи и новыя затрудненія съ духовенствомъ.—Назначеніе Тулова помощникомъ попечителя.—Мое положеніе какъ редактора-издателя Кіевскаго народнаго календаря.

Еще во время попечительства Витте одновременное предоставленіе права заводить народныя школы и Министерству Народнаго Просвѣщенія и духовному вѣдомству сдѣлалось источникомъ взаимныхъ пререканій и неудовольствій со стороны духовенства, которое, повидимому, желало все дѣло взять въ свои руки и крайне недовольно было вмѣшательствомъ министерства. Къ этому присоединились и нѣкоторыя личныя недоразумѣнія спеціально мѣстнаго характера. Витте былъ лютеранинъ, Туловъ женатъ на полькѣ; и по своему характеру, и по своимъ отношеніямъ къ молодежи воскресныхъ школъ не пользовался довѣріемъ тогдашняго митрополита Арсенія; духовенство знало это и не скупилось на разныя ложныя подозрѣнія и даже доносы, набрасывавшіе тѣнь подозрѣнія на дѣятельность округа по части народныхъ школъ. Тулова обвиняли и въ полонизмѣ, и въ хохломанствѣ. Даже его смушевая сивая шапка, вѣроятно купленная имъ для разъѣздовъ зимой, сдѣлалась предметомъ доносовъ. Но въ особенности покойнику Арсенію почему-то не нравилась учрежденная при округѣ педаго-

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

гическая школа для приготовленія учителей народныхъ училищъ, имѣвшая полуоффиціальный и временный характеръ. Все въ ней не нравилось духовенству: и ученіе въ преподаваніи молодежи, и завѣдываніе этой школой Туловымъ, и принятіе въ школу исключенныхъ семинаристовъ, на направленіе которыхъ духовенство смотрѣло съ отрицательной точки зрѣнія. Зная объ всемъ этомъ, митрополитъ Арсеній, человѣкъ характера крутого, не любилъ молчать. Онъ прямо выражался, что министерскія школы считаетъ хуже языческихъ, заподозрѣвая самую религіозную сторону педагогической школы и учителей, изъ нея выпускаемыхъ.

Въ 1864 г. на мѣсто Витте, переведеннаго попечителемъ въ Царство Польское, былъ назначенъ князь Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ безъ большого образованія, но религіозный и по своему направленію вполнѣ отвѣчавшій идеалу духовенства. По всей вѣроятности онъ получилъ изъ министерства особыя инструкціи по части народныхъ школъ, съ широкими уполномочіями въ духѣ примирительной политики съ духовенствомъ. Это можно было предполагать по той лихорадочной дѣятельности князя, которую онъ прежде всего обратилъ на народныя школы. Въ угоду Арсенію князь устранилъ Тулова, закрылъ педагогическую школу и вмѣстѣ открылъ походъ для примиренія съ духовенствомъ.

Въ это время на меня возложено было завѣдываніе народными училищами Юго-Западнаго, края и мы вмѣстѣ съ княземъ не мало потрудились по части примиренія, сдѣлали не мало уступокъ желаніямъ митрополита. Но все было напрасно. Арсеній упорно держался своего взгляда на министерскія школы, отклоняя всѣ проекты соглашенія. Такъ князь прежде всего въ угоду митрополиту захотѣлъ усилить религіозный элементъ въ школахъ и отнесся къ Арсенію по этому предмету съ своими предположеніями. Но митрополитъ далъ замѣтить, что нѣтъ ничего опаснѣе для религіи, какъ вмѣшательство мірскихъ людей, хотя бы ученыхъ и благочестивыхъ, но не посвященныхъ въ дѣла церковныя. Желая устранить пререканія по адресу учителей народныхъ училищъ, князь обратился къ митрополиту съ просьбою назначать окончившихъ семинаріи въ учителя народныхъ училищъ. Митрополитъ, повидимому, согласился; но когда окончившіе семинарію обратились съ просьбами о назначеніи ихъ учителями и, по назначеніи на мѣста, отправились за благословеніемъ къ владыкѣ, то встрѣтили самый суровый пріемъ и угрозу полнаго исключенія изъ духовнаго вѣдомства. На нѣкоторыхъ эта угроза произвела свое дѣйствіе, и они поспѣшили отказаться отъ мѣстъ. Огорченный такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ іерарха, а болѣе всего упрекомъ въ неправоспо-

собности по части религіозной, Ширинскій-Шихматовъ не нашелъ возможнымъ входить дальше въ личныя сношенія съ Арсеніемъ, а поручилъ мнѣ представиться митрополиту въ качествѣ завѣдывающаго народными училищами и попросить его инструкціи относительно дальнѣйшаго открытія школъ. Митрополитъ принялъ меня очень любезно; но послѣ продолжительной бесѣды высказался, что онъ приказалъ открыть церковно-приходскія школы при всѣхъ церквахъ своей епархіи и что округу остается открывать школы только въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церквей.

Князь предпочелъ отказаться на время отъ открытія школъ въ Кіевской епархіи и перенесъ свою дѣятельность въ Волынскую епархію, гдѣ еще не было ни одного народнаго училища. Между тѣмъ, положеніе мое, какъ завѣдывающаго народными школами, оказалось весьма затруднительнымъ.

По закрытіи педагогической школы и размѣщеніи окончившихъ курсъ въ ней въ училища Подольской губерніи, я не имѣлъ въ виду людей, подготовленныхъ къ своему дѣлу, для назначенія во вновь открываемыя училища. Въ виду этого я выхлопоталъ у князя продолженіе существованія такъ называемой нормальной школы, учрежденной при педагогической школѣ. Тогда я принялъ слѣдующій порядокъ укомплектованія училищъ преподавателями: обращался къ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ и просилъ ихъ приглашать на должности учителей окончившихъ курсъ наукъ въ уѣздныхъ училищахъ и достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Для испытаній подавшихъ прошенія о предоставленіи имъ учительскихъ мѣстъ я частнымъ образомъ устроилъ при гимназіи комитетъ экзаменаціонный изъ преподавателей Закона Божія, русскаго языка и математики. По выдержаніи экзамена въ этомъ комитетѣ абитуріенты на должности учителей въ теченіе полгода, а иногда и менѣе практиковались въ способахъ преподаванія подъ руководствомъ моимъ и учителя нормальной школы, а затѣмъ послѣ пробной лекціи отправлялись на должности.

Еще болѣе трудностей представляло управленіе училищами. По необходимости я долженъ былъ опираться не на данныхъ, добытыхъ личнымъ наблюденіемъ, а на показаніяхъ разныхъ лицъ, которыя разновременно командировались попечителемъ для осмотра народныхъ училищъ. Изъ такихъ лицъ, преимущественно приглашавшихся изъ отставныхъ учебныхъ чиновниковъ, болѣе другихъ потрудились для народнаго образованія: бывшій смотритель Старо-Константиновскаго училища Страшневичъ, бывшій учитель исторіи Житомірской гимназіи Рафальскій, бывшій смотритель Кіевскаго уѣзднаго училища Проценко, а потомъ смотритель

того же училища Ильинскій и другъ. Приглашены были временно и нѣкоторыя изъ лицъ, состоявшихъ на службѣ. Такъ привлекался къ дѣлу И. Я. Ростовцевъ, инспекторъ первой Кіевской гимназіи, въ скорости впрочемъ назначенный директоромъ Житомірской гимназіи (впослѣдствіи инспекторъ училищъ, помощникъ попечителя и наконецъ попечитель Оренбургскаго округа). Привлеченъ былъ также къ этому же дѣлу бывшій учитель первой гимназіи, потомъ директоръ Острожской семинаріи Н. Д. Богатиновъ, которому было поручено завѣдываніе книжнымъ складомъ народныхъ училищъ.

Между тѣмъ, учрежденіе народныхъ школъ въ Волынской епархіи встрѣтило такія же затрудненія, какъ и въ Кіевской епархіи. Бывшій волынскій архіерей Антоній отнесся къ этимъ школамъ такъ же враждебно, какъ и Арсеній. Дѣйствуя въ духѣ митрополита, онъ отказался отъ назначенія законоучителей въ открытыя школы. Только чрезъ годъ онъ согласился на представленіе попечителя и назначилъ законоучителей.

Потерпѣвъ неудачу въ своей примирительной дѣятельности съ духовенствомъ, князь въ то же время возбудилъ не малое озлобленіе въ мѣстномъ кружкѣ украинофиловъ. Причиной этого было удаленіе отъ народныхъ школъ Тулова, котораго въ средѣ означеннаго кружка называли „батькомъ“, а еще болѣе безтактное распоряженіе о сожженіи малороссійскихъ книгъ, находившихся въ складѣ народныхъ училищъ. Были однако толки, что означенныя книги сожжены по моему приказанію, какъ завѣдывающаго народными училищами. Враги мои рѣшили бить не по коню, но по оглоблямъ. Они съ пѣною у рта набросились на мое скромное изданіе, начали преслѣдовать его всѣми мѣрами, стараясь такъ или иначе подорвать или даже убить мое предпріятіе. Я съ своей стороны не выдержалъ и писалъ землякамъ свои отповѣди, чѣмъ еще болѣе озлоблялъ своихъ враговъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ пошелъ однако на компромиссы и началъ съ того, что Тулова представилъ въ помощники попечителя и воспользовался замѣчательнымъ умѣньемъ этого послѣдняго вести тонкую политику или лучше балансировать, угождая и нашимъ и вашимъ. Мое положеніе, при такой перемѣнѣ фронта со стороны князя, было не изъ легкихъ; но чѣмъ упорнѣе меня преслѣдовали земляки своими нападками, тѣмъ упорнѣе я преслѣдовалъ свои цѣли. Упорство это поддерживалось сколько личнымъ моимъ характеромъ, столько же и сочувствіемъ публики къ моему изданію, что несомѣнно доказывалось быстрымъ увеличеніемъ числа подписчиковъ какъ на календарь, такъ и на другія мои изданія.

Безпрерывныя затрудненія, встрѣчаемыя со стороны духовен-

ства при открытіи народныхъ училищъ, навели попечителя на мысль отложить открытіе школъ до утвержденія проекта общаго плана учрежденія школъ въ Юго-Западномъ краѣ, а до того онъ предположилъ ограничиться мѣрами приготовительными къ открытію этихъ школъ. Съ этою цѣлью лицамъ, избраннымъ для осмотра школъ, поручено было войти на мѣстахъ въ переговоры съ крестьянскими обществами о мѣрахъ къ устройству училищъ, съ возможнымъ содѣйствіемъ со стороны обществъ. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ крестьяне изъявятъ готовность обезпечить существованіе училища, предписано было созывать, при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ, мірскіе сходы для составленія приговоровъ объ обезпеченіи предполагаемаго училища. Такимъ образомъ, по одной Волынской губерніи составлено до 300 мірскихъ приговоровъ, которыми крестьяне обязывались выстроить удобное для помѣщенія училища зданіе и обезпечить содержаніе его въ порядкѣ и отопленіе. Въ нѣкоторыхъ же приговорахъ кромѣ того назначалось дополнительное жалованье учителю изъ суммъ общества.

По собраніи всѣхъ данныхъ, мнѣ поручено было княземъ составить записку и проектъ преобразованія училищъ въ краѣ. Я взялся за дѣло съ большою любовію, разсмотрѣлъ архивъ канцеляріи попечителя, обративъ особенное вниманіе на фундушевыя записи объ условіяхъ пожертвованій польскихъ помѣщиковъ въ пользу училищъ и внимательно прослѣдилъ мѣры для народнаго образованія въ краѣ. Результатомъ моихъ трудовъ была обширная историческая записка, въ которой я фактически доказалъ, что ополяченіе Юго-Западнаго края послѣдовало въ значительной степени послѣ присоединенія его къ Россіи, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ польскаго дворянства, обезпечивавшаго училища средствами по фундушевымъ записямъ только подъ условіемъ обученія на польскомъ языкѣ и въ духѣ полонизаціи края. Не мало къ ополяченію края способствовало и недопущеніе крестьянъ къ среднему образованію; вслѣдствіе чего мѣстная интеллигенція края могла формироваться только изъ польскаго дворянства.

По соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, я представилъ въ своей запискѣ слѣдующій планъ народнаго образованія въ краѣ:

Основаніемъ я принялъ низшія школы, которыхъ я предположилъ до 300 школъ на каждую губернію. Для приготовленія начальныхъ учителей я проектировалъ центральныя училища, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ учительскихъ семинарій. Крестьянамъ тѣхъ селеній, въ которыхъ предполагалось учредить школы, предоставлялось учреждать стипендіи для воспитанія дѣтей въ центральныхъ училищахъ или въ гимназіяхъ. Для надзора за учебными заведе-

ніями проектированы три дирекціи училищъ изъ директоровъ и четырехъ инспекторовъ въ каждой губерніи. Разработку проекта школъ началъ я еще въ декабрѣ 1865 г., но могъ окончить ее только къ концу апрѣля 1866 г. Торопилъ дѣло генералъ-губернаторъ Безакъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, и въ особенности попечитель. Я долженъ былъ работать даже въ первые три дня Пасхи и едва успѣлъ представить проектъ въ окончательномъ видѣ къ концу свѣтлой недѣли. Въ восторгѣ былъ князь, горячо интересовавшійся народными школами, и препроводилъ все дѣло въ министерство. Къ сожалѣнію этому проекту, стоившему не мало труда, не суждено было осуществиться; такъ какъ всѣ предположенія Головина оставлены, а новый министръ графъ Толстой занялся главнымъ образомъ реформой гимназій. Дѣло устройства народныхъ школъ находилось въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Князь въ началѣ 1867 года отправился въ Петербургъ и въ февралѣ мѣсяцѣ привезъ новыя предположенія о школахъ. Мнѣ опять поручена разработка проекта школъ и опять пришлось работать во всѣ дни Пасхи. Самая трудная работа было составленіе штатовъ; такъ какъ въ нихъ приходилось принимать въ зачетъ суммы, отпускавшіяся въ прежнее время на народное образованіе, и назначить количество новаго отпуска суммъ на каждое училище. Работа эта заняла цѣлый мѣсяцъ и окончена только къ концу апрѣля мѣсяца. Замѣчателенъ инцидентъ, сопровождавшій окончаніе этой египетской работы. Приступая къ дѣлу, я просилъ князя установить оклады жалованья для каждаго типа заведеній; такъ какъ цифры эти должны быть проведены чрезъ всѣ училища даннаго типа. Князь согласился и утвердилъ нормальный штатъ заведеній; но когда я окончилъ работу и принесъ ему для просмотра, онъ началъ уменьшать оклады учителей. Это меня возмутило вдвойнѣ: во-первыхъ, я считалъ невозможнымъ уменьшить окладъ учителя въ 300 руб. въ годъ до 150 р., какъ пожелалъ внезапно князь; а во-вторыхъ, всю работу приходилось передѣлывать наново. Я положилъ тетрадь со штатами на столъ князю и просилъ освободить меня отъ этого труда. Князь очень разсердился, но въ концѣ концовъ примирился съ моимъ нежеланіемъ уменьшить окладъ учителей народныхъ училищъ, этихъ горемычныхъ тружениковъ на неблагодарной нивѣ народнаго образованія, и дѣло окончилось мирно.

Проектъ, представленный въ министерство, утвержденъ лишь въ 1869 г. при попечителѣ Антоновичѣ; но утвержденъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ, безъ дирекцій народныхъ училищъ и съ учрежденіемъ взамѣнъ того инспекціи народныхъ училищъ

Юго-Западнаго края. Къ концу 1869 г. я сдалъ всѣ дѣла по народнымъ училищамъ инспекціи, а самъ ограничился по просьбѣ попечителя снабженіемъ училищъ книгами. Дѣло это, стоившее мнѣ не малаго труда, служило только для обремененія меня, не доставляя почти никакой матеріальной пользы, такъ какъ книги высылались училищамъ по издательскимъ цѣнамъ, а обычная уступка едва покрывала расходы по содержанію книжнаго склада и жалованье людей, при немъ состоявшихъ.

XV.

Преобразованіе гимназіи въ открытое заведеніе для приходящихъ учениковъ.—Инцидентъ съ Мусницкимъ.—Удаленіе изъ гимназіи учителей поляковъ.—Состояніе гимназій.—Правила объ испытаніяхъ.—Съѣздъ директоровъ и его дѣятельность.

Между тѣмъ въ Кіевской I гимназіи съ 1862 г. началось преобразованіе изъ закрытаго заведенія исключительно для однихъ пансіонеровъ въ заведеніе открытое для приходящихъ учениковъ. Еще въ бытность мою инспекторомъ Пироговъ поручилъ мнѣ составить проектъ такого преобразованія. Составленный мною проектъ разсмотрѣнъ въ педагогическомъ Совѣтѣ гимназіи и въ 1861 г. представленъ попечителемъ въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году проектъ получилъ утвержденіе, и я, вступивъ въ должность директора, прежде всего долженъ былъ заняться преобразованіемъ заведенія. Послѣдствіемъ такого преобразованія было значительное уменьшеніе числа пансіонеровъ и въ то же время быстрое увеличеніе числа приходящихъ учениковъ. Число учащихся въ заведеніи вообще быстро увеличивалось, такъ что каждый почти годъ приходилось ходатайствовать объ открытіи параллельныхъ классовъ. Вслѣдствіе этого мало-по-малу гимназія изъ маленькаго заведенія съ 180 учащихся сдѣлалась мало-по-малу одной изъ многолюднѣйшихъ гимназій въ Имперіи. Несмотря на открытіе въ Кіевѣ еще трехъ гимназій, число учащихся въ ней скоро дошло до 700. Всѣ классы были раздѣлены на параллельныя отдѣленія. Персоналъ учителей почти удваивался. Мнѣ былъ предоставленъ выборъ учителей, и я принялъ за правило останавливать свой выборъ на лучшихъ педагогическихъ силахъ. Къ чему представлялась полнѣйшая возможность, такъ какъ я, постоянно присутствуя на пробныхъ лекціяхъ, имѣлъ свѣдѣніе о служащихъ во всѣхъ почти заведеніяхъ. Учители поляки послѣ усмиренія возстанія притихли, заведеніе начало приходить въ нормальное положеніе. Припоминается однако интересный

инцидентъ съ ученикомъ 5-го класса, племянникомъ бывшаго коменданта кіевской крѣпости генерала Мусницкаго, полякомъ Мусницкимъ. Въ гимназіи въ то время состоялъ надзирателемъ при пансіонѣ и временно исправляющимъ должность учителя латинскаго языка кандидатъ-педагогъ А. Я. Ивановъ, извѣстный своимъ ригоризмомъ и неукротимымъ характеромъ. Своимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ онъ такъ ожесточилъ Мусницкаго, что тотъ въ порывѣ раздраженія поднялъ на неугомоннаго наставника палку и чуть не ударилъ его. Такой поступокъ доведенъ былъ до моего свѣдѣнія, и я въ виду серьезности вины ученика велѣлъ внести все дѣло въ Совѣтъ. Совѣтъ онредѣлилъ уволить Мусницкаго. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, Мусницкій на другой день явился въ классъ съ ножомъ, сѣлъ возлѣ дверей и рѣшительно объявилъ, что зарѣжетъ Иванова. Бывшій инспекторъ, а нынѣ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа Ив. Яковл. Ростовцевъ явился ко мнѣ на квартиру встревоженный и заявилъ, что Ивановъ, который долженъ былъ давать урокъ въ классѣ Мусницкаго, узнавши о намѣреніи послѣдняго, ушелъ домой и что онъ, инспекторъ, самъ боится войти въ классъ, гдѣ сидитъ Мусницкій. Я немедленно потребовалъ въ инспекторскую Иванова, а самъ вошелъ въ классъ и отвелъ Мусницкаго въ больницу, а Иванову велѣлъ немедленно занять урокъ. Вмѣстѣ съ этимъ я вытребовалъ тройку почтовыхъ лошадей и вмѣстѣ съ педелемъ отправилъ буяна при письмѣ къ родителямъ.

Вскорѣ послѣ этого печальнаго происшествія попечитель Витте пригласилъ меня и объявилъ, что по распоряженію правительства учители поляки должны быть удалены изъ гимназіи. Распоряженіе это произвело цѣлый бунтъ въ Кіевской 1 гимназіи противъ начальства, такъ что попечитель призналъ необходимымъ обратиться къ помощи войскъ. Генералъ-губернаторъ однако отнесся съ ироніею къ такому требованію и, говорятъ, предложилъ Витте рюмку краснаго вина для успокоенія и, какъ бы въ шутку, послалъ нѣсколько казаковъ съ нагайками. Тѣмъ не менѣе еще съ утра узнавъ о безпорядкахъ въ Кіевской 2 гимназіи, я принялъ свои мѣры, а именно: усилилъ надзоръ за учащимися, а швейцарамъ велѣлъ не впускать въ заведеніе учениковъ второй гимназіи. Несмотря на это на большой перемѣнѣ обнаружилось нѣкоторое движеніе и между учениками первой гимназіи. Они прислали мнѣ двухъ болѣе смѣлыхъ учениковъ съ просьбою о разрѣшеніи поднести подарокъ одному изъ уволенныхъ правительствомъ учителей. Я усмотрѣлъ въ такой просьбѣ неумѣстную демонстрацію, которая ни въ какомъ случаѣ не могла быть допущена, а потому велѣлъ одному изъ

надзирателей принести изъ класса книги депутатовъ и немедленно отправилъ ихъ домой, объяснивъ, что ученики, выступающіе съ подарками лицамъ, удаляемымъ изъ заведеній правительствомъ, не могутъ быть терпимы въ заведеніи. Мѣра эта, окончившаяся допущеніемъ учениковъ чрезъ три дня въ гимназію, была весьма благодѣтельна. Она навела спасительный страхъ на демонстрантовъ и быстро прекратила всякое броженіе между учениками старшихъ классовъ.

По удаленіи учителей-поляковъ гимназія совершенно успокоилась. Преподаваніе польскаго языка закрыто; на мѣста же прочихъ учителей-поляковъ выбраны были дѣльные русскіе люди. Въ этомъ отношеніи много помогало дѣлу, что въ то время попечители никогда не вмѣшивались въ выборъ преподавателей, а предоставляли его начальникамъ заведеній. Много помогали мнѣ въ приведеніи заведенія въ отличное состояніе и мои непосредственные помощники и сотрудники инспекторы И. Я. Ростовцевъ, Н. П. Кустовъ, С. И. Паліенко, а также преподаватели, въ особенности преподаватели древнихъ языковъ и математики, относившіеся къ своему дѣлу весьма серьезно и съумѣвшіе значительно поднять уровень познаній учащихся. Вообще преподаватели въ это время пріобрѣтаютъ гораздо большее вліяніе на учениковъ, такъ какъ стали гораздо ближе къ нимъ. Отношенія между учащими и учащимися постепенно улучшаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается и надзоръ и установленіе дисциплины въ заведеніи. Прежнее обиліе такихъ наказаній, какъ лишеніе пищи и свободы, происходившее главнымъ образомъ отъ формальнаго отношенія къ дѣтямъ, мало-по-малу переходитъ въ область исторіи. Съ своей стороны я въ особенности заботился объ установленіи искреннихъ отношеній съ учащимися справедливымъ, благожелательнымъ и безпристрастнымъ обращеніемъ съ ними. Дѣйствуя въ такомъ направленіи, я мало-по-малу старался устранять коллективныя шалости учениковъ, которыя въ старину доставляли начальствующимъ въ заведеніяхъ не мало хлопотъ, вслѣдствіе упорства и запирательства виновныхъ, а еще болѣе вслѣдствіе духа товарищества, готоваго покрывать иногда и весьма некрасивыя выходки шалуна. Обыкновенные пріемы педагоговъ прежняго времени въ такомъ случаѣ заключались въ принятіи мѣръ противъ цѣлаго класса, въ наказаніи наобумъ безъ фактическихъ доказательствъ виновности, къ угрозамъ по адресу цѣлаго класса, и тому подобныя мѣры, которыя только озлобляли и поддерживали враждебный начальству духъ товарищества, но не приносили никакой пользы для дисциплины въ заведеніи. При коллективныхъ проступкахъ учащихся, я, прежде всего, относился спокойно и не

спѣшилъ найти виновниковъ, и признаюсь, въ большинствѣ случаевъ успѣвалъ достигнуть своей цѣли: виновный отыскивался или даже самъ являлся. Это значительно помогало къ поддержанію порядка въ заведеніи. Признаюсь, были и ошибки въ этомъ направленіи. Такъ однажды въ классѣ, въ которомъ слушали уроки ученики 7-го и 3-го класса попеременно, былъ разбитъ мраморный столъ, устроенный для физическихъ опытовъ. Надзиратель доложилъ мнѣ, что столъ разбитъ и разбитъ въ то время, когда находились въ классѣ ученики старшіе 7-го класса. Я заподозрѣлъ и даже наложилъ денежное взысканіе на нѣсколькихъ человѣкъ 7 класса, извѣстныхъ мнѣ силачей, любившихъ пустить въ ходъ свою богатырскую силу. Но, наложивъ взысканіе, я долго медлилъ съ приведеніемъ его въ исполненіе. И что же, спустя мѣсяцъ дѣйствительные виновные въ разбитіи мраморнаго стола оказались, но не въ 7-мъ, а въ третьемъ классѣ. И мнѣ только оставалось извиниться предъ учениками 7-го класса въ своемъ несправедливомъ подозрѣніи.

Болѣе всего я боялся почти общаго недостатка прежнихъ школьныхъ порядковъ—это возведенія дѣйствій, совершенно не вредныхъ для дисциплины, въ преступленіе. Таково было преслѣдованіе княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ усовъ и бородъ. Онъ терпѣть не могъ, если подъ носомъ у мальчика появлялся малѣйшій признакъ усовъ. Я съ своей стороны неприкосновенность этого пушка считалъ необходимою, единственно для того, чтобы, заставляя юношу бриться преждевременно, не пробуждать въ немъ наклонности подражать взрослымъ и усваивать ихъ привычки. Припомню одинъ случай, который до нѣкоторой степени можетъ характеризовать отношеніе попечителя къ начальникамъ заведеній и къ вопросу о бородѣ. Князь, живя въ гимназіи, имѣлъ обыкновеніе приглашать насъ къ себѣ на чай. Это случалось по субботамъ, когда онъ бывалъ въ гимназической церкви на всенощной. Однажды былъ такой случай. Къ князю явился съ просьбою ученикъ 7 класса 2-й Кіевской гимназіи какой-то сербъ съ значительными признаками усовъ. Князь, какъ оказалось, очень разсердился на такой безпорядокъ. Вечеромъ будучи въ церкви, онъ пригласилъ къ себѣ насъ, директоровъ и инспекторовъ. Пришли мы. По обыкновенію любезно усажены возлѣ кабинетнаго стола. Намъ предложено взять по папироскѣ, и вслѣдъ за тѣмъ разразился громъ и молнія начальническаго гнѣва. Досталось и мнѣ за мой пушокъ. Мы слушали потокъ гнѣвныхъ рѣчей и мяли въ рукахъ начальническія папиросы до того, что онѣ совершенно были уничтожены. Такъ продолжалась грозная рѣчь князя, пока лакей не вошелъ съ подносомъ и не предложилъ намъ чаю. Мы, разумѣется, поспѣшили отказаться

отъ чаю и убрались поскорѣе домой. Долго мы припоминали этотъ случай и смѣялись, что князь задалъ намъ „субботки". Да кажется, что и князь сохранилъ въ памяти этотъ случай. Это видно изъ того, что, встрѣтивъ меня въ Москвѣ, на выставкѣ чрезъ пять лѣтъ, онъ отрекомендовалъ меня своему помощнику князю Мещерскому: „это, говоритъ, тотъ директоръ, который называлъ ученическіе усы юношескимъ пушкомъ".

Изъ педагогическихъ вопросовъ, занимавшихъ меня въ это время, былъ вопросъ объ экзаменахъ. Интересно прослѣдить исторію этого вопроса. Я уже говорилъ, что Пироговъ замѣнилъ экзамены такъ названными имъ тентаменами. Они состояли въ томъ, что ученики должны были въ одинъ день испытываться по всѣмъ предметамъ, переходя отъ одного экзаменаціоннаго комитета къ другому. Не умѣли мы исполнить распоряженія начальства или быть можетъ вслѣдствіе непрактичности самаго плана преобразователя, тентамены признаны неудобными. Въ это время заинтересовавшись вопросомъ, я внесъ въ Совѣтъ гимназіи записку объ экзаменахъ, въ которой доказывалъ, что для поднятія успѣшности занятій учащихся необходимо придать особое значеніе годичнымъ отмѣткамъ. При чемъ для большей основательности такихъ отмѣтокъ предлагалъ при спрашиваніи учениковъ въ особенности высшихъ классовъ ввести письменные отвѣты. А затѣмъ, придавъ особое значеніе годичнымъ отмѣткамъ, экзамены назначать только для сомнительныхъ по успѣхамъ учениковъ, переводя безъ экзамена учениковъ, имѣющихъ вполнѣ удовлетворительныя годичныя отмѣтки, и оставляя въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ учениковъ, получившихъ большинство неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Проектъ мой принятъ Совѣтомъ и представленъ попечителю, который распорядился мою записку напечатать въ циркулярѣ по округу. Вскорѣ былъ возбужденъ вопросъ объ экзаменахъ и въ попечительскомъ Совѣтѣ, который постановилъ поручить мнѣ составленіе проекта правилъ объ экзаменахъ. Я на изложенныхъ выше основаніяхъ выработалъ проектъ, который почти безъ измѣненія утвержденъ попечительскимъ Совѣтомъ. Недостатокъ этого новаго порядка выразился на практикѣ тѣмъ, что лучшіе ученики, освобождаясь отъ экзаменовъ, не имѣли случая основательно повторять предметы въ общемъ ихъ составѣ, а лѣнивые ученики удостоивались, по случаю недопущенія къ экзамену, большихъ вакацій, во время которыхъ еще болѣе тупѣли, растерявъ и то немногое, что пріобрѣтали въ теченіе года. Вслѣдствіе этого на съѣздѣ директоровъ, созванномъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, снова поднятъ вопросъ объ экзаменахъ. Съѣздъ директоровъ въ особенности

придалъ значеніе письменнымъ отвѣтамъ и ввелъ ихъ въ составъ экзаменовъ. На такомъ основаніи составленъ особой комиссіей проектъ новыхъ правилъ объ экзаменахъ, который и утвержденъ попечительскимъ Совѣтомъ.

Вообще на съѣздѣ директоровъ сдѣлано много постановленій для упорядоченія учебнаго дѣла въ гимназіяхъ. Повидимому, съѣздъ или лучше руководитель его попечитель стремился обнять всѣ стороны школьной жизни и свое усердіе простиралъ, кажется, дальше, чѣмъ слѣдовало. Это повело ко введенію въ гимназію разныхъ формальностей, строго говоря, несущественныхъ, но тѣмъ не менѣе затруднявшихъ безполезно и начальствующихъ, и подчиненныхъ. Къ такимъ постановленіямъ можно отнести разныя частныя распоряженія о классной дисциплинѣ, о надзорѣ за учащимися и проч.

XVI.

Реформа гимназій графа Толстого.—Мѣры къ форсировачному ея введенію.—Неблагопріятныя послѣдствія такой форсировки.—Отрицательное отношеніе общества и литературы.—Озлобленіе молодежи.—Первое политическое дѣло въ стѣнахъ гимназіи.

Все это было какъ бы подготовленіемъ той широкой регламентаціи, которая начинается реформой гимназіи графа Д. А. Толстого. Уже въ 1868 г. у насъ въ Кіевѣ начали носиться слухи, что въ Министерствѣ готовится громадная реформа гимназій, въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ или лучше ихъ редактора, большого приверженца классическаго образованія Каткова. Въ періодической печати возгорѣлась страшная полемика по школьному вопросу. Одни доказывали, что классицизмъ потерялъ свое значеніе и что филологія можетъ составлять только спеціальный предметъ въ университетскихъ курсахъ, а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо обратить вниманіе на общіе реальные предметы образованія. Противъ этого писалъ Катковъ, указывая на опасность реальнаго направленія для государства, и доказывалъ, что будущее спасеніе отечества въ основательномъ изученіи древнихъ языковъ. Мало-по-малу школьный вопросъ, требовавшій мирнаго и спокойнаго разрѣшенія гражданскимъ порядкомъ, сдѣлали вопросомъ политическимъ. Политика насильно и извнѣ навязана школѣ. Результаты такого ненормальнаго направленія скоро обнаружились, въ особенности со введеніемъ новаго устава гимназіи въ 1871 г.

Форсированное введеніе новой реформы гимназій началось еще до утвержденія устава этихъ заведеній, почти за три мѣсяца. Въ

концѣ апрѣля 1871 г. получено внезапно распоряженіе министерское, которымъ прежній семилѣтній курсъ гимназій признанъ недостаточнымъ, а потому предписано допустить къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ только учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ отличныя годовыя отмѣтки, остальныхъ же учениковъ, уже мечтавшихъ объ университетѣ, велѣно оставить на повторительный курсъ. Такое распространеніе реформы на окончившихъ курсъ учениковъ еще до утвержденія устава въ законодательномъ порядкѣ и учащимися, и обществомъ, и печатью разсматривалось, какъ актъ министерскаго произвола, и потому заронило въ души многихъ понятное озлобленіе, которое не замедлило отозваться и въ оппозиціонныхъ газетахъ, съ злорадствомъ занимавшихся фактомъ недопущенія учениковъ къ экзамену, разукрашивая послѣдствія министерскаго распоряженія разными деталями и варіаціями, которыя только могли разжигать общественное неудовольствіе. Къ сожалѣнію и Катковъ, взявшій на себя роль защитника реформы школьной, отвѣтилъ грозными филиппиками противъ газетныхъ толковъ, филиппиками, въ которыхъ всякое возраженіе противъ реформы или, лучше, скороспѣлыхъ ея исполнителей провозгласилъ чуть не государственной измѣной. Оппозиціонная печать тоже не молчала. Начались предостереженія и запрещенія газетъ. Начался въ обществѣ и въ средѣ молодежи глухой, подпольный ропотъ. Зло было загнано внутрь государственнаго организма. Партія „Молодой Россіи“, еще зародившаяся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, воспрянула духомъ. Она увидѣла, что для нея настала жатва на полѣ недовольства и озлобленія противъ правительства. Это въ особенности ясно обнаружилось въ настроеніи университетской молодежи. Броженіе умовъ въ университетѣ начало проникать чрезъ старшихъ учениковъ и въ школу. Не мало помогали развитію враждебнаго реформѣ настроенія въ средѣ молодежи и сами родители, которые, не стѣсняясь даже при дѣтяхъ, позволяли себѣ осуждать новые школьные порядки.

При такомъ состояніи общества появился наконецъ новый уставъ, присланный для немедленнаго примѣненія въ гимназіяхъ. Неудивительно, что новый законъ не былъ встрѣченъ сочувственно. Отрицательное же отношеніе къ нему со стороны большинства интеллигенціи неблагопріятно отразилось и на учащихся. Началась пресловутая борьба изъ-за классицизма. Министерство придумывало мѣры, чтобы во что бы ни стало изучать латинскую и греческую грамматику, а родители и дѣти изъ кожи лѣзли, доказывая, что изученіе сихъ грамматикъ, на которыя по новому уставу назначена половина учебнаго времени, безполезно въ жизни. Моя роль, какъ директора заведенія, значительно осложняется. Съ одной стороны

я долженъ настаивать и требовать, чтобы правила устава и предписанія начальства исполнялись въ точности, а съ другой—принимать мѣры для убѣжденія родителей и дѣтей въ необходимости изученія древнихъ языковъ. Мало того, преподаватели древнихъ языковъ вообразили себя жрецами классицизма и, дѣйствуя въ духѣ реформы, стали форсировать свои требованія. Къ несчастію, при скудости своихъ научныхъ ресурсовъ, они больше требовали, чѣмъ сами давали. Давая мало, они тѣмъ не менѣе не скупились на дурныя отмѣтки. Дурнымн отмѣтками какъ бы щеголяли нѣкоторые изъ преподавателей, ставя себѣ въ заслугу строгость. Для довершенія бѣдъ присланы составленныя въ министерствѣ правила объ экзаменахъ, по которымъ значительно возвышенъ уровень требованій для перевода учениковъ въ высшіе классы и для полученія аттестата зрѣлости. Къ сожалѣнію, всѣ эти строгости не принесли тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Напротивъ, онѣ только усиливали озлобленіе противъ реформы и поддерживали весьма нежелательное отрицательное отношеніе къ изученію древнихъ языковъ. Дѣло педагогіи, которое по самому своему существу должно развиваться мирно, сдѣлалось боевымъ. А что хуже всего—школу втянули въ политику. Результаты такого ненормальнаго положенія не замедлили обнаружиться въ тѣхъ дикихъ выходкахъ, которыми опозорила себя „Молодая Россія".

Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что всѣ печальныя событія конца царствованія Императора Александра II были не болѣе какъ слѣдствіе форсированной, не чуждой нѣкотораго деспотизма реформы гимназій. Однако несомнѣнно, что абстрактность школы, основавшей въ монархическомъ государствѣ всю систему обученія главнымъ образомъ на изученіи республиканскихъ формъ жизни древнихъ народовъ, со всѣми бурными проявленіями этой жизни, не могла не имѣть вліянія на настроеніе учащейся молодежи. Этому не мало помогало и недовольство школьными порядками, навязанными какъ бы насильно обществу и школѣ. Неудивительно, что при такомъ настроеніи умовъ подпольная дѣятельность входитъ въ моду среди незрѣлой и одичавшей молодежи. Формируются революціонные кружки нигилистовъ, потомъ соціалистовъ, и, наконецъ, самыхъ злыхъ анархистовъ. Начинается подпольная ажитація, а за тѣмъ и динамитная революція единицъ противъ милліоновъ, съ подкопами, выстрѣлами изъ-за угла и другими безобразіями, и вообще явленія въ высшей степени уродливыя и нелѣпыя, но въ то же время весьма печальныя, такъ какъ фигурируетъ во всей этой трагикомедіи молодежь и молодежь самая зеленая, отъ 16-ти лѣтъ включительно и почти не свыше 30 лѣтъ.

Интересно прослѣдить исторію такого печальнаго явленія и, по возможности, выяснить себѣ причины и условія, благопріятствовавшія развитію этого зла. Первый фактъ подпольной революціи обозначился хожденіемъ въ народъ для распространенія книжекъ возмутительнаго содержанія и для пропаганды революціонныхъ идей. Скоро однако хожденіе въ народъ потерпѣло фіаско; народъ русскій оказался неспособнымъ воспринимать и увлекаться разными бреднями молодежи, пущенными въ свѣтъ въ видѣ запрещенныхъ революціонныхъ книжекъ, появившимися за границею и привезенными въ видѣ контрабанды въ Россію. Строго говоря, и хожденіе въ народъ, и вся революціонная литература не представляла ничего серьезнаго. Во всей затѣѣ ясно обнаруживалась несостоятельность и незрѣлость предпринимателей: но для молодыхъ людей, настроенныхъ враждебно, революціонныя книжки, какъ запретный плодъ, были заманчивы, не потому чтобы юные читатели проникались революціонною проповѣдью, но просто вслѣдствіе любопытства и желанія порисоваться ролью опасныхъ людей, похвастаться титуломъ государственныхъ преступниковъ. Среди молодежи дурно настроенной слово „государственный преступникъ“ сдѣлалось модным, и я съ грустью долженъ сознаться, что не одинъ шестнадцатилѣтній гимназистъ того времени мечталъ попасть въ категорію такихъ преступниковъ. И нужно сказать, что такими несчастными по большей части руководила не столько испорченность, сколько какой-то пѣтушиный задоръ, желаніе порисоваться предъ товарищами, а иногда нелѣпое желаніе разыграть роль взрослаго опаснаго человѣка.

Такое впечатлѣніе я вынесъ изъ перваго политическаго дѣла, возникшаго къ несчастію въ Кіевской 1-й гимназіи въ 1876 г. Дѣло происходило такимъ образомъ: сынъ помѣщика Черниговской губерніи нѣкто Кандыба, ученикъ 5-го класса, 16-ти лѣтъ, выѣзжая въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г. на зимнія каникулы домой, успѣлъ отъ своего старшаго 18-лѣтняго товарища ученика 7-го класса Шефера получить нѣсколько брошюрокъ революціоннаго содержанія и пріѣхавши домой роздалъ ихъ своимъ сверстникамъ грамотнымъ деревенскимъ мальчишкамъ. Родители, увидѣвши эти брошюры, отобрали отъ дѣтей и представили въ полицію. Изъ этого загорѣлось дѣло, стоившее мнѣ не мало горя, не мало безсонныхъ ночей. Началось въ стѣнахъ заведенія слѣдствіе. Какъ-то послѣ обѣда явился ко мнѣ жандармскій адъютантъ Гейкингъ и товарищъ прокурора графъ Сологубъ и внезапно произвели обыскъ у Кандыбы въ пансіонѣ; но ничего не нашли. Тѣмъ не менѣе Кандыба съ апломбомъ сознался, что онъ революціонныя книжки дѣйствительно

передалъ крестьянскимъ мальчикамъ; но только упорно отказывался объявить, отъ кого онъ получилъ означенныя книги. Слѣдствіе однако скоро раскрыло все. Найденъ виновный, передавшій Кандыбѣ книги, найдены даже и тѣ, которые предварительно читали эти книги. Производившіе это слѣдствіе въ моемъ присутствіи жандармскій офицеръ Гейкингъ и товарищъ прокурора графъ Сологубъ вели его въ духѣ доброжелательномъ, стараясь, по возможности, смягчать его сознаніемъ и раскаяніемъ виновныхъ. Одну только ошибку сдѣлали они, что производили слѣдствіе въ стѣнахъ заведенія. Эта ошибка, допущенная, быть можетъ, съ доброю цѣлію, имѣла однако неблагопріятное вліяніе на ходъ дѣла въ заведеніи, возбуждая умы и производя неумѣстные толки. Повидимому, она сказалась и на результатахъ самаго слѣдствія. Сначала главный виновный Шеферъ, передавшій книги Кандыбѣ, приведенъ былъ въ раскаяніе и далъ совершенно искреннее показаніе объ всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Слѣдователи предположили закончить дознаніе, оставивъ учениковъ подъ бдительнымъ надзоромъ начальства гимназіи. Но на другой день, когда Гейкингъ у меня въ столовой занялся допросомъ другихъ прикосновенныхъ учениковъ, Шеферъ передумалъ и рѣшился уничтожить слѣды своего сознанія. Для исполненія такого намѣренія онъ прислалъ сказать, что онъ желаетъ дать дополнительное показаніе. Гейкингъ, не подозрѣвая злого умысла, просилъ товарища прокурора допросить молодого человѣка у меня въ кабинетѣ. Не прошло и $^1/_4$ часа, какъ изъ кабинета раздался крикъ. Я съ Гейкингомъ быстро направились въ кабинетъ и застали такую картину: Шеферъ держалъ въ рукахъ куски изорванной какой-то бумаги, а товарищъ прокурора силился отнять эти куски. Оказалось, что Шеферъ, получивши изъ рукъ Сологуба свое показаніе, будто бы для внесенія дополнительнаго показанія, быстро началъ рвать переданное ему показаніе. Гейкингъ немедленно потребовалъ полицію и сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи дерзкаго мальчика въ тюрьму. Тамъ Шеферъ добился чего желалъ, такъ или иначе попалъ въ „государственные преступники“, благодаря своей глупости и какому-то пѣтушиному задору. Для другихъ учениковъ слѣдствіе окончилось благополучно, не помѣшавъ имъ окончить свое образованіе. Только Кандыба переведенъ былъ въ коллегію Павла Галагана; но и оттуда за дурное поведеніе былъ скоро удаленъ и, кажется, остался недорослемъ.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

XVII [1]).

Историческій взглядъ на ходъ развитія законодательства по учебной части: уставъ народныхъ училищъ 1786 г., уставъ гимназій 1804 г., уставъ 1823 г., мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. — Бифуркація гимназіи и неуспѣшность этой мѣры. — Педагогическое движеніе шестидесятыхъ годовъ. — Уставъ гимназій 1864 г.—Реакція.— Реформа графа Толстого; ея достоинства и недостатки.

Но обратимся къ самой сущности реформы графа Д. А. Толстого и къ ея примѣненію на практикѣ. Сущность реформъ этихъ и отношеніе къ нимъ печати и общества можно выяснить себѣ, только обратившись къ исторіи средняго образованія въ Россіи.

Колыбелью или, лучше, зародышемъ нашихъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній послужили народныя училища, учрежденныя въ концѣ прошлаго столѣтія по уставу Императрицы Екатерины II 1786 г. Созданныя подъ вліяніемъ филантропическихъ идей, господствовавшихъ въ то время, народныя училища были чужды мертвой схоластики. Въ основаніе всей системы обученія въ нихъ положены были принципы великаго славянскаго педагога Яна Коменскаго: наглядность преподаванія и близость науки къ жизни. Всѣ предметы ученія пользовались равноправностію; ибо всѣ предметы, по словамъ устава, суть равно важныя и нужныя части одной цѣпи (Уст. народн. училищъ 5 августа 1786 г.). Еще яснѣе мысль о единствѣ и преподава-

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

нія и равноправности предметовъ обученія выражена въ уставѣ гимназій 5 ноября 1804 г., въ которомъ требуется, чтобы учителя вели дѣло единодушно и дружно, и помогали другъ другу дѣломъ и совѣтомъ. Преподавая свой предметъ, они, по словамъ устава, отнюдь не должны унижать другихъ предметовъ. Тотъ же принципъ и почти тѣми же словами повторяется и въ уставѣ 8 декабря 1823 г.; хотя этотъ послѣдній и допустилъ весьма невѣрный въ педагогическомъ отношеніи принципъ раздѣленія предметовъ ученія на главные и неглавные. Главными однако признаны предметы, которые дѣйствительно должны имѣть первенствующее значеніе въ системѣ общаго образованія, а именно: законъ Божій, русскій языкъ, древніе языки, ариѳметика, геометрія и русская исторія.

Таковые чисто педагогическіе принципы положены были въ основаніе первыхъ уставовъ гимназій. Долго школьное устройство, покоясь на этихъ основахъ, было чуждо всякой политики, преслѣдовало главнымъ образомъ задачи чисто педагогическія. Только въ 1848 г. подъ вліяніемъ смутъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, русское правительство начало относиться къ народному образованію нѣсколько подозрительно. Боясь ученаго пролетаріата, доставившаго главные элементы революціоннаго броженія тогдашняго времени, на западѣ, оно принимаетъ мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. Для этой цѣли придумана была бифуркація тогдашняго времени, или раздѣленіе высшихъ классовъ гимназій на два отдѣленія: классическое съ преподаваніемъ древнихъ языковъ и юридическое для изученія законовъ, съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей для поступленія прямо изъ гимназій въ государственную службу. Но мѣра эта не достигла своей цѣли, потому что трудно было дѣтей, едва достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, дѣлить по спеціальностямъ. И родители, и дѣти предпочитали избирать болѣе широкую университетскую дорогу. Отдѣленіе юридическое оставалось почти пустымъ. Такъ, пріѣхавъ на службу въ Черниговскую гимназію въ 1850 г., я засталъ всего 12 человѣкъ юристовъ, 8 челов. въ 5-мъ и 4 въ 6-мъ классѣ. Къ концу пятидесятыхъ годовъ каѳедра юриспруденціи, какъ я уже замѣтилъ, сама собою закрылась, такъ какъ въ Черниговской гимназіи не оказалось желающихъ отказаться отъ поступленія въ университетъ. Та же исторія повторилась и во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа. Въ это время начинается знаменитое педагогическое движеніе, поднятое и въ литературѣ и въ школѣ Н. И. Пироговымъ. Заговорили со-

вѣты, заскрипѣли перья. Много было увлеченія во всемъ этомъ движеніи; но тѣмъ не менѣе заслуги доктора-педагога несомнѣнны.

Несомнѣнно, что онъ пробудилъ нашу педагогію отъ долговременной спячки и тѣмъ не мало способствовалъ разработкѣ многихъ педагогическихъ вопросовъ, къ выясненію основныхъ задачъ воспитанія.

Прежде всего допущенное уставомъ 1828 года дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные, равно какъ и дѣленіе высшихъ классовъ по спеціальностямъ, признаны неосновательными, такъ какъ всякая спеціализація въ системѣ общаго образованія, по общему мнѣнію тогдашнихъ педагоговъ, могла только мѣшать гармоническому развитію всѣхъ способностей учащагося. Твердо установленъ принципъ, что всѣ предметы, входящіе въ кругъ общаго образованія, должны быть изучаемы равно добросовѣстно, равно основательно. Другая заслуга Пирогова—отмѣна тѣлесныхъ наказаній, служившихъ только къ озлобленію молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднято значеніе педагогическихъ совѣтовъ, которые должны были выработать новый строй, новые школьные порядки. Старая школа, опиравшаяся на системѣ устрашенія, должна была отойти въ вѣчность, а на мѣсто ея должна была народиться школа, основанная на любви къ дѣтямъ, на гуманныхъ началахъ. „Не дѣти для школы, а школа для дѣтей“, твердили тогда, совершенно справедливо, педагоги. Родилась мысль объ индивидуализаціи воспитанія дѣтей или о необходимости ближайшаго ознакомленія съ особенностями и нуждами учащагося. Подведеніе дѣтей подъ одинъ общій взглядъ, подъ одну мѣру признавалось абсурдомъ и осуждалось, какъ и вообще формальное отношеніе къ дѣтямъ.

Само правительство, повидимому, сознавало недостатки старой школы, недостатки устава 1828 г. и приступило къ разработкѣ новаго устава на широкихъ основаніяхъ. Во всѣ учебныя заведенія были разосланы проекты новаго устава гимназій. Педагогическіе совѣты горячо взялись за изученіе и критику этихъ проектовъ и не мало потрудились надъ этимъ дѣломъ. Мнѣнія совѣтовъ и разныхъ лицъ сведены и составили цѣлые томы; но министерство народнаго просвѣщенія, тогда состоявшее подъ управленіемъ Головнина, издавая уставъ 1864 г., ограничилось только общими положеніями въ либеральномъ духѣ. Каракозовскій выстрѣлъ однако далъ внутренней политикѣ совершенно иное направленіе. Началась реакція и въ законодательствѣ, и въ школѣ. Опять начали думать на тему ограниченія ученаго пролетаріата, ограниченія и возможнаго затрудненія

доступа въ университетъ, хотя и не хотѣли открыто признать этого, а прикрывались соображеніями о необходимости поднятія солидности образованія и возведенія его на ту высокую степень, на которой находилось оно на западѣ Европы. Московскіе публицисты упорно стали проводить мысль, что существовавшая въ то время уваровская система образованія въ гимназіяхъ, подправленная новѣйшимъ реальнымъ направленіемъ, представляетъ будто бы какую-то опасность для государства и что для спасенія отечества необходимо все гимназическое ученіе основать на изученіи древнихъ языковъ. Естественныя науки и вообще реальное направленіе, по мнѣнію тогдашняго московскаго оракула Каткова, порождаютъ только нигилизмъ и всякіе другіе измы, которые слѣдуетъ искоренять, какъ искореняютъ негодную траву на нивѣ. Съ такимъ мнѣніемъ однако не согласна была вся тогдашняя литература петербургская, которая, къ сожалѣнію, успѣла уже сильно проштрафиться по части либерализма и вообще не пользовалась особымъ довѣріемъ правительства. Петербургскіе литераторы встрѣтили московскія теоріи съ немалымъ озлобленіемъ и не даромъ, такъ какъ московскіе публицисты не чужды были способности переводить обсужденіе даже самыхъ общихъ вопросовъ на личную почву, любили закидать камешки въ огородъ петербургской печати, усиливая все болѣе и болѣе противъ себя озлобленіе и ненависть либеральной публики, бывшей болѣе на сторонѣ Петербурга, чѣмъ устарѣлой Москвы. Возгорѣлась газетная война. Вся періодическая печать раздѣлилась на два враждебные лагеря: реалистовъ и классиковъ. Первые стояли за изученіе естественныхъ наукъ и вообще за реальное направленіе въ системѣ общаго образованія; вторые въ изученіи природы и въ реальномъ направленіи средняго образованія видѣли источникъ всѣхъ отечественныхъ золъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ самый разгаръ этой бумажной войны, втянувшей школу въ политику, на постъ министра народнаго просвѣщенія вступаетъ человѣкъ желѣзной воли, энергическій и настойчивый, однимъ словомъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Онъ рѣшительно и безповоротно усвоиваетъ взглядъ московскихъ публицистовъ, становится на сторонѣ классицизма, сразу выступаетъ во всеоружіи власти и съ вполнѣ опредѣленною программою. Несмотря ни на что, онъ прямо объявляетъ, что существовавшая до него система образованія недостаточна и что все ученіе должно быть сконцентрировано на главномъ образовательномъ ученіи, однимъ словомъ, на изученіи древнихъ

языковъ, которые должны быть центромъ ученія. Для контенанса упомянута и математика, какъ наука важная для формальнаго развитія учащихся. Всѣ прочія науки признаны дѣломъ второстепеннымъ, полезнымъ настолько, насколько это необходимо для изученія древнихъ языковъ. За примѣрами нечего было ходить далеко; нужно бы только взять число уроковъ по древнимъ языкамъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и новая система образованія была готова. Такъ по уставу графа Толстого на древніе языки взята почти половина учебнаго времени; на прочіе, такъ называемые второстепенные предметы, дано по часу и по два въ недѣлю, какъ бы съ намѣреніемъ отнять отъ учителей возможность основательнаго преподаванія ихъ предметовъ. Даже на Законъ Божій въ высшихъ классахъ, гдѣ въ особенности требовалось противодѣйствіе живого изученія религіи разнымъ нигилистическимъ и антирелигіознымъ теченіямъ въ средѣ молодежи, былъ назначенъ всего одинъ часъ, или лучше сорокъ пять минутъ въ недѣлю, такъ какъ фактически по новому распредѣленію учебнаго времени на пять уроковъ въ недѣлю съ 9 — $2^1/_2$ час. съ промежутками по $^1/_4$ часа между уроками и $^1/_2$ часа на большую перемѣну не было возможности выбирать больше времени на одинъ урокъ. Не менѣе странно было униженіе русскаго языка, русской исторіи, русской географіи, по которымъ по таблицамъ, изданнымъ министерствомъ, можно было, незная предмета, т.-е. получивъ изъ четырехъ годичныхъ отмѣтокъ три неудовлетворительныя отмѣтки, обыкновенно означавшія незнаніе предмета, перейти въ высшій классъ. По второстепеннымъ предметамъ даже не полагалась до четвертаго клласса никакихъ экзаменовъ. Только въ 4-мъ классѣ при значительномъ курсѣ этого класса полагался экзаменъ по второстепеннымъ предметамъ, не давая впрочемъ времени на повтореніе этихъ предметовъ. Такая система образованія была странна въ особенности въ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, гдѣ только-что было подавлено польское возстаніе и гдѣ еврейскій вопросъ назрѣвалъ и все болѣе и болѣе вызывалъ на размышленіе. Правда, понадобилось еще прибавить восьмой классъ, но отъ этого мало выиграли второстепенные предметы, по которымъ даже не назначалось окончательнаго экзамена.

Вообще говоря, реформа графа Толстого основательно была разработана, какъ академическое, кабинетное произведеніе и не страдала недостатками: неточностью, или какими бы то ни было компромиссами. Въ этомъ ее достоинство и вмѣстѣ недостатокъ. Она не обращаетъ вниманія на жизнь школы и на весь

выработавшійся строй ея, а рубить съ плеча, несмотря ни на какія возраженія. Разъ принято, что классицизмъ долженъ спасти Россію и отъ нигилизма, и отъ тлетворнаго духа революціи, во что бы то ни стало онъ долженъ господствовать и все должено предъ нимъ преклониться. Такъ учитъ Катковъ, такъ думаетъ графъ Толстой, такъ написано въ уставѣ, и никто не долженъ смѣть не только возражать, но даже думать иначе. Первыя попытки къ возраженіямъ на крайности были безъ дальнѣйшихъ разсужденій признаны преступленіемъ, чуть не государственной измѣной и повлекли за собою карательныя мѣры. Это еще болѣе возбудило озлобленіе и въ литературѣ, и въ обществѣ, и главное среди молодежи, которая на своихъ плечахъ должна была нести всѣ тяготы тяжелой реформы. Мало-по-малу форсированныя мѣры школьный вопросъ превратили въ вопросъ политическій, что и сдѣлалось корнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ золъ.

Не могу при этомъ не указать еще на два существенные промаха въ реформѣ графа Толстого, которые имѣли громадное вліяніе на весь строй учебныхъ заведеній и на достиженіе тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Первая и можно сказать капитальная ошибка состояла въ уничтоженіи опредѣленныхъ окладовъ жалованья учителей и установленіе вознагражденія по числу уроковъ, которое должно назначаться ежегодно по личному усмотрѣнію директора и Совѣта, съ утвержденія попечителя. Мѣра эта неизбѣжно должна была породить неравенство между учителями и вмѣстѣ окончиться неизбѣжною погонею за уроками. Въ особенности рѣзко недостатки новой мѣры выразились при распредѣленіи преподаванія древнихъ языковъ, по которымъ многіе учители непрочь были взять и болѣе тридцати уроковъ, если бы только дозволяла возможность размѣстить ихъ въ недѣльномъ расписаніи часовъ занятій. Этимъ объясняется появленіе въ средѣ учителей-генераловъ, получавшихъ въ годъ болѣе двухъ тысячъ рублей, и скромныхъ работниковъ, сидѣвшихъ чуть не на пищѣ св. Антонія. Другая невыгодная сторона многоурочія—уменьшеніе основательности и удовлетворительности самыхъ уроковъ. Имѣя отъ 4-хъ до 5-ти уроковъ ежедневно, учитель положительно не имѣлъ возможности подготовиться какъ слѣдуетъ къ урокамъ. Притомъ основательное изученіе древнихъ языковъ обусловливается письменными работами, которыя каждый учитель долженъ задавать еженедѣльно. Но такія работы могли принести пользу въ томъ лишь случаѣ, когда онѣ были бы исправляемы

и оцѣниваемы какъ можно тщательнѣе и добросовѣстнѣе; иначе онѣ являлись почти безполезной для учащихся затратой времени. Въ этомъ я убѣждался нерѣдко, да и не могло быть иначе, когда учителю древнихъ языковъ приходилось имѣть дѣло съ пятью-шестью классами и съ какими-либо тремя стами учащихся.

Другая, не менѣе важная ошибка реформы графа Толстого—расписаніе часовъ занятій учащихся въ гимназіи. Для того, чтобы ближе подойти по числу уроковъ по древнимъ языкамъ къ заграничнымъ гимназіямъ, онъ назначилъ въ день пять уроковъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы собственно на занятія, за исключеніемъ времени на перемѣны, приходилось не менѣе 50 мин. На практикѣ малыя перемѣны съ десяти минутъ фактически увеличивались до 15-ти минутъ при самомъ строгомъ наблюденіи, когда власть входила въ сборную учительскую и всячески заявляла свое нетерпѣніе. При отсутствіи начальства малая перемѣна захватывала и до 20-ти минутъ. Такимъ образомъ на урокъ по большей части многолюдныхъ классовъ оставалось всего 40 минутъ. Въ такой короткій промежутокъ нечего было и думать основательно разработать урокъ, а главное удостовѣриться, насколько ученики основательно усвоили прежній урокъ. Этимъ объясняется спѣшность учителей и вообще формальное отношеніе ихъ къ своему дѣлу, что не могло не отразиться на успѣшности и на основательности гимназическаго ученія.

Е. Н. Андріашева.

(Продолженіе слѣдуетъ).